ПОТТО

КАРССК. ТОРЖЕСТВА
в 1910 г.

Дорогому товарищу Василию Гавриловичу Тро... от сердечно расположеннаго, всегда пом... его товарища С. А. Зубова

Карсъ. 14 Мар. 1914 г.

Карсскія Торжества

въ 1910 году

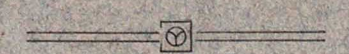
и

Четыре штурма Карса

Составилъ генералъ-лейтенантъ ***Потто.***

Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла Штаба Кавказскаго военнаго округа

ТИФЛИСЪ.
Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.
1911

Карсскія Торжества

въ 1910 году

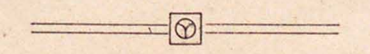
И

Четыре штурма Карса

Составилъ генералъ-лейтенантъ *Потто.*

Изданіе Военно-Историческаго Отдѣла Штаба Кавказскаго военнаго округа.

ТИФЛИСЪ.
Типографія Штаба Кавказскаго военнаго округа.
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Карсскія торжества въ 1910 г. . . . . . . 1.

Подвиги генерала Несвѣтаева на Кавказѣ . . 4.

Перенесеніе праха генерала Несвѣтаева въ Карсъ 17.

Открытіе памятника на братскихъ могилахъ
въ Карсѣ . . . . 26.

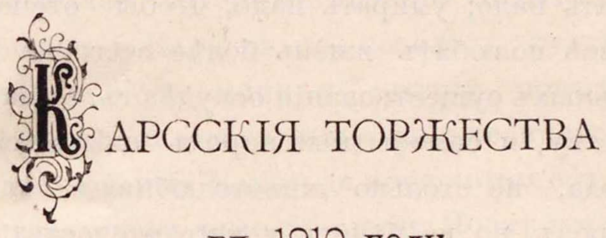
Штурмъ Карса 25-го марта 1807 г. . . . . 51.

Штурмъ Карса 23-го іюня 1828 г. . . . . . 56.

Штурмъ Карса 17-го сентября 1855 г. . . 66.

Штурмъ Карса въ ночь съ 5-го на 6-е нояб-
ря 1877 г. . . . . 83.

Приложенія . . . . 1—13.

КАРССКІЯ ТОРЖЕСТВА

въ 1910 году.

Военныя празднества, торжества и парады имѣютъ болѣе глубокое значеніе и смыслъ, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда людямъ, не посвященнымъ въ тайны военнаго искусства. Эти празднества служатъ всегда живымъ отраженіемъ какого либо минувшаго славнаго историческаго событія и выдвигаютъ передъ нами въ яркой перспективѣ старыя боевыя преданія.

Въ настоящее время, когда всевозможныя усовершенствованія въ области техники военнаго дѣла идутъ такимъ ускореннымъ темпомъ, и невольно въ нашъ нервный вѣкъ поражаютъ воображеніе ложными картинами страшнаго разрушенія, чаще чѣмъ когда нибудь надо напоминать, что тѣми же разрушительными средствами обладаемъ и мы, и что какъ бы далеко не шли техническія изобрѣтенія, какъ бы не усовершенствовались орудія борьбы и пораженія,—тайна побѣдъ все же будетъ заключаться не въ нихъ, а въ духовной сторонѣ человѣка, въ его крѣпкой волѣ отдать самую жизнь, чтобы отстоять величіе, честь и славу своей родины. Такъ поступали наши отцы и дѣды. „Помянухъ дни древніе—поучихся", говоритъ псалмопѣвецъ,—и это безусловно вѣрно въ примѣненіи и къ нашему военному дѣлу. Напоминать о подвигахъ предковъ, знакомиться со свѣтлыми страницами нашей военной исторіи, вотъ лучшее средство зажечь въ сердцахъ такую любовь къ отечеству, которая дастъ человѣку возможность побѣждать самое

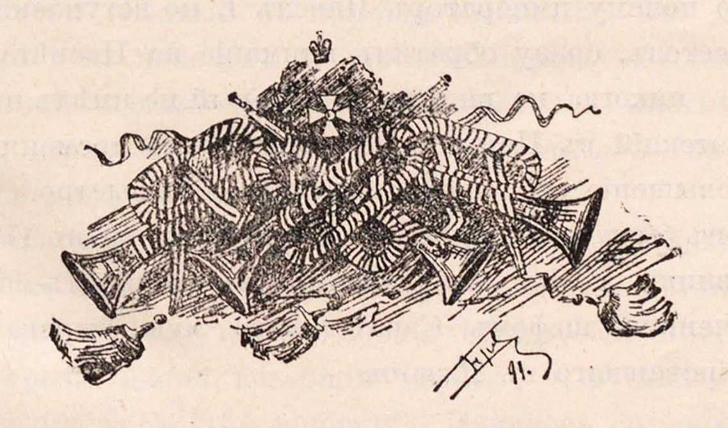
страшнсе для него въ жизни—смерть. Прекрасенъ Божій міръ, а умирать надо; умирать надо, чтобы отечество жило. А когда всѣ полюбятъ жизнь болѣе всего на свѣтѣ, и жертвы отдѣльныхъ существованій оскудѣютъ, тогда придетъ смерть отечеству, и самобытный народъ сдѣлается рабомъ другого народа, не столько животолюбиваго, какъ онъ. Останется народъ, но не будетъ у него отечества.

Къ подобнымъ чествованіямъ крупныхъ историческихъ событій относятся и повѣствующія намъ о доблестяхъ предковъ недавнія карсскія торжества, по поводу открытія памятника на братскихъ могилахъ воиновъ, павшихъ на четырехъ штурмахъ Карса. И какъ ни скромно было это торжество' ограничившееся только тѣсною кавказскою семьею, но значеніе его оттого не умалилось, и хочется невольно подѣлиться тѣми, далеко не будничными впечатлѣніями, которыя вынесъ каждый изъ присутствовавшихъ въ эти памятные дни въ Карсѣ.

Но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ празднествахъ, надо сказать, что имъ предшествовало еще другое, не менѣе важное по своему духовному значенію, событіе, находившееся въ тѣсной связи съ ними—это перенесеніе въ Карсъ праха генерала Несвѣтаева, перваго русскаго вождя, указавшаго къ нему дорогу слишкомъ за сто лѣтъ до нашего времени.

Мысль эта всецѣло принадлежала главнокомандующему войсками Кавказскаго военнаго округа графу Илларіону Ивановичу Воронцову-Дашкову, который, сроднившись съ Кавказомъ еще въ молодые годы, въ великую эпоху его покоренія, является нынѣ не только хранителемъ и выразителемъ боевыхъ преданій, традицій и завѣтовъ былой Кавказской арміи, но и могучимъ живымъ проводникомъ ихъ въ жизнь молодыхъ Кавказскихъ войскъ—наслѣдниковъ славы своихъ знаменитыхъ предковъ. Онъ не хотѣлъ оставить въ забве-

ніи имя Несвѣтаева, одного изъ тѣхъ корифеевъ героическаго эпоса Кавказа, который, вмѣстѣ съ княземъ Цицiановымъ, Котляревскимъ и Карягинымъ, созидалъ лучшія страницы нашей военной исторiи, и потому повелѣлъ перенести останки его съ далекаго, давно заброшеннаго караклисскаго кладбища въ самый Карсъ; да поклонится ему всякiй, кому дорога боевая слава русской армiи. Послѣ перенесенія праха отечественнаго героя князя Багратiона на Бородинское поле, это былъ едва ли не первый случай, закрѣплявшiй въ народной памяти имя вождя въ самомъ мѣстѣ совершеннаго имъ подвига. Жизнь такихъ людей всегда поучительна, и признательность соотечественниковъ должна пережить обычное забвенiе могилы, сохранивъ для потомства по крайней мѣрѣ главнѣйшiя черты ихъ дѣятельности.

I.

Подвиги генерала Несвѣтаева на Кавказѣ.

Сынъ мелкопомѣстнаго дворянина Ярославской губерніи, Петръ Даниловичъ Несвѣтаевъ поступилъ на службу рядовымъ, добился офицерскихъ эполетъ и, участвуя въ финляндской кампаніи 1788 года, былъ раненъ картечью въ голову. Изъ этого похода онъ возвратился уже въ чинѣ маіора. Памятное возстаніе поляковъ въ 1794 году, извѣстное подъ именемъ „варшавской заутрени", застало его въ Вильнѣ, гдѣ войсками командовалъ знаменитый князь Циціановъ. Онъ сразу угадалъ въ старомъ маіорѣ (Несвѣтаеву было уже 39 лѣтъ) выдающагося военнаго дѣятеля и предрекъ ему блестящую карьеру. Это не замедлило исполниться. Неизвѣстно почему императоръ Павелъ I, по вступленіи своемъ на престолъ, сразу обратилъ вниманіе на Несвѣтаева, котораго никогда не видѣлъ и который не имѣлъ ни связей, ни протекцій въ Петербургѣ; но съ этого времени служебное повышеніе его идетъ чрезвычайно быстро. Въ 1797 году онъ былъ произведенъ въ подполковники, въ 1798 г.—въ полковники, а въ слѣдующемъ—въ генералъ-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ Саратовскаго мушкетерскаго полка, квартировавшаго въ Рязани.

Въ 1804 году, когда Саратовскій полкъ получилъ приказаніе выступить въ Грузію, самъ Несвѣтаевъ задержанъ былъ на нѣкоторое время служебными дѣлами на Кавказской линіи и, такимъ образомъ, полкъ прибылъ въ Тифлисъ безъ своего начальника. И тѣмъ не менѣе князь Циціановъ, осмотрѣвъ его прямо съ похода, писалъ государю,

что „онъ за всю свою службу мало видѣлъ такихъ прекрасныхъ полковъ, какъ Саратовскій“.

Такимъ состояніемъ полкъ обязанъ былъ исключительно личному характеру самого Несвѣтаева. Онъ былъ человѣкъ одинокій и въ высшей степени безкорыстный; собственныя нужды его были ограничены до минимума; онъ велъ простой солдатскій образъ жизни, видѣлъ въ полку свою родную семью, и большая часть его собственнаго жалованія уходила на помощь бѣднымъ солдатамъ и офицерамъ. Врагъ сухой формалистики, гнетущей солдата, понимая дисциплину не въ пустыхъ мелочахъ, а въ ея высокомъ и лучшемъ значеніи, онъ не терпѣлъ упущеній по службѣ, и лѣнивому или нерадивому офицеру не было мѣста въ Саратовскомъ мушкетерскомъ полку.

Къ характеристикѣ Несвѣтаева нужно прибавить, что онъ былъ очень религіозенъ и каждаго солдата, поступающаго въ Саратовскій полкъ, снабжалъ особой ладонкой, въ которую зашивались написанные псалмы: „Да воскреснетъ Богъ“ и „Живый въ помощи Вышняго“. Эти молитвы читались въ войскахъ Несвѣтаева передъ каждою битвой, и самой ладонкѣ онъ придавалъ особое мистическое значеніе, приказывая никогда не снимать ее. Такую же ладонку носилъ онъ и самъ.

По прибытіи во Владикавказъ, когда полкъ находился уже въ Тифлисѣ, Несвѣтаевъ вынужденъ былъ остановиться. Онъ узналъ, что всѣ сообщенія съ Грузіей прерваны, что въ горахъ идетъ всеобщій мятежъ, и русскія войска терпятъ одну за другой неудачи. Началось со взятія мятежниками укрѣпленія Ларса, паденіе котораго передало въ руки ихъ важное Дарьяльское ущелье, а затѣмъ они овладѣли деревней Степанъ-Цминда, лежавшей у подножья Казбека и взяли въ плѣнъ русскую команду вмѣстѣ съ генераломъ Дренякинымъ. Почти одновременно съ этимъ

былъ вырѣзанъ Койшаурскій постъ, находившійся уже за главнымъ переваломъ, и истребленъ почти весь Донской казачій полкъ Рышкова, слѣдовавшій изъ Владикавказа черезъ Рокскій перевалъ въ Гори. Эти успѣхи до того подняли духъ мятежниковъ, что они спустились въ самую Грузію и обложили Анануръ. Высланныя изъ Тифлиса войска, подъ командой двухъ генераловъ, Талызина и князя Волконскаго, не рѣшились атаковать непріятеля и вернулись назадъ, не выручивъ даже Ананура. Тогда и баталіонъ, стоявшій на рѣкѣ Ломисѣ, самовольно покинулъ свой постъ, оставивъ въ добычу непріятеля три орудія, составлявшія всю его артиллерію. Дорога въ Карталинію стояла теперь незащищенной; передовыя партіи мятежниковъ съ одной стороны доходили до Мцхета, съ другой—приближались къ Гори. Опасность грозила самому Тифлису. Князь Цинціановъ осаждалъ въ то время Эривань и не могъ исправить ошибокъ своихъ военачальниковъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Несвѣтаевъ прибылъ во Владикавказъ, и, разузнавъ подробно о всѣхъ происшествіяхъ, понялъ, что сила мятежниковъ заключается не въ нихъ самихъ, а въ нашихъ непорядкахъ, въ слабости духа и колебаніи начальствующихъ лицъ—и рѣшилъ дѣйствовать самъ, не испрашивая ничьихъ разрѣшеній. По личному почину, принимая все на свою отвѣтственность, онъ наскоро собралъ шесть ротъ Казанскаго полка, и прежде чѣмъ непріятель опомнился, овладѣлъ уже Балтой, Ларсомъ, Дарьяльскимъ ущельемъ и захватилъ въ свои руки Гудаурскій перевалъ. Отсюда онъ двинулся къ Анануру, гоня передъ собой толпы обезумѣвшихъ отъ страха мятежниковъ. Подъ Анануромъ его встрѣтили главныя силы непріятеля, предводимыя бѣглымъ грузинскимъ царевичемъ Парнаозомъ, но были разбиты на голову, и самъ

Парнаозъ захваченъ въ плѣнъ. Мятежъ, державшійся цѣлые мѣсяцы, былъ усмиренъ въ теченіе нѣсколькихъ дней.

„Страхъ и ужасъ, при одномъ имени Несвѣтаева,—писалъ государю князь Цицiановъ,—до того поселились въ обывателяхъ горъ, что мятежъ погасъ моментально, мосты повсюду построены, дороги исправлены и сообщеніе возстановлено. Я лично нисколько не участвовалъ въ этихъ успѣхахъ и всѣмъ обязанъ только одному, посѣдѣвшему подъ ружьемъ, генералу Несвѣтаеву. Теперь всѣ кавказскія племена называютъ его не иначе, какъ *„горскій генералъ“*.

По пріѣздѣ въ Тифлисъ Несвѣтаевъ узналъ объ отступленіи нашихъ войскъ отъ Эривани, и эта мысль не давала ему покоя. Вернувшись къ своему полку, расположенному тогда въ Памбакской области, мѣстечкѣ Караклисѣ, онъ обратился къ князю Цицiанову съ просьбой разрѣшить ему отторгнуть отъ Эриванскаго ханства сосѣднюю съ Памбакомъ Шурагельскую область и навсегда присоединить ее къ Россіи. Цицiановъ усумнился въ успѣхѣ предпріятія. Но Несвѣтаевъ настаивалъ и брался выполнить всю экспедицію съ тѣми незначительными средствами, которыя находились у него подъ рукою. Получивъ наконецъ позволеніе, онъ съ однимъ баталіономъ своего полка быстро вступилъ въ Шурагель, захватилъ главный городъ Артикъ и, разбивъ трехъ-тысячный отрядъ персидскихъ войскъ, гналъ его до самыхъ стѣнъ Эривани. Затѣмъ онъ дошелъ до Эчміадзина и вывезъ изъ первопрестольнаго армянскаго монастыря всѣ святыни, дабы онѣ не были взяты и поруганы мусульманами. Отсюда онъ возвратился въ Артикъ, привелъ всѣхъ жителей къ присягѣ на подданство русскому государю и перенесъ главное управленіе Шурагеля изъ Артика въ Гумры—нынѣшній Александраполь. Такимъ образомъ, неудачный эриванскій

походъ неожиданно закончился пріобрѣтеніемъ нами обширной области, которая съ тѣхъ поръ навсегда осталась за Россіей.

Императоръ Александръ I пожаловалъ Несвѣтаеву орденъ св. Георгія 4-й степени; но князь Циціановъ не былъ удовлетворенъ этой наградой и писалъ государю, что пріобрѣтеніе богатой Шурагельской провинціи всецѣло принадлежитъ одному Несвѣтаеву, который, имѣя подъ руками всего 400 солдатъ, настоялъ на возможности покорить эту область, а потому находилъ справедливымъ наградить его кромѣ Георгія и орденомъ св. Владимира 2-й степени, минуя анненскую ленту. „Сіе одно,—писалъ онъ,—можетъ поощрить этого посѣдѣвшаго въ службѣ Вашего Величества офицера въ будущемъ еще къ большимъ подвигамъ“.

И подвиги эти были. Въ слѣдующемъ году Несвѣтаеву съ двумя баталіонами пришлось охранять двѣ обширныя провинціи, Памбакъ и Шурагель, которымъ угрожали съ одной стороны персіяне, стремившіеся возвратить Шурагель, съ другой—тысячныя массы лезгинъ, свившихъ себѣ гнѣздо въ турецкомъ Ахалцихѣ. Несвѣтаеву, имѣвшему у себя только два баталіона своихъ саратовцевъ, приходилось биться на два фронта, и онъ просилъ подкрѣпленія. Къ офиціальному рапорту онъ приложилъ также частное письмо, въ которомъ, подробно объясняя затруднительное положеніе малочисленнаго отряда, прибавилъ, между прочимъ, что, не говоря о многомъ другомъ, у него самого нѣтъ даже рома, съ которымъ привыкъ пить чай.

Князь Циціановъ ему отвѣтилъ весьма характернымъ письмомъ, рисующимъ передъ нами простоту отношеній главнокомандующаго къ тѣмъ изъ своихъ сподвижниковъ, которыхъ онъ называлъ „достойными носителями имени русскаго генерала“.

„Ты просишь, любезный товарищъ, или лучше сказать сердечный другъ мой, подкрѣпленій къ своему отряду. Но откуда и какіе способы имѣю я исполнить твою просьбу? Ты самъ знаешь, сколько у меня войска, съ которымъ мнѣ надо хорошенько поколотить мятежнаго царевича Александра, Аббасъ-Мирзу и самого его почтеннаго папеньку, велемудраго шаха. Да и на что нужно генералу Несвѣтаеву подкрѣпленіе? Онъ самъ собственной своей особой можетъ замѣнить нѣсколько тысячъ войска! Я знаю, что ты на свою руку охулки не положишь. Однако, я не во всемъ, о чемъ ты пишешь ко мнѣ, сердечный другъ мой, тебѣ отказываю. Я тотчасъ послалъ къ нашему маркитанту и велѣлъ взять послѣднія оставшіяся у него шесть бутылокъ рома, которыя и отправляю къ тебѣ на подкрѣпленіе. Пей, братъ, на здоровье, да дай и мнѣ самому право выпить за твое здоровье и громогласно воскликнуть: „ура“! За здоровье молодца, храбрѣйшаго изъ храбрѣйшихъ, Несвѣтаева! Истинно уважающій тебя Циціановъ“.

Несвѣтаевъ собралъ къ себѣ штабъ-офицеровъ. „Ну, господа,—сказалъ онъ,— мы ждали усиленія новыми войсками нашего отряда, но вотъ все подкрѣпленіе, которое, въ теперешнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, могъ прислать къ намъ князь Павелъ Дмитріевичъ“—и онъ показалъ рукою на бутылки съ ромомъ.—„Садитесь, напьемся чаю съ этимъ подкрѣпленіемъ, и съ Богомъ примемся за работу“. И Несвѣтаевъ съ двумя баталіонами Саратовскаго мушкетерскаго полка отстоялъ обѣ провинціи.

Еще большіе подвиги оказаны были имъ въ 1807 году, когда началась турецкая война, и главнокомандующій графъ Гудовичъ выдвинулъ за Арпачай небольшой отрядъ Несвѣтаева. Ходили упорные слухи, что карсскій паша, находившійся не въ ладахъ съ своимъ начальникомъ—эрзерумскимъ сераскиромъ, искалъ только случая, чтобы сдать

намъ Карсъ подъ благовиднымъ предлогомъ невозможности его отстоять Но слухи эти сказались не вѣрными. Несвѣтаевъ былъ встрѣченъ въ Карсѣ пушечными выстрѣлами и рѣшился взять крѣпость штурмомъ. Уже наши войска овладѣли предмѣстьемъ, уже врывались въ городъ, когда Несвѣтаевъ получилъ приказаніе: „отнюдь не домогаться покоренія Карса открытою силой, дабы при такомъ рѣшительномъ дѣйствіи, каковъ есть штурмъ, не потерпѣть большой потери въ людяхъ, а ограничиться только однимъ наблюденіемъ".

Дѣйствительно ли графъ Гудовичъ опасался потери, которая даже при успѣхѣ могла ослабить его и безъ того малочисленный Кавказскій корпусъ или же занятіе Карса одними русскими войсками, безъ содѣйствія жителей, вовсе не входило въ планы главнокомандующаго,—Несвѣтаеву извѣстно не было, а потому, прервавъ штурмъ, онъ отошелъ назадъ къ Гумрамъ. Трудно сказать, въ чемъ болѣе проявилась необычайная сила воли его: въ рѣшеніи ли съ ничтожными силами взять грозный Карсъ, или въ прекращеніи, по волѣ Гудовича, уже начатаго и такъ много обѣщавшаго штурма.

Въ Гумрахъ Несвѣтаевъ, обреченный на полное бездѣйствіе, простоялъ почти два мѣсяца, а между тѣмъ война на главномъ театрѣ приняла для насъ оборотъ крайне неблагопріятный. Испытавъ крупную неудачу подъ Ахалкалаками, графъ Гудовичъ вынужденъ былъ отступить обратно въ наши предѣлы—и турки сами перешли въ наступленіе. Въ половинѣ мая Юсуфъ-паша, сераскиръ эрзерумскій, прибылъ въ Карсъ и тотчасъ отправилъ къ Гумрамъ 10-ти тысячный отрядъ, подъ командою карсскаго коменданта Мамедъ-паши, съ тѣмъ, чтобы отторгнуть отъ насъ Шурагельскую область.

„Нынѣ,—писалъ онъ Несвѣтаеву,—отряжается противъ васъ достаточное войско, по виду подобное львамъ, и храброе, какъ соколы, а черезъ нѣсколько дней я выступаю и самъ съ многочисленною арміею, волнующеюся какъ море, и преисполненною мужества. А потому пробуждаю васъ, генерала Несвѣтаева, отъ сна и объявляю: если вы на поприщѣ жизни желаете еще нѣкоторое время собирать зернышки спокойствія и спасти бѣдныхъ и несчастныхъ вашихъ солдатъ, то поспѣшите сдать ваши пушки, ружья и снаряды, а сами со всѣмъ войскомъ прибѣгните подъ покровительство Мамедъ-паши".

„Угроза вашего высокостепенства,—отвѣчалъ на это Несвѣтаевъ,—беззаконна. Вы пишете, что у васъ многочисленная армія и артиллерія, а я доложу вамъ, что у меня только 1200 солдатъ. Теперь нападайте, а Богъ свою справедливость покажетъ".

19-го мая послѣдовало первое нападеніе на Гумры. Бой, начавшійся въ передовыхъ укрѣпленіяхъ, скоро перешелъ въ улицы города, и только къ ночи намъ удалось окончательно отбить нападеніе. Но это былъ лишь передовой отрядъ сераскира; самъ онъ подошелъ на слѣдующій день и тотчасъ послалъ сказать Несвѣтаеву, чтобы тотъ выходилъ съ нимъ биться въ открытое поле. Несвѣтаевъ отвѣчалъ, что будетъ защищаться въ окопахъ.

2-го іюня Гумры вторично были атакованы уже самимъ сераскиромъ. Тяжелъ былъ этотъ день. Десять часовъ къ ряду кипѣлъ жестокій, неравный бой и кончился совершеннымъ пораженіемъ турокъ, оставившихъ въ нашихъ рукахъ даже сераскирское знамя. „Стремленіе непріятеля въ первомъ жару,—доносилъ графъ Гудовичъ государю,—было чрезвычайное; но храбрый, посѣдѣвшій подъ ружьемъ, генералъ Несвѣтаевъ, не смотря на то, что имѣлъ у

себя только тысячу человѣкъ всѣхъ войскъ, удержалъ стремительность превосходной непріятельской силы".

Сознавая однако опасность, которой подвергался Несвѣтаевъ, графъ Гудовичъ съ главными силами спѣшилъ къ нему на помощь форсированными маршами, а между тѣмъ выслалъ впередъ всю кавалерію съ генераломъ Портнягинымъ. „Сейчасъ я получилъ извѣстіе,—писалъ ему главнокомандующій,—что Несвѣтаевъ во второй разъ атакованъ всѣми сераскирскими силами. Спѣшите на помощь. Не теперь надлежитъ намъ думать о выгодахъ людей и лошадей, когда долгъ и служба велятъ спасать товарищей". Опасеніе его за участь Несвѣтаева было такъ сильно, что Гудовичъ не скрылъ отъ государя отчаяннаго положенія отряда. „У меня только и надежды,—доносилъ онъ,—что на храбраго и опытнаго въ военномъ ремеслѣ генерала Несвѣтаева".

5-го іюня вечеромъ, когда Портнягинъ подходилъ уже къ Гумрамъ, онъ получилъ отъ Несвѣтаева записку:

„Крайне сожалѣю, что вы немного не подоспѣли къ сегодняшнему дѣлу. Я былъ такъ сильно и со всѣхъ сторонъ атакованъ Юсуфъ-пашею, что бой продолжался съ 10-ти часовъ утра до 6-ти пополудни. Турки ворвались было въ Гумры, но были выбиты оттуда штыками кавказскихъ гренадеръ. Долженъ благодарить Всевышняго, который хранитъ меня, и скажу безъ лести, что Юсуфъ-паша уже въ третій разъ отъ меня со стыдомъ отступаетъ,—не моими распоряженіями, но такъ угодно Всевышнему хранить меня".

Вслѣдъ за Портнягинымъ, 8-го іюня, прибылъ и самъ Гудовичъ. „Признательность моя,—сказалъ онъ Несвѣтаеву,—ко всѣмъ вашимъ дѣйствіямъ есть совершенная". Съ высоты же престола подвигъ его былъ отличенъ рѣдкою въ то время наградою—орденомъ св. Георгія 3-й степени.

И Несвѣтаевъ не замедлилъ оправдать высокое мнѣніе о немъ государя. Когда черезъ нѣсколько дней, 18-го іюня 1807 года, произошло генеральное сраженіе на берегахъ Арпачая, онъ проявилъ вновь такую личную иниціативу, которая, по сознанію самого графа Гудовича, доставила намъ побѣду. Планъ главнокомандующаго, какъ извѣстно, заключался въ томъ, чтобы главными силами обойти турокъ съ фланга и отрѣзать ихъ отъ Карса; а Несвѣтаеву приказано было съ тремя баталіонами наступать съ фронта, чтобы маскировать наше обходное движеніе. Но планъ этотъ не удался. Турки сами атаковали наши войска и, заставъ ихъ на маршѣ, поставили въ критическое положеніе. „Казалось,—говоритъ одинъ современникъ,—что на берегахъ Арпачая повторяется Аустерлицъ: тотъ же дальній обходъ всѣми силами; тотъ же неожиданный переходъ противника въ наступленіе, и ударъ въ самую чувствительную точку... но побѣду вырвалъ изъ рукъ непріятеля генералъ Несвѣтаевъ“. Видя, что сраженіе принимаетъ опасный оборотъ, онъ, не колеблясь, не страшась отвѣтственности за самовольное уклоненіе отъ диспозиціи, бросился съ своимъ отрядомъ въ тылъ непріятеля и овладѣлъ его главнымъ лагеремъ. Турки поддались паникѣ и, прекративъ нападеніе, кинулись спасать свое имущество; но тутъ ихъ встрѣтилъ Несвѣтаевъ и нанесъ окончательное пораженіе. Ему одному и принадлежали всѣ трофеи этого памятнаго дня: два лагеря со всѣмъ имуществомъ и боевыми запасами, 12 орудій, знамена и всѣ четыре бунчука, сопровождавшіе въ бою сераскира, какъ атрибуты его величія и власти. Эти бунчуки, украшенные массивными серебряными кистями, хранятся нынѣ въ Тифлисѣ, въ Кавказскомъ военно-историческомъ музеѣ, сохраняя память о доблестномъ генералѣ Несвѣтаевѣ.

Это были послѣднія боевыя отличія его. Въ слѣдующемъ 1808 году онъ охранялъ Памбакскую провинцію, но

затѣмъ заболѣлъ желтой лихорадкой, свирѣпствовавшей тогда въ краѣ, и 17-го іюня скончался въ Караклисѣ.

Теперь Караклисъ простое армянское мѣстечко, но въ то время, когда жилъ П. Д. Несвѣтаевъ, онъ игралъ крупную роль во всѣхъ военныхъ событіяхъ, какъ центръ управленія двумя пограничными областями—Памбакомъ и Шурагелью (нынѣ Александрапольскій уѣздъ, Эриванской губерніи). Здѣсь Несвѣтаевъ скончался, и здѣсь же былъ погребенъ на общемъ армянскомъ кладбищѣ, гдѣ для православныхъ былъ отведенъ небольшой участокъ земли.

Въ Караклисѣ и теперь еще живъ стодесятилѣтній старецъ Габріель Аванесовъ, пользующійся большимъ уваженіемъ среди мѣстнаго населенія. Онъ былъ современникомъ Несвѣтаева, зналъ его лично и даже помнитъ, какъ его хоронили. По словамъ этого глубокаго старца, въ давнее время среди мѣстныхъ жителей существовалъ обычай, по которому всѣ, посѣщавшіе кладбище, считали долгомъ подойти къ могилѣ Несвѣтаева, приложиться къ надгробному камню его и сотворить краткую молитву о томъ, кого народъ называлъ своимъ избавителемъ отъ тяжкаго персидскаго ига.

Но время стираетъ мало по малу всѣ слѣды людей и ихъ дѣятельности. Шли годы. Старое кладбище было заброшено, а вмѣстѣ съ нимъ была заброшена и могила Несвѣтаева, оставшаяся съ тѣхъ поръ безъ призора. Она затерялась среди другихъ могилъ, и старый обычай поклоняться ей постепенно утратился. Такъ, подъ жгучими интересами дня, все дорогое минувшее предается забвенію. Нынѣшніе старики Караклиса говорятъ, что на армянскомъ кладбищѣ дѣйствительно былъ похороненъ очень давно русскій генералъ, котораго дѣды ихъ называли своимъ спасителемъ, но въ какомъ году онъ былъ погребенъ, и фамилію этого генерала уже никто не помнилъ. Старое кладбище, обнесенное каменною стѣною, существуетъ понынѣ,

и, какъ прежде, среди него стоитъ, такая же старая, какъ самое кладбище, армянская церковь. На этомъ кладбищѣ давно уже никого не хоронятъ, но въ церкви исполняются требы и совершаются богослуженія.

Чтобы воскресить въ памяти народа и войскъ забытое имя стараго вождя кавказскихъ богатырей, главнокомандующій графъ Воронцовъ-Дашковъ поручилъ Военно-Историческому отдѣлу разыскать могилу его, и съ этою цѣлью командированъ былъ чиновникъ М. К. Бѣлозерскій.

При осмотрѣ имъ кладбища, послѣ долгихъ розысковъ, замѣчена была на небольшомъ холмѣ простая каменная плита со слѣдами русской надписи, сплошь заросшей мхомъ, превратившимся уже въ окаменѣлость. По очисткѣ камня извѣстными способами, ясно обозначился на плитѣ большой высѣченный православный крестъ, а подъ нимъ слѣдующая надпись:

„Покоится здѣсь воинъ россійскій и достойный храбрый генералъ, передъ которымъ народъ горскій и турокъ съ персами дрожалъ - Несвѣтаевъ.

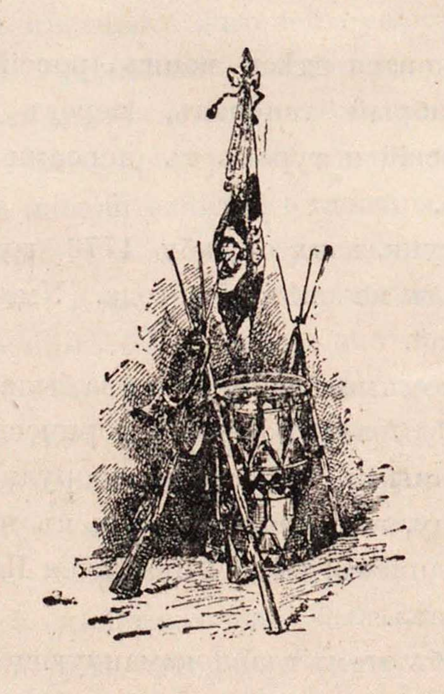
„Вступилъ въ службу 1773 года, марта 6-го дня. Жилъ на свѣтѣ 52 года. Умеръ 17 го іюня 1808 года“.

Такимъ образомъ могила Несвѣтаева была найдена и принята въ свое завѣдываніе Военно-Историческимъ отдѣломъ, который собственными средствами соорудилъ вокругъ нея деревянную ограду, а жители прибили къ ней дощечку съ лаконическою надписью: «Здѣсь покоится Шурагельскій генералъ Несвѣтаевъ».

По докладѣ объ этомъ главнокомандующему, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ, пользуясь приближавшимися карскими торжествами, приказалъ перенести останки доблестнаго вождя въ самый Карсъ, на кладбище братскихъ могилъ, къ под-

ножію всѣхъ осѣняющаго памятника. Пусть карсская земля приметъ въ нѣдра свои и сохранитъ отдаленному потомству останки и имя Несвѣтаева. Онъ первый съ горстью русскихъ войскъ появился подъ Карсомъ, первый поколебалъ убѣжденіе въ его неприступности, подъ его начальствомъ пролилась первая русская кровь подъ его стѣнами, —и ему же первому, по мысли главнокомандующаго, должны были воздаться тамъ боевыя почести.

Для торжественнаго перенесенія праха командированы были главнокомандующимъ редакторъ Военно-Историческаго отдѣла полковникъ Томкѣевъ и чиновникъ М. К. Бѣлозерскій.

Памятникъ, открытый въ Карсѣ
6-го Ноября 1910 г.

II.

Перенесеніе праха генерала Несвѣтаева въ Карсъ.

По прибытіи названныхъ лицъ въ Караклисъ, утромъ 2-го ноября, немедленно приступлено было къ раскопкѣ могилы генерала Несвѣтаева, въ присутствіи мѣстнаго пристава Калантарашвили, участковаго врача Вартанова и двухъ священниковъ: православнаго—отца Михаила Карибова и настоятеля кладбищенской армянской церкви—благочиннаго теръ-Хорена Ханзакіянца. Тутъ же находился, прибывшій изъ Риги, поручикъ Аргутинскій, какъ депутатъ отъ 115-го пѣхотнаго Вяземскаго, бывшаго Саратовскаго мушкетерскаго полка, которымъ нѣкогда командовалъ шефъ его генералъ Несвѣтаевъ.

Въ этотъ день, съ раннягo утра, по желанію самихъ жителей, всѣ лавки, магазины и торговыя заведенія въ мѣстечкѣ были закрыты, и народъ со всѣхъ сторонъ началъ стекаться на старое кладбище, чтобы въ послѣдній разъ поклониться могилѣ того, кого дѣды ихъ называли своимъ „избавителемъ“. Здѣсь собралось теперь все населеніе Караклиса—и русскіе, и армяне, и даже татары; много было также чиновниковъ и дамъ, принадлежавшихъ къ интеллигентному классу мѣстечка. Всѣ, за исключеніемъ татаръ, стояли съ обнаженными головами [1]) и благоговѣйная тишина, царившая въ этой громадной толпѣ, не нарушалась ни единымъ звукомъ. Порядокъ былъ образцовый.

---

[1]) Религіозные обряды воспрещаютъ мусульманамъ снимать папахи даже при богослуженіи въ мечетяхъ.

Особенное вниманіе обращалъ на себя стоявшій въ сторонѣ отъ этой массы людей, глубокій стодесятилѣтній старецъ Габріель Ованесовъ, и по его лицу, изрытому морщинами, катились тихія слезы. Быть можетъ передъ его умственнымъ взоромъ проходили давно забытыя картины его дѣтства, его молодые годы, и, какъ живой, вставалъ передъ нимъ образъ храбраго генерала. Нѣтъ сомнѣнія, что, передавая цѣлому ряду поколѣній о доблестяхъ русскихъ войскъ и ихъ начальниковъ, не щадившихъ себя ради спасенія мѣстнаго населенія, этотъ древній старецъ способствовалъ закрѣпленію въ народѣ преданности русскому правительству. И дѣйствительно, даже въ тяжелые годы революціи, въ Караклисѣ и вообще въ Александрапольскомъ уѣздѣ, было тише чѣмъ гдѣ нибудь. Трогательно было слышать поэтому единственную, дѣтски-наивную просьбу старика, обращенную къ полковнику Томкѣеву, чтобы ему разрѣшено было схоронить свои кости въ опустѣвшей могилѣ Несвѣтаева. Въ настоящее время воспрещено хоронить на старомъ караклисскомъ кладбищѣ, но надо полагать, что для почтеннаго старца, единственнаго оставшагося еще въ живыхъ современника Несвѣтаева, сдѣлано будетъ исключеніе и со стороны гражданскаго начальства и духовныхъ властей не встрѣтится препятствій къ передачѣ Ованесову, еще при жизни его, небольшого клочка земли, бывшей несвѣтаевской могилы.

Между тѣмъ раскопка продолжалась, и на глубинѣ двухъ съ половиной аршинъ показались остатки развалившагося гроба, да кусокъ шелковой коричневой ткани вѣроятно отъ его обивки. Ихъ сняли, расчистили осторожно слой оставшейся подъ ними земли, и тогда ясно обнаружился скелетъ покойнаго генерала. Весь остовъ сохранилъ замѣчательную цѣлость, всѣ кости лежали въ

такомъ стройномъ порядкѣ, такъ плотно прилегали одна къ другой, что у одного изъ присутствующихъ, среди гробового молчанія, вырвалось невольное восклицаніе: „Лежитъ, какъ старый строевой солдатъ!“ Въ эту минуту раздался гулъ церковнаго колокола, и начался похоронный перезвонъ всѣхъ колоколовъ кладбищенской церкви. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, начали креститься, и въ толпѣ пронесся тихій шепотъ молитвы. Всѣ настроены были въ высшей степени религіозно.

Кромѣ костей, въ могилѣ почти ничего не было найдено Не было возможности опредѣлить, хотя бы приблизительно, даже форму одежды покойнаго, отъ которой не осталось какихъ либо признаковъ; только на плечевыхъ костяхъ замѣчены были кусочки позумента, очевидно слѣды контръ-погончиковъ, маленькія пуговицы, да распустившаяся канитель отъ кистей генеральскихъ эполетъ желтаго прибора. Сохранился хорошо только шелковый, темнокоричневый галстухъ, обмотанный вокругъ шеи, въ видѣ шарфа, завязаннаго бантомъ, да сапоги, состоявшіе изъ крагъ, надѣтыхъ поверхъ короткихъ чустъ съ небольшими каблуками и привязными желѣзными шпорами. Одни эти сапоги изъ толстаго козловаго товара, грубаго солдатскаго шитья,—могли уже подтвердить народныя преданія о неприхотливомъ образѣ жизни Несвѣтаева. Но самою важною находкою была знаменитая несвѣтаевская ладонка, открытая подъ галстухомъ. На шейныхъ позвонкахъ отлично сохранился бѣлый шелковый снурокъ, слегка пожелтѣвшій отъ времени; но наружная обшивка ладонки и бумага, на которой написаны были любимые его псалмы, превратились въ какую-то отвердѣвшую массу крестообразной формы. Вотъ и все, что осталось отъ человѣка, при имени котораго, какъ говоритъ его эпитафія, дрожали горскіе народы, турки и персіяне. Жуткое чувство охватываетъ че-

ловѣка при видѣ этихъ бренныхъ останковъ, которые только и могутъ сказать гордому уму его: „Земля еси, и въ землю отыдеши“.

Бережно извлекли затѣмъ изъ могилы останки покойнаго, и со всѣми найденными въ ней предметами и небольшимъ количествомъ могильной земли уложили въ особый, доставленный изъ Тифлиса, свинцовый гробъ, который тутъ же и былъ запаянъ. Войскъ въ Караклисѣ не было, но по распоряженію пристава наряжена была небольшая команда полицейскихъ стражниковъ, чтобы отдать послѣднюю почесть и затѣмъ сопровождать гробъ до вокзала.

Былъ уже второй часъ пополудни, когда православный священникъ, облачившись въ траурныя ризы, совершилъ литію, при пѣніи очень хорошаго хора, составленнаго имъ изъ любителей. Затѣмъ изъ кладбищенской церкви выступило армянское духовенство, въ предшествіи хоругвей, и, въ свою очередь, отслужило литію по обряду армяно-григоріанской церкви, при хорѣ своихъ собственныхъ пѣвчихъ.

Въ это время для перевозки гроба на станцію желѣзной дороги подана была арба, убранная коврами, вмѣсто катафалка. Но народъ не позволилъ везти дорогіе останки; онъ поднялъ ихъ на свои плечи и несъ на рукахъ около двухъ верстъ, до самаго вокзала. День сначала былъ солнечный, но скоро порывистый вѣтеръ нагналъ съ горъ тучи, и едва процессія, подъ перезвонъ колоколовъ, тронулась въ путь, какъ полилъ проливной дождь. Онъ не помѣшалъ однако же торжественному шествію. Впереди несли хоругви и кресты, за ними шли два хора пѣвчихъ, чередовавшихся между собою въ пѣніи погребальныхъ гимновъ; затѣмъ духовенство обоихъ вѣроисповѣданій, потомъ толпы народа, окружавшія гробъ и, наконецъ, команда стражниковъ замыкала шествіе. Вокзала достигли, всѣ промокши до костей. Тамъ уже приготовленъ былъ

траурный вагонъ, и къ этому же времени подвезли съ кладбища надгробный памятникъ. Его внесли въ вагонъ, покрыли черным сукномъ, и на немъ, какъ на катафалкѣ, установили гробъ. Тутъ же возложили на него два вѣнка: одинъ отъ 115-го пѣхотнаго Вяземскаго (Саратовскаго) полка, другой отъ жителей Караклиса; полъ усыпали травой и цвѣтами. Духовенство совмѣстно отслужило панихиду, и вагонъ, въ присутствіи полковника Томкѣева, былъ запечатанъ. Народъ сталъ расходиться, и у гроба остались только почетные часовые отъ команды стражниковъ.

На другой день, въ ясное солнечное утро, когда ближайшія горы, покрытыя бѣлымъ снѣжнымъ покровомъ, сверкали миріадами ослѣпительныхъ искръ, въ 9 часовъ утра прибылъ тифлисскій поѣздъ; къ нему прицѣпили траурный вагонъ, и онъ отошелъ по направленію къ Карсу.

Въ полдень поѣздъ подошелъ къ Александраполю, къ тѣмъ самымъ старымъ Гумрамъ, которые нѣкогда были свидѣтелями цѣлаго ряда подвиговъ, совершенныхъ Несвѣтаевымъ. Здѣсь встрѣча устроена была торжественная. Массы народа заполняли весь вокзалъ и его окрестности; части войскъ александрапольскаго гарнизона отъ полковъ — Бакинскаго и Дербентскаго пѣхотныхъ, 8-го Кавказскаго стрѣлковаго и Сѣверскаго драгунскаго, а также въ пѣшемъ строю команды отъ 39-ой артиллерійской бригады и александрапольской крѣпостной артиллеріи—выстроены были на дебаркадерѣ и по пути слѣдованія поѣзда. Какъ только траурный вагонъ остановился у платформы, жители обнажили головы, войска отдали честь, и военное духовенство соборне отслужило надъ гробомъ панихиду. Тутъ же возложенъ былъ на него и третій вѣнокъ отъ войскъ александрапольскаго гарнизона. Черезъ полчаса поѣздъ тронулся дальше: войска, стоявшія на пути, при приближеніи вагона съ прахомъ Несвѣтаева, брали на караулъ, музыка иг-

рала «Коль славенъ». Народъ все время стоялъ съ непокрытыми головами.

Съ такими же почестями встрѣтили прахъ Несвѣтаева въ Карсѣ, куда поѣздъ прибылъ въ тотъ же день около четырехъ часовъ пополудни. На вокзалѣ ожидало его военное духовенство съ хоругвями, комендантъ Карской крѣпости генералъ-маіоръ Червиновъ со всѣми офицерами и депутатами отъ частей войскъ Карскаго гарнизона, а для отданія послѣднихъ почестей наряжены были баталіонъ Кабардинскаго полка со знаменемъ и сотня 1-го Уманскаго казачьяго полка, подъ общею командою генералъ-маіора Костомарова. Гробъ вынесенъ былъ изъ вагона самимъ комендантомъ крѣпости, офицерами и почетнѣйшими представителями города. Духовенство соборне отслужило литію; затѣмъ гробъ, въ видѣ особаго военнаго почета, установили на артиллерійскій лафетъ, и процессія, предшествуемая хоругвями и духовенствомъ, подъ звуки погребальнаго марша, двинулась къ братскому кладбищу. За гробомъ слѣдовалъ самъ комендантъ верхомъ, за нимъ шли офицеры и масса народа. Но вотъ и братскія могилы. Офицеры снова внесли гробъ въ церковь Александра Невскаго, гдѣ, по окончаніи панихиды, настоятель карскаго крѣпостного собора, протоіерей В. Турбинъ, произнесъ надгробное слово, произведшее на всѣхъ необычайное впечатлѣніе. Мы приводимъ эту рѣчь дословно:

„*Души ихъ во благихъ водворятся.*
Память ихъ въ родъ и родъ“.

„Эти священныя слова къ тебѣ относятся, возлюбленный братъ нашъ; это о тебѣ сказано. Ты совершилъ, въ свое время, земной подвигъ служенія Царю и Отечеству, и безсмертный духъ твой воспарилъ къ небесамъ и, вѣруемъ, въ обителяхъ небесныхъ предвкушаетъ блаженство, обѣщанное праведнымъ.

„Но предъ нами дорогой гробъ твой, съ честными останками. Не посѣтуй на насъ, брате нашъ Петре, что мы потревожили кости твои! Но любовь сдѣлала это; любовь подвигнула людей, знающихъ и чтущихъ твои дѣла, отыскать твои останки, перенести и положить ихъ подъ сѣнію храма сего, среди сподвижниковъ твоихъ, сложившихъ голову свою при взятіи твердыни Карса, между которыми ты стоялъ и будешь стоять во главѣ.

„Да! 100 лѣтъ прошло послѣ того, какъ ты отошелъ въ вѣчность. Въ такой долгій періодъ предаются забвенію и дѣянія и имена многихъ дѣятелей. Но не забытъ ты, братъ нашъ; не забыты твоя жизнь, твои великіе геройскіе подвиги. Они переходятъ изъ устъ въ уста; исторія начертала ихъ на своихъ страницахъ на вѣки. Твой дивный образъ сохранился. Сердце наше чувствуетъ присутствіе твое; ты передъ нами, среди насъ, какъ живой. Отъ дней юности и до кончины твоей честной, непостыдной, ты оставался человѣкомъ преданнымъ святой вѣрѣ, воиномъ и вождемъ, не щадившимъ живота своего. Воспитанный въ православной семьѣ дворянской, въ ранней молодости ты вступилъ въ военную службу рядовымъ и несъ солдатскую службу безропотно, не гнушался и не тяготился ею. Возвысившись до званія начальника и командующаго воинскими частями, ты не возгордился, но оставался до конца жизни другомъ, братомъ и отцомъ не только для офицеровъ, но и для солдатъ. Развѣ могъ забыть кто, какъ ты все жалованье отдавалъ солдатамъ, какъ ты помогалъ бѣднымъ офицерамъ и не показывалъ вида, что ты безвозвратную помощь оказываешь Разставаясь съ должникомъ, ты цѣловалъ его, говоря: „Христосъ, братъ, съ тобой“! Прощай, братъ! не поминай лихомъ, а мы съ тобой, братъ, совсѣмъ квиты!“, и онъ вычеркивалъ при этомъ изъ памятной книжки фамилію должника.

„А какъ ты подготовлялъ воиновъ къ битвѣ, какъ воодушевлялъ ихъ. Ты предъ сраженіемъ обходилъ ряды воиновъ, благословлялъ ихъ, какъ отецъ родныхъ дѣтей, на подвиги, осѣнялъ крестнымъ знаменіемъ, давалъ крестики и ладонки, зашивая въ нихъ собственноручно написанные псалмы: «Живый въ помощи Вышняго» или «Да воскреснетъ Богъ!» И воины, уповая на помощь Божію, безстрашно шли за вождемъ своимъ и одолѣвали врага, всегда многочисленнѣйшаго. Съ неизмѣннымъ счастіемъ приснопамятный вождь нашъ одерживалъ побѣды въ Финляндіи, въ Польшѣ, на Кавказѣ, поражалъ персовъ и турокъ. Онъ первый подступалъ къ недоступной крѣпости Карсу и горѣлъ желаніемъ взять его штурмомъ; но былъ остановленъ

„Таковъ былъ нашъ герой —Несвѣтаевъ. Вся жизнь его представляетъ сплошной воинскій подвигъ! И кончилъ онъ жизнь свою, не доживъ до преклоннаго возраста *)... Не пуля вражья сразила его, а лютая болѣзнь— желтая горячка. Скончался онъ 17-го Іюня 1808 г.

„Братіе-христіане! Вожди и воины христолюбивые! Принесемъ усердныя наши молитвы Господу, да воздастъ онъ приснопамятному рабу своему—болярину-воину Петру праведное воздаяніе въ день суда своего и упокоитъ со святыми! А честные останки его перенесемъ на братское кладбище и будемъ хранить какъ святыню! Посѣщая дорогую могилу, пусть всякій изъ насъ читаетъ надпись, положенную на камнѣ могильномъ, и почтитъ низкимъ поклономъ „храбраго изъ храбрѣйшихъ. Аминь“.

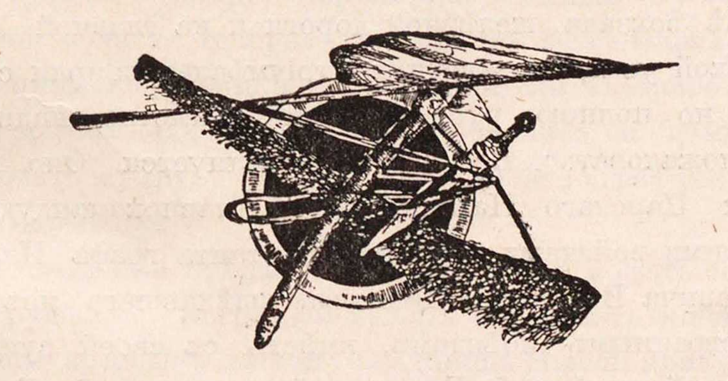
Становилось уже темно, когда по окончаніи панихиды гробъ опустили въ могилу, приготовленную крѣпостными саперами въ видѣ каменнаго склепа,—и „вѣчная память“ съ прощальнымъ троекратнымъ залпомъ баталіона разнеслись перекатнымъ эхомъ оп горамъ и ущельямъ Карса.

*) Онъ умеръ 52 лѣтъ.

На другой день, 4-го ноября, генералъ Червиновъ отдалъ приказъ по Карсскому гарнизону:.... „Вчера останки генерала Несвѣтаева, перенесенные по волѣ Главнокомандующаго въ Карсъ, преданы землѣ въ оградѣ „Братскихъ могилъ“, и каждый изъ чиновъ Карсскаго гарнизона можетъ читать знаменательную надпись на его старомъ надгробномъ камнѣ: „Покоится здѣсь воинъ россійскій и достойный храбрый генералъ, котораго народъ горскій и турокъ съ персами дрожалъ.

«Да будетъ же память о немъ жить среди войскъ Карсскаго гарнизона, какъ слабая дань нашего уваженія къ геройскимъ подвигамъ „храбрѣйшаго изъ храбрыхъ» генерала Несвѣтаева».

Такъ закончились знаменательные дни—чествованія памяти того, кого самъ князь Цицiановъ называлъ «достойнымъ носителемъ имени русскаго генерала»

Открытіе памятника на братскихъ могилахъ въ Карсѣ.

I.

Наступилъ канунъ великаго военнаго праздника—торжественнаго чествованія памяти русскихъ воиновъ, купившихъ намъ своею честною кровью и жизнью недоступныя дотолѣ твердыни Карса.

Съ утра весь городъ пришелъ въ движеніе. Улицы расцвѣтились флагами. Побѣдно вѣетъ, какъ знамя, крѣпостной флагъ надъ цитаделью,—а кругомъ сдвинулись угрюмыя, высоко высоко поднимающіяся скалы Шораха, Чахмаха и Карадага, тѣсно съ трехъ сторонъ обступившія городъ и крѣпость. Вотъ эти то неприступныя громады утесовъ и были политы русскою кровью, устланы русскими тѣлами. Это нѣмые свидѣтели—живая лѣтопись славнаго прошлаго.

Возлѣ вокзала желѣзной дороги и на главной Александровской улицѣ воздвигнуты тріумфальныя арки съ короткою, но полною русскаго гостепріимства надписью: „Добро пожаловать". Все населеніе волнуется. Оно ждетъ прибытія Царскаго Намѣстника и главнокомандующаго Кавказскими войсками генералъ-адъютанта графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова, выѣхавшаго изъ Тифлиса экстреннымъ поѣздомъ, вмѣстѣ съ своей супругой статсъ-дамой графиней Елисаветой Андреевной. Главнокомандующаго сопровождаютъ начальникъ его штаба, генералъ-лейтенантъ Берхманъ, полковникъ Лазаревъ—сынъ того, кому мы обязаны послѣднимъ паденіемъ Карса, и адъютанты—подполковникъ князь Чавчавадзе и ротмистръ князь Амилахвари, также сыновья извѣстныхъ кавказскихъ генераловъ, участниковъ карсскихъ штурмовъ.

Съ этимъ же экстреннымъ поѣздомъ долженъ былъ прибыть высокопреосвященный экзархъ Грузіи Иннокентій, архіепископъ карталинскій и кахетинскій.

Уже вечерѣетъ. Войска Карсскаго гарнизона выстроились шпалерами на всемъ протяженіи отъ вокзала вдоль главной Александровской улицы и далѣе до самой церкви Кабардинскаго полка, во имя Благовѣрнаго князя Александра-Невскаго. Въ морозномъ воздухѣ разносится гулъ церковнаго благовѣста, призывающій всѣхъ помолиться объ упокоеніи душъ доблестныхъ нашихъ дѣдовъ, отцовъ и братій, „здѣ лежащихъ“, принесшихъ свою жизнь въ жертву величію и славѣ Россіи. Въ церкви Кабардинскаго полка, что у братскихъ могилъ, идетъ всенощная. У церкви стоитъ почетный караулъ со знаменемъ и хоромъ музыки отъ Куринскаго пѣхотнаго князя Воронцова полка, и тутъ же собирается весь генералитетъ и всѣ приглашенныя на торжество лица. Главнокомандующаго на вокзалѣ встрѣчали только комендантъ крѣпости генералъ-маіоръ Червиновъ, военный губернаторъ Карсской области генералъ-лейтенантъ фонъ-Паркау, высшіе военные начальники и представители мѣстнаго населенія съ хлѣбомъ-солью. Сюда же собрались и дамы—привѣтствовать супругу главнокомандующаго графиню Елисавету Андреевну.

Въ ожиданіи поѣзда возлѣ братскихъ могилъ составляются кружки, и негромкій говоръ нарушаетъ ничѣмъ невозмутимую доселѣ тишину кладбища. Мысли присутствующихъ невольно переносятся къ далекому прошлому, и вообраafженіе рисуетъ передъ ними картины четырехъ грозныхъ и кровавыхъ штурмовъ. Здѣсь, на этомъ братскомъ кладбищѣ,— только могилы воиновъ, павшихъ при послѣднемъ штурмѣ въ кампанію 1877 года. А гдѣ покоятся кости богатырей-сподвижниковъ Муравьева, Паскевича и Не-

свѣтаева никто не знаетъ, ибо время и людская небрежность изгладили даже самые слѣды могильныхъ кургановъ. Но наступитъ завтрашній день, и величественный по своей идеѣ памятникъ объединитъ всѣхъ, и забытыхъ, и не забытыхъ героевъ, въ одну тѣсную братскую семью. И исполнятся надъ ними священныя слова молитвы: „И память ихъ въ роды родовъ".

Дѣйствительно, насколько священны должны быть для насъ память и завѣты усопшихъ, которые, отходя въ вѣчность отъ нашей временной жизни, оставили намъ честное, незапятнанное имя и славу, добытую ими собственною кровью. Мы приняли отъ нихъ дорогое наслѣдіе и должны сохранить его, подражая въ мужествѣ своимъ предкамъ, дабы, когда придетъ часъ, и насъ помянули бы наши потомки.

Вниманіе всѣхъ привлекала къ себѣ новая, только что наканунѣ появившаяся здѣсь могила. Она окружена скромною деревянною рѣшеткою, и на ней лежитъ простая каменная плита, ярко носящая на себѣ слѣды всесокрушающаго времени. Да надъ ней и не нуженъ роскошный и богатый памятникъ. Вѣчнымъ памятникомъ служитъ самое имя почивающаго въ ней вождя, того, кто первый указалъ намъ дорогу къ Карсу. Пусть же та самая простая плита, подъ которой покоились цѣлое столѣтіе останки нашего героя генерала Несвѣтаева, и теперь покрываетъ его могилу. Современная ему, полуизглаженная годами надпись, сдѣланная еще въ 1808 году, нынѣ прекрасно реставрирована и по ней можно прочесть его надгробную эпитафію.

Всенощная окончилась. И вотъ трезвонъ колоколовъ далъ знать о прибытіи высокопреосвященнаго экзарха Грузіи. Архіепископъ Иннокентій встрѣченъ былъ въ храмѣ мѣстнымъ духовенствомъ и, послѣ привѣтственной рѣчи, произнесенной протоіереемъ крѣпостного собора, вошелъ въ алтарь для облаченія.

Въ то же время отдаленное „ура“ возвѣстило о приближеніи главнокомандующаго. Графиня Елисавета Андреевна, въ сопровожденіи встрѣтившихъ ее дамъ, прослѣдовала прямо въ церковь. Графъ Воронцовъ-Дашковъ обошелъ почетный караулъ, принялъ ординарцевъ и затѣмъ вступилъ въ церковь. Послѣ краткаго молебствія съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, всему Царствующему Дому, Намѣстнику Его Величества на Кавказѣ графу Илларіону Ивановичу, его супругѣ графинѣ Елисаветѣ Андреевнѣ, побѣдоносному россійскому воинству и всѣмъ живымъ участникамъ покоренія Карса, — высокопреосвященный экзархъ Грузіи вошелъ на амвонъ и произнесъ глубокопрочувствованное слово. Величавая фигура нашего іерарха, стоявшаго передъ нами въ полномъ облаченіи своего высокаго сана, его звучный голосъ и ораторскій талантъ, затрогивающій самыя чувствительныя струны сердца, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; у многихъ на глазахъ навернулись слезы, особенно при послѣднихъ словахъ, которыми архіепископъ Иннокентій закончилъ свою рѣчь. Вотъ это, полное жизненнаго смысла, слово:

„У государства и у церкви есть свои герои. У церкви —герои вѣры, св. мученики; у государства —герои доблести, храбрости,—сила ратная. И тѣ, и другіе положили жизнь свою, одни въ мученіяхъ за вѣру, другіе въ борьбѣ за государство, принесли ее въ жертву чистую, непорочную на свои алтари. На крови и костяхъ св. мучениковъ основалась церковь; кровью и доблестной смертью сыновъ своихъ создалось, расширилось и окрѣпло государство русское. Ублажая и прославляя своихъ св. мучениковъ за вѣру, церковь также искренно и усердно поминаетъ героевъ долга, мужества и храбрости, на брани животъ свой положившихъ; она молитъ имъ у Господа вѣнцовъ нетлѣнія, блаженной жизни вѣчной и причтенія къ лику праведныхъ.

„Вспоминая нынѣ въ церковной молитвѣ имена всего доблестнаго воинства, положившаго жизнь свою при взятіи этой неприступной крѣпости, перенесемся мыслію къ великому подвигу ихъ. Честь, величіе и достоинство Русской Державы настойчиво требовали овладѣнія Карсомъ, этимъ ключемъ, замыкающимъ русскія владѣнія, этими воротами, ведущими на востокъ, въ глубь Азіи. А извѣстно всему міру, что для русскихъ воиновъ, этихъ орловъ, удивившихъ когда то весь міръ переходомъ черезъ Альпы, крѣпко знавшихъ Шипку и Балканы, не было преградъ тамъ, гдѣ нужно отстоять честь своей матери-родины, показать величіе ея сыновъ. Ни грозныя турецкія укрѣпленія, ни крутизна и неприступность горныхъ утесовъ не остановили храбрости русскаго солдата. Забыта смертная опасность личной жизни; въ сознаніи повелительно стоитъ одна мысль, внушенная долгомъ,—взять приступомъ неприступную твердыню. Устилая тысячами труповъ величественныя горы, окружающія крѣпость, осыпаемые градомъ пуль, идутъ, нетерпѣливо рвутся впередъ эти герои беззавѣтной храбрости, врываются въ крѣпостныя ворота по пятамъ своего врага, геройскою грудью съ боя берутъ то, что составляло завѣтную мечту храбраго сердца: крѣпость была взята.

„Ихъ, этихъ храбрецовъ, героевъ мужества, нынѣ почти нѣтъ въ живыхъ. Остались лишь немногіе. Въ братскихъ могилахъ покоятся кости ихъ. Нѣтъ героевъ, но живъ безсмертный подвигъ ихъ великаго дѣла. Онъ предъ нами: неприступная турецкая крѣпость стала русскою; въ лѣтописи русскаго воинства вписана блестящая славная страница, укрѣплено и возвеличено достоинство Русской Державы на страхъ врагамъ и на удивленіе народамъ дружественнымъ.

„Нѣтъ героевъ, мирно спятъ они въ своихъ братскихъ могилахъ, но изъ этихъ могилъ они даютъ намъ одинъ ве-

ликій урокъ, такъ необходимый въ наше малодушное время, урокъ о томъ, какъ нужно любить дорогую родину, какъ умѣть умирать въ борьбѣ за честь и достоинство ея.

„Вознесемъ же нашу усердную, теплую молитву къ Престолу Всевышняго объ упокоеніи вождей и воиновъ, павшихъ при взятіи этой крѣпости, этихъ героевъ и доблестныхъ сыновъ родины; да сподобитъ ихъ Господь блаженной жизни за ихъ великій подвигъ на благо Отечества, за ихъ кровь, для него пролитую, за ихъ жизнь земную, въ жертву родинѣ принесенную, въ чувствѣ благодарности, пойдемъ, глубоко поклонимся ихъ братскимъ могиламъ, а землѣ, воспріявшей кости этихъ доблестныхъ сыновъ, скажемъ: Земля, отнынѣ русская, отечественная, храни въ нѣдрахъ твоихъ любезные останки могучихъ защитниковъ славы и чести Отечества до того дня, когда возсіяетъ солнце правды—Христосъ Богъ и оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. Аминь".

Началась панихида. Невыразимо трогательно звучала молитва объ усопшихъ благовѣрныхъ царяхъ Николаѣ I, Александрѣ II, о благовѣрномъ Государѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, о рабѣ Божіемъ боляринѣ воинѣ Петрѣ*) и всѣхъ воинахъ, положившихъ на твердыняхъ Карса животъ свой за вѣру, Царя и отечество,—имена же ихъ „Ты, Господи, вѣси". Сколько въ этой молитвѣ было искренности, наитія и усердія! Когда пропѣта была торжественно-печальная пѣснь Дамаскина „Со святыми упокой", при чемъ всѣ преклонили колѣна,—церковныя двери растворились, и крестный ходъ направился къ братскимъ могиламъ.

Ночь была лунная, теплая; но густой туманъ, такой же, какой былъ въ памятную ночь на 6-е ноября 1877 года,

*) О Петрѣ Даниловичѣ Несвѣтаевѣ.

спустился надъ крѣпостью и мѣшалъ свѣту прожекторовъ; пришлось освѣщать могилы бенгальскими огнями. Здѣсь, подъ открытымъ небомъ, подъ этимъ живымъ куполомъ Господняго храма, была пропѣта надъ братскими могилами „вѣчная память", а затѣмъ высокопреосвященный экзархъ Грузіи перешелъ къ свѣжей могилѣ Несвѣтаева, благословилъ ее и совершилъ надъ нею краткую литію.

По окончаніи духовной церемоніи на могилу Несвѣтаева возложены были четыре вѣнка:

Первый, серебряный, съ широкими георгіевскими лентами, съ надписью на самомъ вѣнкѣ: „Памяти доблестнаго героя генерала П. Д. Несвѣтаева. Главнокомандующій, его штабъ и войска Кавказскаго военнаго округа". На одномъ концѣ георгіевской ленты надпись: „Герою Кавказа П. Д. Несвѣтаеву", на другомъ —перечислены мѣста, гдѣ были совершены имъ его легендарные подвиги: „Анануръ, Шурагель, Эчміадзинъ, Памбакъ, Карсъ, Гумры (нынѣшній Александраполь) и Арпачай".

Остальные вѣнки были металлическіе, большихъ размѣровъ:

Одинъ отъ 115-го пѣхотнаго Вяземскаго полка, переименованнаго изъ Саратовскаго мушкетерскаго, съ которымъ генералъ Несвѣтаевъ совершалъ всѣ свои блестящіе подвиги. На широкихъ георгіевскихъ лентахъ этого вѣнка надпись: „Доблестному герою, отцу-командиру и шефу, генералу П. Д. Несвѣтаеву. Вяземцы, саратовцы-мушкетеры". Вѣнокъ возложилъ депутатъ полка поручикъ Аргутинскій, присутствовавшій и при торжественномъ перенесеніи останковъ знаменитаго генерала изъ мѣстечка Караклиса въ Карсъ.

Второй вѣнокъ—отъ войскъ александрапольскаго гарнизона: „Храбрѣйшему изъ храбрѣйшихъ генералу Несвѣтаеву—пѣхотные полки Бакинскій и Дербентскій, Кавказ-

Крестный ходъ къ памятнику 6-го Ноября 1910 года.

скіе стрѣлки, Сѣверскій драгунскій полкъ, 39-я артиллерійская бригада, штабъ 39-й пѣхотной дивизіи, Александрапольская крѣпостная артиллерія".

Третій вѣнокъ—съ надписью: „Доблестному герою генералу П. Д. Несвѣтаеву отъ благодарнаго населенія Памбакскаго раіона".

По окончаніи духовнаго торжества всѣ собрались въ карское военное собраніе, гдѣ были сервированы чай и легкая закуска. Здѣсь депутація отъ Куринскаго князя Воронцова полка, во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Шишко, поднесла графинѣ Елисаветѣ Андреевнѣ роскошный букетъ, какъ внучкѣ своего любимаго, славнаго шефа. Куринцы заслужили имя Воронцова своими блестящими подвигами въ кавказской войнѣ,—это ихъ знамя, которое вело и всегда поведетъ ихъ къ побѣдамъ. Депутація выразила глубокую благодарность графинѣ Елисаветѣ Андреевнѣ, никогда не оставлявшей полкъ своимъ высокимъ вниманіемъ.

День этотъ закончился въ карскомъ военномъ собраніи сообщеніемъ начальника Военно-Историческаго отдѣла генералъ-лейтенанта Потто о всѣхъ четырехъ штурмахъ Карса, при чемъ находились всѣ чины карскаго гарнизона, депутаціи и приглашенныя на торжество лица съ ихъ семьями. Сообщеніе это удостоили своимъ присутствіемъ главнокомандующій съ супругою и высокопреосвященный Иннокентій, экзархъ Грузіи.

Въ этотъ же день во всѣхъ частяхъ карскаго гарнизона сдѣланы были офицерами сообщенія нижнимъ чинамъ о тѣхъ же четырехъ карскихъ штурмахъ.

Утро 6-го ноября было морозное. Въ Карской области начиналась уже зима, и потому войска карскаго гарнизона выведены были въ парадной формѣ, но шинели

имѣли въ рукава. Къ 9-ти часамъ всѣ части заняли назначенныя имъ мѣста и выстроились развернутою линіею отъ крѣпостного собора вдоль улицъ Александровской, Фаддеевской и Губернаторской до самаго памятника, задернутаго еще завѣсою. Стройно стоитъ старая боевая бригада 20-й пѣхотной дивизіи—Кабардинскій и Куринскій полки, осѣненные массою своихъ знаменъ, вынесшіе на своихъ плечахъ всю тяжесть вѣковой кавказской войны на жизнь и на смерть. Богата боевая хроника этихъ полковъ, и тѣ же священныя традиціи сохраняются въ полкахъ и понынѣ. Назовите имена ихъ,—и передъ вами возстанетъ цѣлая эпопея кавказской борьбы: ахульгинскія скалы, ичкеринскія дебри, гехинскіе лѣса, залитые ихъ кровью, усѣянные ихъ костями. Далѣе идутъ уже болѣе молодыя части: 2-й Кавказскій желѣзнодорожный баталіонъ, крѣпостная саперная рота, крѣпостная артиллерія и, наконецъ, Уманскій казачій полкъ,—но это уже старые черноморскіе казаки, потомки Запорожской Сѣчи, отцы которыхъ родились, росли и умирали подъ нескончаемый лязгъ оружія и грохотъ выстрѣловъ.

Дѣти всѣхъ училищъ и городскихъ школъ, во главѣ съ ротой „Карсскаго потѣшнаго войска", стояли въ соборной оградѣ. Невольное вниманіе обращала на себя эта рота,—эти малолѣтки, изъ которыхъ старшему нѣтъ и 15-ти лѣтъ. Всѣ они вооружены деревянными ружьями съ деревянными штыками, всѣ одѣты однообразно, и только турки и греки имѣли свои національныя фески. Видъ этого строя, осѣняемаго своими значками, необычайно веселый, праздничный и представлялъ собою эффектное зрѣлище. Какъ то невольно приходитъ въ голову одно стихотвореніе о томъ, какъ старый инвалидъ приходитъ къ одинокой могилѣ своего собрата:

„Съ нимъ внукъ бѣлокурый. Ласкаяся къ дѣду,
Что́—разъ онъ ему говоритъ:
Ска́жи-ка мнѣ, помнишь, про эту побѣду,
Гдѣ былъ твой товарищъ убитъ.
И внемлетъ сквозь слезы онъ повѣсти бранной,
И часто, забывшися самъ,
Встряхнувши кудрями, штыкомъ деревяннымъ
Грозитъ нашимъ старымъ врагамъ“...

И пусть не переводятся никогда эти богатырскія силы въ мощной семьѣ русскаго царства.

Въ крѣпостной соборной церкви идетъ литургія, которую совершаетъ самъ высокопреосвященный экзархъ Грузіи. Хорошъ этотъ древній соборъ, стоящій у самаго подножія гигантской скалы, увѣнчанной карсскою цитаделью. Онъ очень старъ; надъ нимъ пронеслось уже цѣлое тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ еще въ X вѣкѣ его основалъ, во имя 12-ти апостоловъ, правитель Арменіи Аббасъ—одинъ изъ потомковъ Великаго Баграта. Но судьба Карса была перемѣнчива; въ XIV вѣкѣ городъ попалъ въ руки турокъ,—и христіанскій храмъ превращенъ былъ ими въ 1325 году въ мечеть „Гюмбетъ-Джамэ“. Въ этомъ видѣ мы и застали его въ кампанію 1855 года Но не то нашли русскія войска, вступившія въ Карсъ 6-го ноября 1877 года; мечети уже не было, а въ древнихъ стѣнахъ ея помѣщался простой провіантскій складъ гарнизона; куполъ ея былъ разбитъ русскими снарядами, одна изъ стѣнъ почти развалилась, а внутри пусто, и только возлѣ стѣнъ навалены были грудами какіе то мѣшки. По заключеніи мира храмъ наскоро былъ реставрированъ; 14-го ноября 1878 года раздался первый благовѣстъ колоколовъ, и тогда же, послѣ почти тысячелѣтняго молчанія, подъ мрачными сводами его снова пронеслось молитвенное пѣніе,—отслужена была первая божественная литургія.

Такъ возникъ крѣпостной военный соборъ, посвященный имени Архистратига Михаила, и теперь, благодаря непрестаннымъ заботамъ о немъ, составляетъ одно изъ выдающихся украшеній Карса. Все здѣсь просто и изящно. Самое зданіе изъ темно-сѣраго туфа сохраняетъ всѣ отличительныя черты древняго стиля; а внутри - иконостасъ изъ сѣраго, бѣлаго и розоваго мрамора съ тонкою рѣзьбой; царскія врата изъ темнаго дуба высоко-художественной работы; затѣмъ иконы превосходнаго письма, кисти извѣстнаго художника Кившенко, въ золоченыхъ рамахъ, и массивное паникадило, — все поражаетъ васъ не богатствомъ и роскошью, а именно своею художественностью. „Видно, —говоритъ г. Красновъ въ своихъ карсскихъ воспоминаніяхъ,—что все подбиралось одно къ одному съ любовью и вкусомъ". Особенно драгоцѣнна, по соединеннымъ съ ней воспоминаніямъ, небольшая храмовая икона Михаила Архистратига, въ серебряной ризѣ замѣчательной чеканной работы. Она сопутствовала главнокомандующему Великому Князю Михаилу Николаевичу во все время войны 1877 года, и по ея окончаніи пожертвована имъ въ карсскій соборъ ко дню его освященія. Теперь икона эта помѣщается въ особомъ складнѣ и хранится на аналоѣ передъ царскими вратами. Здѣсь же хранятся на черной бархатной доскѣ большой серебряный вѣнокъ съ двумя пальмовыми вѣтвями, перевитый широкою георгіевскою лентою, съ надписью: „Отъ гражданъ Карса доблестнымъ воинамъ, павшимъ при штурмѣ 5-го ноября 1877 года." Тамъ же вѣнки отъ полковъ 1-й Гренадерской дивизіи и 1-й Гренадерской артиллерійской бригады: — „Боевымъ товарищамъ павшимъ при штурмѣ Карса 6-го ноября 1877 г." Это усердное приношеніе войскъ и жителей сдѣлано восемь лѣтъ тому назадъ, когда совершалась еще только самая закладка памятника.

Торжественная служба экзарха началась въ соборѣ въ девять съ половиною часовъ утра; пѣли три хора пѣвчихъ: соборный, экзаршій и хоръ казаковъ собственнаго конвоя Намѣстника, подъ управленіемъ извѣстнаго Колотилина. Въ то же время отдаленный благовѣстъ возвѣщаетъ, что и въ другихъ городскихъ церквахъ начинается богослуженіе. Толпы народа наполняютъ всѣ улицы.

Ровно въ 10 часовъ утра прибылъ главнокомандующій. Онъ былъ верхомъ на бѣломъ конѣ чистѣйшей арабской крови, одѣтый въ парадный генералъ-адъютантскій мундиръ съ андреевскою лентой черезъ плечо. Графъ Воронцовъ-Дашковъ, сопровождаемый свитой, объѣзжалъ войска и здоровался съ каждою частью, привѣтствуемый и сопровождаемый могучимъ„ ура!". Это сердечный отвѣтъ солдатъ на поздравленіе съ великимъ днемъ открытія памятника ихъ браннымъ товарищамъ, павшимъ на полѣ чести и славы.

Между тѣмъ богослуженіе окончилось, и начался крестный ходъ. Погода въ это время нѣсколько измѣнилась. Яркое солнце обогрѣло землю, стало тепло, но зато распустившаяся глинистая почва образовала такую липкую грязь, что движеніе стало затруднительнымъ. Графиня Елисавета Андреевна проѣхала прямо къ памятнику, гдѣ на возвышеніи устроенъ былъ небольшой павильонъ. Главнокомандующій графъ Воронцовъ-Дашковъ верхомъ съ блестящей свитой сопровождалъ процессію. Впереди—иконы и церковныя хоругви, потомъ хоры пѣвчихъ, въ своихъ традиціонныхъ одеждахъ, а казаки въ парадныхъ красныхъ черкескахъ и бѣлыхъ бешметахъ; за ними многочисленное духовенство въ блестящихъ ризахъ и, наконецъ, экзархъ Грузіи архіепископъ Иннокентій осѣняемый рипидами. Армянское духовенство, во главѣ со своимъ архіепископомъ, присутствовавшее при всѣхъ богослуженіяхъ, сопровождало и крестный ходъ, но согласно своимъ каноническимъ правиламъ безъ

облаченія. Далѣе двигался длинный рядъ войсковыхъ знаменъ и полковыхъ регалій, постепенно присоединявшихся къ процессіи, по мѣрѣ прохожденія ея мимо войскъ. За ними верхомъ ѣхалъ главнокомандующій со своей свитой, а затѣмъ генералитетъ, лица, присутствовавшія въ соборѣ при богослуженіи, рота потѣшныхъ, ученики городскихъ училищъ и школъ со своими воспитателями и масса народа.

У памятника, гдѣ было приготовлено все для совершенія молебствія, духовенство остановилось. Знамена стали передъ аналоемъ, войска заняли свои мѣста. И вотъ раздалась команда командовавшаго парадомъ, начальника 1-й Кавказской казачьей дивизіи генералъ-лейтенанта Михайлова: „Слушай! На караулъ!". Въ ту же минуту завѣса спала съ памятника, и онъ явился передъ нами во всемъ своемъ величіи. Со всѣхъ фортовъ загремѣли орудія, музыка заиграла народный гимнъ, и неудержимое „ура" покатилось по рядамъ войскъ, оглашая горы и ущелья Карса.

Затѣмъ совершено было молебствіе, закончившееся многолѣтіемъ и провозглашеніемъ „вѣчной памяти" усопшимъ героямъ; высокопреосвященный экзархъ окропилъ памятникъ святою водою, и тутъ же къ подножію его возложены были вѣнки:

Серебряные съ надписями:*)

1) На широкихъ георгіевскихъ лентахъ „Героямъ павшимъ при штурмахъ крѣпости Карсъ, отъ войскъ Кавказскаго военнаго округа".

2) „Отъ города Карса—Доблестнымъ героямъ, павшимъ при штурмахъ Карса 1828, 1855 и 1877 г.г".

3) „Перновцы 1910 г. своимъ предкамъ-Перновцамъ 1877 г., освятившимъ своею смертью взятіе крѣпости Карса въ ночь на 6-го Ноября 1877 года".

*) Приказъ по Карсскому гарнизону 31-го Декабря 1910 года № 139.

4) „Г.г. офицеры 4-го Гренадерскаго Генерала-Фельдмаршала Князя Барклая-Де-Толли Несвижскаго полка.— Павшимъ на полѣ брани товарищамъ г г. офицерамъ и нижнимъ чинамъ, 1910 года 6-го Ноября“.

5) „Отъ полковъ 1-й Гренадерской дивизіи и отъ 1-й Гренадерской артиллерійской бригады 6 Ноября 1902 года —„Боевымъ товарищамъ павшимъ при штурмѣ Карса 6 го Ноября 1877 года“.

6) „Отъ гражданъ города Карса. Доблестнымъ воинамъ, павшимъ при штурмѣ 6-го Ноября 1877 года“.

Металлическіе съ надписями:

7) „Полки 40 дивизіи съ ея артиллеріей 1910 г. 6-го Ноября“.

8) „Отъ Кутаисцевъ —Богатырямъ Фадеева, показавшимъ дорогу въ Карсъ въ 1877 году, 6 Ноября 1910 г.“

9) „Отъ Карсской женской гимназіи. Доблестнымъ воинамъ“.

10) „Отъ учащихъ и учащихся начальныхъ училищъ М. Н. П. гор. Карса“.

11) „Карсскаго Армянскаго училища.—Честно и храбро павшимъ героямъ“.

По окончаніи молебствія войска прошли церемоніальнымъ маршемъ мимо памятника, имѣя во главѣ роту потѣшныхъ и учениковъ городскихъ училищъ и школъ.

Трудно, тяжело было итти по размокшей глинѣ, но войска, осѣняемыя ветхими клочьями своихъ старыхъ знаменъ, прошли молодцами, бодро, весело и заслужили сердечное спасибо главнокомандующаго.

Въ этотъ день графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ были получены слѣдующія телеграммы:

От Государя Императора.

„Поручаю вамъ, графъ, передать всѣмъ бывшимъ на освященіи памятника Мою сердечную благодарность за молитву. Увѣренъ, что въ доблестныхъ войскахъ Кавказскаго округа будетъ вѣчно жива память о славныхъ подвигахъ героевъ Карса.

«Николай»

Отъ Великаго Князя Николая Михаиловича:

„Отъ души благодарю васъ и доблестныя Кавказскія войска за любезное вниманіе къ семьѣ Нашей и ко Мнѣ въ день славной годовщины взятія Карса, связанной съ памятью незабвеннаго батюшки.

«Николай Михайловичъ».

Телеграммы эти были отвѣтомъ на отправленныя главнокомандующимъ:

Государю Императору.

„Ваше Императорское Величество! Сегодня, въ тридцать третью славную годовщину взятія Карса, гарнизонъ крѣпости и представители доблестныхъ войскъ округа, со мною вмѣстѣ и въ сослуженіи экзарха Грузіи, открыли и освятили памятникъ во славу нашихъ героевъ-воиновъ, въ разновременныхъ штурмахъ Карса сложившихъ свои головы за Царя и Родину. Горячая молитва войскъ и всего населенія города о здравіи и благоденствіи Вашего Величества и Августѣйшей Семьи Вашей вознесена къ престолу Всевышняго при могучемъ „ура“ и несмолкаемомъ громѣ пушекъ всѣхъ фортовъ крѣпости“.

Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Великому Князю Николаю Михайловичу:

„Въ день празднованія годовщины взятія Карса и открытія памятника павшимъ при штурмахъ крѣпости героямъ, отъ лица доблестныхъ Кавказскихъ войскъ привѣт-

ствую Ваше Императорское Высочество, какъ сына и старшаго въ родѣ участника незабвеннаго штурма крѣпости Карса".

Графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Тогда же получена была телеграмма изъ Петербурга и отъ участниковъ кампаніи 1877 года:

„Семнадцать кавказцевъ, участниковъ войны 1877 года и кампаній пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, собравшись, чтобы праздновать 33-ю годовщину взятія Карса и почтить память русскихъ воиновъ, положившихъ свои кости подъ стѣнами Карса, провозглашаютъ тостъ за процвѣтаніе славной Кавказской арміи и привѣтствуютъ ваше сіятельство, стоящаго во главѣ этой арміи. *Генералы: Роопъ, Комаровъ, Рербергъ, Дукмасовъ, Гончаровъ, Яцкевичъ, Бѣлявскій, Малама, Палицынъ, Бельгардтъ, князь Тумановъ, Никитинъ, Колюбакинъ, Вестманъ, Васильевъ, князь Багратіонъ-Мухранскій и Николай Хомяковъ.*"

Было много и другихъ телеграммъ, которыя помѣщаются въ приложеніи.

Послѣ парада всѣ присутствовавшіе на торжествѣ отправились осматривать сооруженный памятникъ. Онъ былъ заложенъ еще по иниціативѣ бывшаго карсскаго коменданта, генералъ-лейтенанта Яцкевича, ровно восемь лѣтъ тому назадъ. въ 25-ти лѣтнюю годовщину послѣдняго штурма. Закладка была торжественная. Вызваны были депутаціи отъ всѣхъ полковъ, когда либо участвовавшихъ въ военныхъ дѣйствіяхъ подъ Карсомъ; явились и старые ветераны, собравшіеся съ разныхъ, даже отдаленныхъ угол- ковъ Россіи, пожелавшіе еще разъ посѣтить тѣ мѣста, съ которыми у каждаго изъ нихъ соединялось такъ много славныхъ воспоминаній молодости. Тогда еще много оста-

валось въ живыхъ участниковъ послѣдняго штурма, даже штурма муравьевскаго. Съѣздъ поэтому былъ многолюдный Объ этихъ празднествахъ и торжествахъ такъ талантливо, въ такихъ яркихъ краскахъ описанныхъ въ свое время нашимъ извѣстнымъ военнымъ писателемъ Красновымъ,—мы говорить не будемъ и перейдемъ прямо къ описанію самого памятника.

Пьедесталъ его изъ тесанаго камня представляетъ собою четырехгранную пирамиду, увѣнчанную большою каменною глыбою, на которой стоитъ отлитый изъ бронзы русскій солдатъ, водружающій побѣдное знамя; подъ нимъ — двуглавый орелъ, держащій въ когтяхъ переломленное турецкое знамя. Высота всего памятника 18 аршинъ. По четыремъ ребрамъ пьедестала укрѣплены мѣдныя турецкія орудія, а по сторонамъ—бронзовые барельефы въ медальонахъ и надписи.

На лицевой сторонѣ, обращенной къ собору, медальонъ Великаго Князя Михаила Николаевича и подъ нимъ надпись: „Русскимъ воинамъ, доблестно павшимъ при штурмахъ крѣпости Карса въ 1828, 1855 и 1877 годахъ", а ниже—бронзовая доска съ надписью: „Сооруженъ въ 1910 году, въ царствованіе Императора Николая II". На трехъ другихъ сторонахъ помѣщены такіе же барельефы главнокомандующихъ графа Паскевича Эриванскаго, генералъ-адъютанта Муравьева и командовавшаго дѣйствующимъ корпусомъ въ 1877 году графа Лорисъ Меликова. Подъ каждымъ изъ этихъ барельефовъ утверждены особыя доски, на которыхъ начертаны имена полковъ и частей, участвовавшихъ въ штурмахъ, наши потери и добытые нами трофеи.

Вокругъ всего памятника сооружена ограда изъ нѣсколькихъ группъ турецкихъ пушекъ, соединенныхъ между собою двойными цѣпями, а на угловыхъ группахъ—дву-

Его Императорское Высочество

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

РУССКИМЪ ВОИНАМЪ

доблестно павшимъ при штурмахъ крѣпости Карса

въ 1828, 1855 и 1877 годахъ,

а ниже—бронзовая доска съ надписью:

„Сооруженъ въ 1909 году въ царствованіи Императора Николая II“.

главые орлы. Памятникъ воздвигнутъ по проекту художника Б. М Микѣшина,—сына знаменитаго русскаго скульптора, а бронзовыя фигуры и украшенія отлиты въ Петербургской художественно-бронзо-литейной мастерской Карла Робекки. На сооруженіе памятника путемъ добровольной подписки собрано было 48 тысячъ рублей, а вся стоимость его обошлась въ 45 тысячъ.

Нельзя не признать, что памятникъ, какъ по своей идеѣ, такъ и по выполненію, заслуживаетъ полнаго вниманія и долженъ быть отнесенъ къ числу лучшихъ, поставленныхъ у насъ за послѣднее время.

Нельзя однако не пожалѣть глубоко, что на памятникѣ нѣтъ имени Несвѣтаева, а подъ его барельефомъ можно бы было начертать: „Въ бою участвовали: Саратовскій мушкетерскій (нынѣ Вяземскій пѣхотный) полкъ, и по баталіону отъ полковъ: Кавказскаго гренадерскаго (нынѣ Грузинскаго), Троицкаго пѣхотнаго и 15-го Егерскаго, и два Донскіе казачьи полка, при восьми орудіяхъ 20-й артиллерійской бригады. Потери: убито и ранено три офицера и 49 нижнихъ чиновъ; трофеи—одно орудіе, отбитое при штурмѣ предмѣстья Байрамъ-паши“.

Приказомъ по карсскому гарнизону сдѣлано распоряженіе:*) «Пямятнику павшимъ воинамъ, какъ воздвигнутому въ воспоминаніе доблестныхъ военныхъ подвиговъ, проходящимъ мимо него частямъ и командамъ отдавать установленую честь».

Въ два часа пополудни состоялся завтракъ въ карсскомъ военномъ собраніи. Всѣ офицеры гарнизона и лица,

*) Приказъ по гарнизону 31-го декабря 1910 г. № 139.

прибывшія на торжество, приглашены были со своими семьями. Мысль привлечь къ участію въ торжествѣ не однихъ офицеровъ, но и семьи ихъ имѣетъ за собою огромный смыслъ и заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія. Подобныя торжества не должны заключаться въ тѣсныя офиціальныя рамки, а должны носить именно семейный характеръ. Кому же болѣе и гордиться славой и почетомъ своихъ мужей и отцовъ, какъ не ихъ семьямъ? Кому же, какъ не матерямъ, и воспитывать дѣтей въ духѣ любви къ родинѣ, къ своему полку, къ его вѣковымъ преданіямъ? И завтракъ прошелъ чрезвычайно оживленно.

Первый тостъ провозглашенъ былъ главнокомандующимъ за здравіе Державнаго Вождя русской арміи Государя Императора. Грянуло „ура!", и всѣ присутствовавшіе общимъ хоромъ троекратно пропѣли народный гимнъ „Боже, Царя храни". Второй тостъ графъ Воронцовъ-Дашковъ провозгласилъ за процвѣтаніе доблестныхъ Кавказскихъ войскъ.

„Поднимаю чару, —сказалъ графъ Илларіонъ Ивановичъ,— за здоровье доблестныхъ живыхъ участниковъ прошлыхъ войнъ и за память славныхъ борцовъ, —жизнь свою положившихъ за Царя и Отечество, во славу Русскаго оружія.

Будемте г.г слѣдовать примѣру участниковъ прежнихъ войнъ, доказавшихъ всему свѣту всю мощь и силу духа войскъ Кавказа. Благодаря силѣ этого духа, всякую войну, какъ бы тяжелы не были ея условія, кавказцы кончали побѣдоносно. Ни природныя затрудненія, ни громадный перевѣсъ въ силахъ противника, не могли остановить ихъ побѣдоноснаго шествія. Терпѣли они иногда неудачи, но пораженія не знали никогда. Духомъ они побѣждали. За сохраненіе въ войскахъ Кавказа этого побѣдоноснаго, чудеса творящаго духа, завѣта покойныхъ героевъ, могилами ко-

торыхъ усѣянъ весь Кавказъ, я подымаю чару, и да здравствуетъ наша славная, дружная, боевая Кавказская семья!“

Затѣмъ Главнокомандующій прибавилъ:

«Карсскому гарнизону аллаверды! Въ крѣпкихъ рукахъ вашихъ отнынѣ находятся твердыни Карса. Берегите ихъ, какъ зеницу ока, и помните, что вы здѣсь стоите на часахъ у земли Русской».

Короткая, сильная рѣчь эта произвела на всѣхъ потрясающее впечатлѣніе,—и когда вслѣдъ затѣмъ комендантъ крѣпости генералъ-маіоръ Червиновъ поднялъ бокалъ за здравіе графа Воронцова-Дашкова—грянуло такое несмолкаемое „ура!“, въ которомъ вылились наружу всѣ затаенныя чувства любви къ нашему главнокомандующему.

Съ такимъ же восторженнымъ „ура“ былъ принятъ тостъ за графиню Елизавету Андреевну и затѣмъ за высокопреосвященнаго Иннокентія, экзарха Грузіи; но тутъ „ура“ смолкло, и присутствовавшіе общимъ хоромъ пропѣли „многія, многія лѣта“. Далѣе, завтракъ потерялъ уже свой офиціальный характеръ и перешелъ въ чисто семейное дружеское пиршество. Тосты слѣдовали уже безконечно за всѣхъ присутствовавшихъ и отсутствовавшихъ, пѣли традиціонное „мравалжаміеръ“ и „чарочку“ и славили въ ней имя графа Илларіона Ивановича Воронцова-Дашкова. Настроеніе у всѣхъ было приподнятое, возвышенное. Всѣ вынесли съ собою самое хорошее, свѣтлое впечатлѣніе.

Послѣ завтрака Главнокомандующій съ супругою посѣтилъ военнаго губернатора Карсской области генералъ-лейтенанта фонъ-Паркау, гдѣ былъ предложенъ чай; здѣсь же присутствовали экзархъ Грузіи и высшіе начальствующія лица. Затѣмъ въ 7 часовъ вечера состоялся обѣдъ

у коменданта крѣпости генералъ-маіора Червинова. За обѣдомъ генералъ Михайловъ прочелъ одно изъ стихотвореній Чужбинскаго „Саперъ". Сколько въ этомъ, и вообще во всѣхъ стихотвореніяхъ Чужбинскаго, высокой поэзіи и глубокаго чувства, способнаго вызвать на глаза слезы умиленія. Таковы: „Знамя", „Бомбардиръ", „Трубачъ" и множество другихъ. И какъ жаль, что эти простыя, но въ высшей степени поэтическія произведенія, возвышающія и облагораживающія душу, совсѣмъ неизвѣстны нашимъ солдатамъ. Потомъ начальникъ инженеровъ генералъ маіоръ Порошинъ прочелъ съ глубокимъ чувствомъ другое стихотвореніе, относящееся къ настоящимъ событіямъ. Оно написано 14-ти лѣтнею дочерью карсскаго коменданта, Тоней Червиновой, воспитывающейся еще въ институтѣ. Стихотвореніе вызвало общее одобреніе, и мы считаемъ нужнымъ закрѣпить его въ печати.

Штурмъ Карса съ 5-го на 6-ое ноября 1877 г.

Ночь морозная, лунная ночь подошла;
Горы чернымъ туманомъ покрылись;
Въ звѣздномъ небѣ едва показалась луна,
Да зловѣщія стѣны свѣтились.

Карсъ казался еще неприступнѣй, страшнѣй,
Еще выше во тьмѣ подымался;
А въ ущельяхъ ревѣлъ дикій вѣтеръ сильнѣй,
И стоналъ, и свисталъ и метался.

У подножья фортовъ растянулись полки
Нашихъ войскъ; но средь ночи глухой
Не зажглись, какъ всегда, на бивакахъ огни—
Все исчезло, покрытое тьмой

Наши воины тихо готовились въ бой.
Ихъ давно утомила осада.
Они шли съ однимъ чувствомъ и съ мыслью одной,—
Ихъ теперь не пугала преграда

Снѣгъ подмерзъ, и войскамъ было легче итти;
И луна слабый свѣтъ имъ давала.
Часть нашихъ войскъ сбилась съ пути;
Темнота имъ пути застилала.

Козелковъ на Хафисъ устремился впередъ,
Карасевъ ужъ стоялъ у Фези;
А Фаддеевъ впередъ къ Карадагу пошелъ,
Разгромивъ цѣлый таборъ въ пути.

Вотъ у самыхъ онъ скалъ. На мгновенье тогда
Вдругъ замедлилъ онъ шагъ, встрепенулся,
Пронеслося „ура", и на крѣпость врага
Онъ съ отчаянной силой рванулся.

Въ это время на небѣ исчезла луна,
И во мракѣ холодномъ густомъ
Страшно бились они, и изъ жертвъ не одна—
Много пало при штурмѣ кровавомъ ночномъ.

Карадагъ устоять при томъ штурмѣ не могъ,
А за нимъ и Арабъ сдался тотчасъ.
И раздались повсюду слова: „Съ нами Богъ"!
Быстро вѣсть по частямъ разнеслась.

Козелковъ въ это время ужъ занялъ Хафисъ,
А за нимъ всѣ форты постепенно сдались.
И только у Чима, подъ самой горой,
Былъ разбитъ нашъ отрядъ небольшой.

Пріумолкло „ура", и во мракѣ нѣмомъ,
На невѣдомыхъ чуждыхъ скалахъ

Не одинъ изъ участниковъ думалъ о томъ,
Сколько жизней разбилось здѣсь во прахъ

Быстро ночь та прошла, но почти что никто
И не зналъ, что ужъ взятъ Карадагъ;
И не думалъ тогда, что вся крѣпость давно
Ужъ находится въ нашихъ рукахъ.

Но когда на Востокѣ зардѣлась заря,
Блѣдный свѣтъ заигралъ въ облакахъ, -
На валахъ развѣвался во славу Царя
Мощный русскій побѣдный нашъ флагъ.

Карсскія торжества закончились въ тотъ же день; для нижнихъ чиновъ были устроены забавы и игры, а въ офицерскомъ военномъ собраніи состоялся семейный вечеръ. На сценѣ пѣли два хора: сборный —отъ частей карсскаго гарнизона, и хоръ собственнаго конвоя Намѣстника; но этотъ послѣдній - уже не хоръ, а настоящая капелла. Тутъ же поставлены были живыя картины, изображавшія штурмъ и сдачу Карса, при чемъ роли какъ турокъ, такъ и русскихъ войскъ исполняли „потѣшные“.

Въ исходѣ перваго часа ночи главнокомандующій вмѣстѣ со своею супругою отбылъ на вокзалъ желѣзной дороги. Его сопровождала длинная вереница экипажей, скакалъ конвой, гремѣло „ура“ стоявшихъ шпалерами войскъ, —и вся эта картина, освѣщаемая яркимъ и сильнымъ свѣтомъ крѣпостныхъ прожекторовъ, представляла собою, въ сумеркахъ надвинувшейся ночи, нѣчто волшебное.

Ровно въ часъ пополуночи поѣздъ Намѣстника отошелъ отъ дебаркадера, долго сопровождаемый еще не смолкаемыми криками и добрыми, сердечными напутствіями. Вслѣдъ за Намѣстникомъ на другой день стали разъѣзжаться и гости, унося съ собою глубокую признательность за радушіе и го-

степріимство хозяевъ—войскъ Карсскаго гарнизона, коменданта крѣпости генерала Червинова и его супруги.

Какъ чудное видѣніе пронеслись передъ нами дни Карсскихъ торжествъ, поднимая духъ, заставляя сильнѣе биться русское сердце. Лучезарнымъ ореоломъ осѣняетъ нынѣ величественный памятникъ тихій, непробудный сонъ братскихъ могилъ и, какъ живая хартія минувшихъ временъ, незыблемо стоитъ на стражѣ нашихъ старыхъ кавказскихъ традицій... А у подножія его скромно пріютилась могила Несвѣтаева – старѣйшаго вождя карсскихъ героевъ. И мнится мнѣ, что этотъ представитель давно отжившихъ кавказскихъ бойцовъ говоритъ поколѣніямъ новымъ: „Идите къ побѣдамъ по нашимъ стопамъ, и помните, что только смерть сильнѣе человѣческаго духа“.

Великое значеніе будетъ имѣть за собою этотъ народный памятникъ, воздвигнутый на трудовыя копѣйки отзывчивыхъ русскихъ людей, умѣющихъ чтить дѣянія своихъ достославныхъ предковъ. Невольно при видѣ его воскресаютъ въ памяти поэтическія строфы:

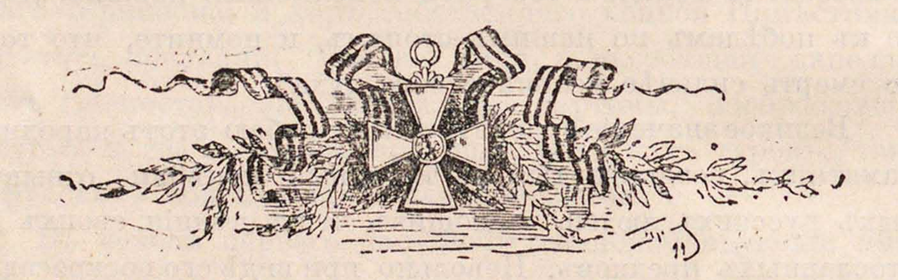
При штурмахъ Карса смерть витала!
Въ ущельяхъ горъ, среди снѣговъ,
Россія много потеряла
Храбрѣйшихъ, преданныхъ сыновъ.

Прошли года... Гдѣ много тысячъ
Героевъ падшихъ нынѣ спитъ,
Надъ ихъ безсмертною могилой
Прекрасный памятникъ стоитъ.

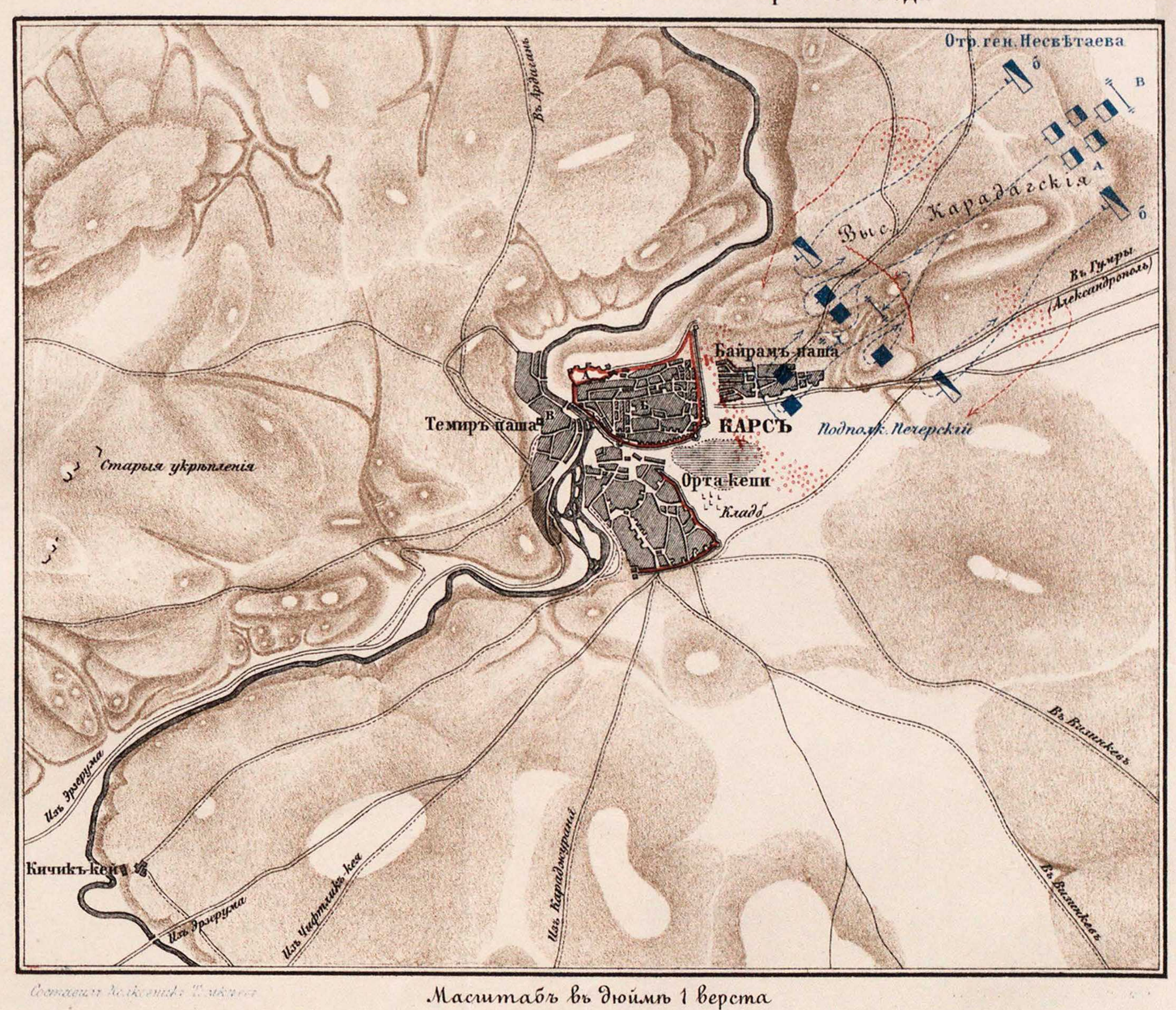
Пройдутъ вѣка, къ мѣстамъ священнымъ
Потомокъ поздній нашъ прійдетъ,
И тамъ, по надписямъ нетлѣннымъ,
Былого истину прочтетъ.

Пойметъ тогда, какая сила
Живетъ въ Руси, какой гранитъ!
И сколько каждая могила
Въ себѣ великаго хранитъ!

Потто.

ПЛАНЪ ШТУРМА КАРСА 25го Марта 1807 года.

Масштабъ въ дюймѣ 1 верста

саж. 500 — 250 — 0 — 1 — 2 вер.

Изъясненіе: а – 2 б. Саратовскаго мушкетерск. п., б. Кавказскаго (Грузинскаго) гренад. п., б. 15го Егерскаго п. и б. Троицкаго мушкетер. п.; б – Казачьи полки; в – 12 орудій 20й артиллер. бригады; д – 2 орудія той-же бригады.

А – Цитадель. Б – Крѣпость. В – Армянское предмѣстье.

Четыре Карскіе штурма.

I.

Штурмъ Карса 25-го марта 1807 года.

Въ день, когда мы готовимся къ торжественному открытію священнаго памятника, воздвигнутаго усердными приношеніями русскихъ людей надъ костями нашихъ героевъ, умѣстно будетъ воскресить въ памяти, хотя бы въ самыхъ краткихъ и скромныхъ чертахъ, картины четырехъ грозныхъ штурмовъ, изъ которыхъ каждый отличался своими особенностями, своими характерными чертами[1]).

Много политическихъ переворотовъ пришлось пережить Карсу въ теченіе своей долгой, свыше полутора-тысячной исторической жизни. Владѣли имъ и армяне и грузины; появлялись здѣсь римляне и монголы, велись изъ-за него кровопролитныя войны между Персіей и Турціей, пока послѣдняя не утвердила здѣсь окончательно своего владычества. Основаніе самаго города армянскіе историки относятъ къ IV вѣку христіанской эры, но нынѣшняя крѣпость построена только въ концѣ XVI вѣка султаномъ Муратомъ III, съ именемъ котораго связаны всѣ памятники военнаго могущества Турціи въ Азіи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись, понынѣ сохранившаяся надъ крѣпостными воротами.

„Царь царей Муратъ-ханъ,—говоритъ она,—передъ которымъ Самъ и Баграмъ[2]) низкіе рабы, повелѣлъ воздвиг-

---

[1]) Сообщеніе генералъ-лейтенанта Потто въ Карскомъ военномъ собраніи 5-го ноября 1910 года.

[2]) Персидскіе легендарные богатыри

нуть Карсъ. Войско предалось этому дѣлу всѣмъ сердцемъ и всею душою. Сардарь Чуляля-Мустафа-паша водрузилъ, какъ солнце, знамя надъ Карсомъ. Изъ норы въ нору попрятались кизильбаши[1]), и покинулъ свои развалины злополучный народъ. Праведная цѣль повелителя міра исполнилась и совершилась въ короткое время. Возведенъ Карсъ и исламъ обрѣлъ славу. 987 годъ гиджры",—что соотвѣтствуетъ нашему 1597 году.

Съ тѣхъ поръ до появленія русскихъ, въ теченіе трехъ вѣковъ, ни одно чужеземное знамя не проникало за его гигантскія стѣны. Даже знаменитый персидскій завоеватель Шахъ-Надиръ, послѣ четырехъ-мѣсячной безплодной осады, отступилъ отъ него безъ успѣха.

Такова была слава Карса, когда передъ нимъ, слишкомъ за сто лѣтъ до нашего времени, впервые появились русскіе. Это былъ небольшой отрядъ генералъ-маіора Несвѣтаева,—всего два баталіона Саратовскаго мушкетерскаго полка и по баталіону отъ Кавказскаго гренадерскаго, Троицкаго пѣхотнаго и 15-го Егерскаго полковъ, два слабые Донскіе казачьи полка и 6 орудій 20-й артиллерійской бригады.

Расчеты главнокомандующаго Отдѣльнымъ Грузинскимъ корпусомъ графа Гудовича на то, что Карсъ сдастся безъ боя, не оправдались, и генералъ Несвѣтаевъ на пути къ нему встрѣтилъ у сел. Башъ-Шурагеля довольно сильный турецкій отрядъ, (1000 человѣкъ) подъ начальствомъ Кара-бека, брата карсскаго коменданта Мамедъ-паши. Онъ послалъ сказать ему, что русскіе идутъ къ нимъ на помощь и просилъ очистить селеніе, но въ отвѣтъ на это Кара-бекъ встрѣтилъ наши войска сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Тогда Несвѣтаевъ, не теряя времени на дальнѣйшіе переговоры,

---

[1]) Персіяне.

двинулъ войска впередъ,— и селеніе взято было штурмомъ. Съ нашей стороны убитъ 20-й артиллерійской бригады поручикъ Поповъ и выбыло изъ строя 15 нижнихъ чиновъ, но за то весь турецкій отрядъ былъ почти уничтоженъ, благодаря успѣшному дѣйствію нашихъ орудій: 400 человѣкъ было убито, 400, засѣвшихъ въ укрѣпленной башнѣ, взяты въ плѣнъ вмѣстѣ съ двумя знаменами, и только около двухсотъ человѣкъ съ самимъ Кара-бекомъ бѣжали въ Карсъ, распространяя въ немъ страхъ и смятеніе. По ихъ слѣдамъ двинулся и отрядъ генерала Несвѣтаева.

Внѣшнихъ укрѣпленій въ то время въ Карсѣ не было; но городъ былъ обнесенъ гигантскими зубчатыми каменными стѣнами, за которыми стоялъ десяти тысячный гарнизонъ, а внутри города, за этими стѣнами, на высокомъ утесѣ, командовавшимъ всею окрестностью, воздвигнута была цитадель, унизанная въ три яруса пушками. Остальныя 60 орудій были размѣщены на самыхъ стѣнахъ и въ башняхъ карсской твердыни. Все это не смутило Несвѣтаева. Онъ подмѣтилъ, что слабою стороною Карса являлись три его предмѣстья, находившіяся за крѣпостными стѣнами и обнесенныя только земляными насыпями. Это были тѣ же, сохранившіеся до нашего времени форштадты—Байрамъ-паша, Орта-кепи и Армянскій кварталъ, черезъ которые легко можно было проникнуть въ городъ, не прибѣгая къ трудной эскаладѣ стѣнъ; генералъ Несвѣтаевъ на нихъ и остановилъ свое вниманіе. Произведя рекогносцировку, онъ донесъ графу Гудовичу, что „находитъ положеніе Карса еще не совсѣмъ неприступнымъ и такъ какъ карсскій паша отказался сдать крѣпость добровольно, то онъ возьметъ ее штурмомъ".

Донесеніе это сильно встревожило графа Гудовича. Онъ зналъ рѣшительный характеръ генерала Несвѣтаева, но зналъ также малочисленность его отряда, и, опасаясь неуда-

чи, тотчасъ послалъ ему категорическое предписаніе: „отнюдь не предпринимать ничего противъ Карса, дабы при такомъ рѣшительномъ дѣйствіи, каковъ есть штурмъ, не потерпѣть большой потери въ людяхъ“.

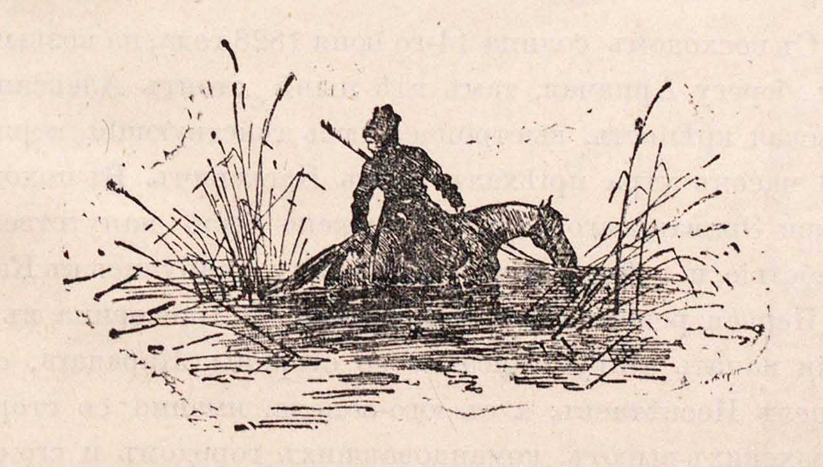
Но пока курьеръ скакалъ съ этимъ приказаніемъ, штурмъ уже начался. Въ самый день Благовѣщенія, 25-го марта 1807 г., два баталіона: одинъ — 15-го Егерскаго, другой — Кавказскаго гренадерскаго полковъ, подъ командою подполковника Печерскаго, сбили передовой турецкій отрядъ, занимавшій Карадагскія высоты и, на плечахъ его ворвавшись въ предмѣстье Байрамъ-паша, истребили весь его гарнизонъ, потерявшій одними убитыми до пятисотъ человѣкъ, при чемъ взято было съ боя одно полевое орудіе. Но и съ нашей стороны пали два офицера и съ ними 20 нижнихъ чиновъ, да одинъ офицеръ и 29 человѣкъ были ранены. Генералъ Несвѣтаевъ съ саратовскими мушкетерами и казаками спѣшилъ развить первый успѣхъ, какъ вдругъ въ это самое время получилось предписаніе графа Гудовича. Не зная настоящихъ цѣлей главнокомандующаго, Несвѣтаевъ повиновался. Онъ ударилъ отбой, вывелъ войска изъ предмѣстья и отошелъ къ Гумрамъ. Никто изъ карсскаго гарнизона его не преслѣдовалъ, и только карсскій комендантъ Мамедъ-паша прислалъ офицера потребовать возвращенія увезенной изъ Карса пушки. Генералъ Несвѣтаевъ отказалъ.

«Не считайте, ваше степенство, — отвѣчалъ онъ, — чтобы я не могъ взять вашего Карса. На сіе я только не имѣлъ повелѣнія. Я взялъ форштадтъ, но, получивъ приказаніе отступить, долженъ повиноваться. Пушка же, которую вы требуете, взята вооруженною рукою и возвращена быть не можетъ“.

Въ Гумрахъ, какъ уже извѣстно, отрядъ генерала Несвѣтаева былъ окруженъ 20-ти тысячною арміею эрзе-

румскаго сераскира, выдержалъ двухнедѣльную осаду, отбилъ три яростныхъ приступа и далъ графу Гудовичу время подоспѣть съ главными силами. Затѣмъ 18-го іюня 1807 года произошло памятное сраженіе на берегахъ пограничной тогда рѣки Арпачая, и турки, разбитые на голову, бѣжали за Соганлугскій хребетъ, самъ же сераскиръ Юсуфъ-паша всего съ двумя тысячами заперся въ Карской цитадели.

Казалось, что послѣ такого разгрома турецкой арміи намъ слѣдовало бы итти безостановочно и овладѣть Карсомъ, находившимся въ полной паникѣ. И Несвѣтаевъ горячо настаивалъ на этомъ. Но, къ сожалѣнію, графъ Гудовичъ создалъ себѣ новый призракъ опасности въ лицѣ персидскаго шаха, угрожавшаго ему съ тыла и цѣлые два мѣсяца простоялъ на Арпачаѣ въ совершенномъ бездѣйствіи. Тѣмъ временемъ обстоятельства уже измѣнились, заключено было перемиріе,—и Карсъ, какъ не занятый русскими войсками, остался въ рукахъ у турокъ. Такимъ образомъ, овладѣніе имъ отсрочено было ровно на 70 лѣтъ.

II.

Штурмъ Карса 23-го іюня 1828 года.

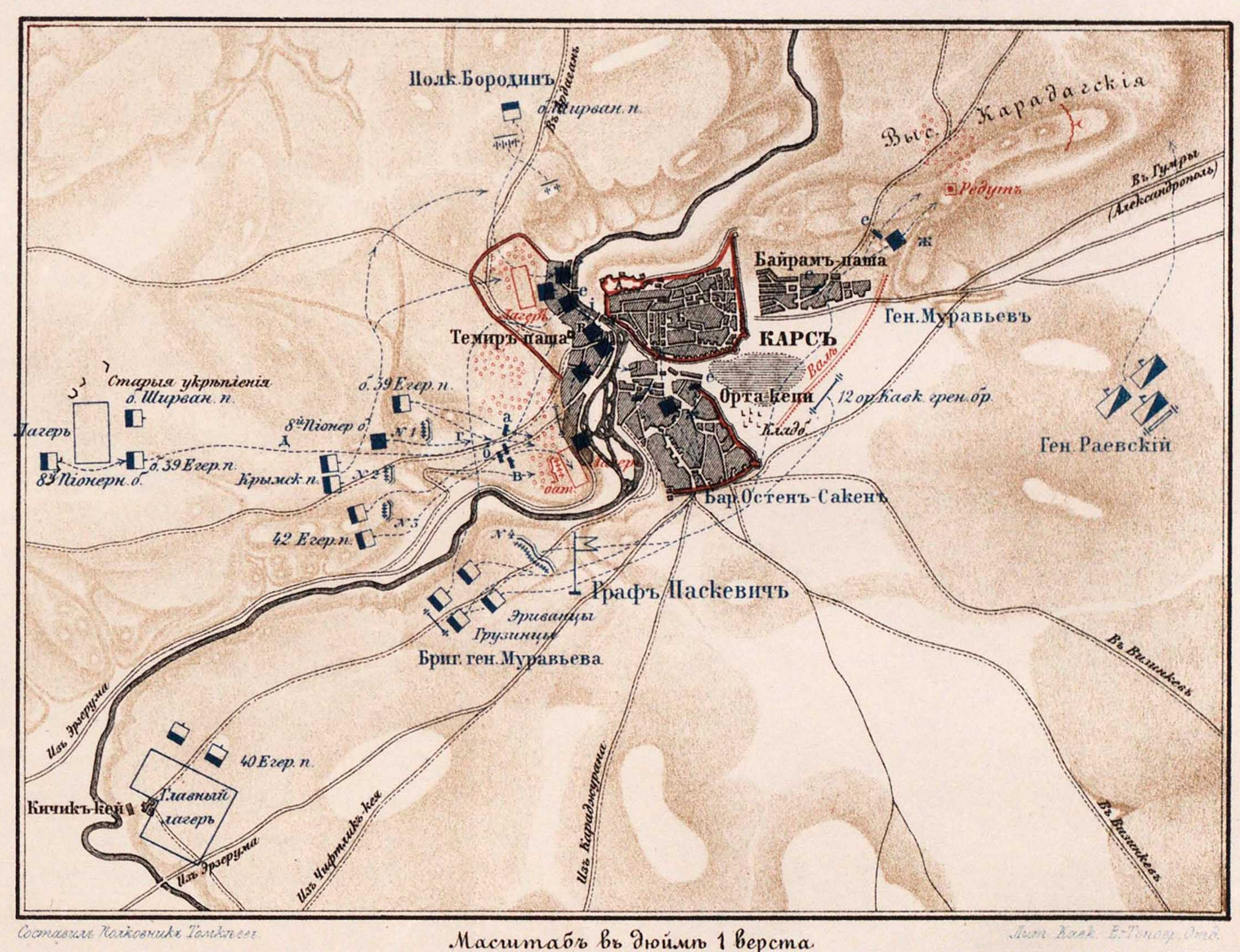
Прошло послѣ несвѣтаевскаго штурма 20 лѣтъ. Началась новая война, и въ 1828 году русскія войска, предводимыя графомъ Паскевичемъ, вторично явились передъ Карсомъ.

Боевыя средства, которыми располагалъ графъ Паскевичъ въ эту кампанію, были весьма незначительны. Изъ всѣхъ войскъ, расположенныхъ въ Закавказьѣ, главнокомандующій могъ выставить для военныхъ дѣйствій въ Турціи только 12-ть тысячъ, а остальныя частью оставались еще въ персидскихъ предѣлахъ до уплаты намъ контрибуціи, а частью поступили въ составъ отрядовъ, назначенныхъ для охраны нашей границы и для поддержанія внутренняго порядка въ ненадежныхъ мусульманскихъ провинціяхъ.

Съ восходомъ солнца 14-го іюня 1828 года, на возвышенномъ берегу Арпачая, тамъ гдѣ нынѣ стоитъ Александрапольская крѣпость, выстроился весь дѣйствующій корпусъ. Въ 8 часовъ утра пріѣхалъ графъ Паскевичъ. Въ походной церкви Эриванскаго полка отслужено было напутственное молебствіе, и войска, перейдя границу, двинулись къ Карсу.

Первая рекогносцировка утвердила Паскевича въ рѣшеніи начать атаку Карса не со стороны Карадага, откуда шелъ Несвѣтаевъ, а съ юго-запада, именно со стороны Шорахскихъ высотъ, командовавшихъ городомъ и его окрестностями. Высоты эти позволяли осаждающимъ прибли-

ПЛАНЪ ШТУРМА КАРСА 23го Іюня 1828 года.

Составилъ Полковникъ Томкѣевъ — Лит. Кавк. В.-Топогр. Отд.

Масштабъ въ дюймѣ 1 верста

саж. 500 — 250 — 0 — 1 — 2 вер.

Пѣхота: а – р. поручика Лабинцева, б – 3 роты подполковника Миклашевскаго, в – б. егерей полковн. Реута, д – резервъ кн. Вадбольскаго, е – баталіоны и роты Грузинскаго грен. п., ж – б. Эриванскаго карабинернаго п., з – б. Ширванскаго пѣх. п.

Артиллерія: Батареи: № 1 – 4 орудія легкой № 2й роты, №№ 2й и 3й – 8 орудій батарейной № 1й роты 20й артил. бриг.; № 4 – 12 орудій батарейныхъ № 1хъ ротъ Кавказской и 21й артиллер. бригадъ, і – 2 орудія легкой № 2й роты 20й артил. бригады.

зиться на самое короткое разстояніе къ крѣпости, а поставленныя здѣсь осадныя батареи могли анфилировать всѣ укрѣпленія Карса. Съ этой цѣлью дѣйствующій корпусъ, совершивъ фланговый маршъ мимо крѣпости, къ вечеру 19-го іюня занялъ позицію на правомъ берегу Карсъ-чая у Кичикъ-кея, нѣсколько южнѣе Карса. Такимъ образомъ, мы стали на сообщеніи крѣпости съ Эрзерумомъ и отрѣзали всякую помощь, которую эрзерумскій сераскиръ могъ оказать карсскому гарнизону.

Турецкая армія стояла въ то время еще за Соганлугскимъ хребтомъ, но главнокомандующій ея Кіосъ-Магометъ-паша, узнавъ о движеніи Паскевича, 18-го іюня выступилъ съ 20-ти тысячнымъ корпусомъ, извѣстивъ карсскаго коменданта, что будетъ на помощь къ нему черезъ нѣсколько дней: „Войска твои храбры,—писалъ онъ ему,—Карсъ неодолимъ, русскіе малочисленны. Мужайся и умѣй одушевить гарнизонъ, пока я прибуду“.

Такимъ образомъ положеніе Паскевича дѣлалось весьма затруднительнымъ. Передъ нимъ стояла сильная крѣпость, а сзади надвигалась изъ-за горъ турецкая армія. Времени терять было нельзя, и приходилось спѣшить съ развязкой, пока не подошелъ Кіосъ-Магометъ-паша.

Тѣхъ грозныхъ укрѣпленій, которыя впослѣдствіи возникли на Шорахскихъ и Чахмахскихъ высотахъ, опоясовавшихъ крѣпость по лѣвому берегу Карсъ-чая, тогда еще не было. Вся оборона Карса заключалась лишь въ его крѣпкихъ каменныхъ стѣнахъ, доходившихъ до 4-хъ саженъ высоты и фланкированныхъ множествомъ башенъ. Внутри крѣпости, въ сѣверо-западномъ углу ея, на высокой скалѣ возвышалась цитадель Нарынъ-кала, унизанная въ три яруса пушками. Подступы къ ней возможны только съ востока и юга, т. е. со стороны самого города, а съ сѣвера и запада она неприступна. Карсъ-чай, огибающій крѣпость съ сѣ-

вера и частью съ сѣверо-запада, протекаетъ здѣсь среди утесистыхъ скалъ, на глубинѣ болѣе чѣмъ 40 саженъ, и эта разсѣлина обрамляется почти отвѣсными берегами. Съ трехъ сторонъ попрежнему къ крѣпостной оградѣ примыкали три форштадта; но на этотъ разъ подступы къ Байрамъ-пашѣ, гдѣ нѣкогда побывалъ Несвѣтаевъ, обстрѣливались уже довольно сильнымъ редутомъ, поставленнымъ на вершинѣ Карадага; предмѣстье Орта-кепи было обнесено каменною стѣною съ двумя бастіонами и связывалось съ Байрамъ-пашею землянымъ валомъ. Далѣе, уже на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, лежало Армянское предмѣстье. Эти зарѣчныя жилища, разбросанныя по утесистымъ высотамъ, защищались отдѣльными каменными стѣнками съ бойницами. Древняя башня Темиръ - паша, возвышавшаяся надъ предмѣстьемъ и командовавшая самою крѣпостью, составляла главный опорный пунктъ зарѣчной позиціи турокъ. Передъ Армянскимъ предмѣстьемъ, на скатѣ скалистыхъ высотъ, стоялъ главный турецкій лагерь, и здѣсь же на полугорѣ находилось мусульманское кладбище, также занятое турками. Наконецъ, на сѣверѣ, Чахмахскія высоты были укрѣплены простыми каменными шанцами.

Несмотря на отсутствіе внѣшнихъ фортовъ, всѣ эти укрѣпленія въ ихъ общей связи, при тогдашнемъ состояніи ружейнаго и пушечнаго огня, представляли трудно одолимыя преграды,—и Карсъ, по справедливости, могъ считаться первоклассною крѣпостью.

Гарнизонъ его состоялъ изъ четырехъ тысячъ регулярныхъ войскъ, четырехъ тысячъ вооруженныхъ жителей и около трехъ тысячъ кавалеріи. Большая часть этого гарнизона занимала самую крѣпость, а остальныя войска стояли лагеремъ, на лѣвомъ берегу Карсъ-чая.

Рѣшивъ вести осаду со стороны Шораха, графъ Паскевичъ поручилъ двумъ офицерамъ 8-го Піонернаго бата-

ліона, подпоручику Богдановичу и прапорщику Пущину, извѣстнымъ своею отвагою и дѣятельностью, выбрать мѣста для осадныхъ батарей, и въ ночь съ 22-го на 23-е іюня піонеры, подъ прикрытіемъ егерской бригады генерала Берхмана, поставили четыре батареи. Три изъ нихъ, каждая на четыре батарейныя орудія, находились на лѣвомъ берегу Карсъ-чая, противъ турецкаго лагеря, а четвертая, главная, на 12 орудій и четыре мортиры—на правомъ берегу противъ Орта-кепи.

Войска были расположены слѣдующимъ образомъ:

На сѣверѣ, противъ каменныхъ шанцевъ, баталіонъ Ширванскаго полка съ 4 мя орудіями.

На западѣ, противъ Шорахскихъ высотъ, Крымскій пѣхотный и 42-й егерскій полки, оба двухъ-баталіоннаго состава, 8-й Піонерный *) и одинъ баталіонъ 39-го Егерскаго полка, подъ общимъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Вадбольскаго.

На югѣ, противъ Орта-кепи, по два баталіона отъ Эриванскаго карабинернаго и Грузинскаго гренадерскаго полковъ, подъ командою генералъ-маіора Муравьева.

Остальныя войска: два баталіона 40-го Егерскаго полка и по баталіону отъ полковъ Ширванскаго и 39-го Егерскаго оставлены въ прикрытіи лагеря и въ видѣ общаго резерва. Вся кавалерія, подъ начальствомъ генерала Раевскаго, демонстрировала противъ Карадага, отвлекая въ ту сторону вниманіе непріятеля.

Такимъ образомъ, въ передовой линіи у насъ находилось всего десять баталіоновъ пѣхоты, и этимъ то ничтожнымъ силамъ суждено было рѣшить участь Карса, защищаемаго 11-ти тысячнымъ гарнизономъ со множествомъ крѣпостныхъ орудій.

---

*) Нынѣ 1-й Кавказскій саперный баталіонъ

Это необычайное дѣло, занимающее совершенно особое мѣсто въ исторіи русскихъ подвиговъ, произошло слѣдующимъ образомъ. О штурмѣ никто не помышлялъ, никакихъ распоряженій къ нему сдѣлано не было, но случайная борьба, разгорѣвшаяся на небольшомъ пространствѣ, быстро приняла колоссальные размѣры, а иниціатива частныхъ начальниковъ, духъ войскъ и правила товарищеской выручки довершили остальное. Борьба превратилась въ штурмъ, и передъ горстью русскихъ солдатъ пала первоклассная крѣпость, видѣвшая много разъ грозныхъ завоевателей у стѣнъ своихъ, но никогда—въ стѣнахъ.

Едва съ зарею 23-го іюня осадныя батареи наши открыли огонь по крѣпости, какъ ничтожная перестрѣлка, завязавшаяся въ траншеяхъ передъ кладбищемъ съ нашими піонерами, вызвала стремительную атаку роты 39-го Егерскаго полка, стоявшей въ передовой цѣпи, подъ командой поручика Лабинцева. Она ворвалась на кладбище, но, встрѣченная тройными силами турокъ, была отброшена назадъ. Лабинцевъ повторилъ атаку. Видя опасное положеніе роты, князь Вадбольскій двинулъ на помощь къ ней еще три роты егерей 42-го полка съ подполковникомъ Миклашевскимъ и, такимъ образомъ, сраженіе разгорѣлось.

Турки защищались упорно. Не одинъ разъ могилы, надгробные камни и памятники переходили изъ рукъ въ руки, но, наконецъ, турки были выбиты съ кладбища, и егеря по слѣдамъ ихъ бросились вверхъ по горѣ, на главный укрѣпленный лагерь. Это былъ шагъ чрезвычайно опасный, такъ какъ въ лагерѣ стояли главныя турецкія силы. Напрасно офицеры пытались остановить солдатъ. „Стойте, братцы! Остановитесь! кричали они.—Дальше не надо, это только такъ, фальшивая атака!“

„Никакъ нельзя, ваше благородіе,—отвѣчалъ на бѣгу одинъ изъ егерей,—мы знаемъ турку! Его пока по зубамъ

не треснешь, онъ никакъ этой фальшивой атаки понять не можетъ!“ Солдаты были страшно воодушевлены и ворвались въ лагерь.

Видя, что баталіонъ зарвался, князь Вадбольскій тотчасъ отправилъ къ нему другой баталіонъ 42-го Егерскаго полка съ полковникомъ Реутомъ. Но турки, вышедшіе изъ Армянскаго предмѣстья, быстро преградили ему путь, и на высокомъ утесѣ начался новый ожесточенный бой. Помощь къ Миклашевскому не могла поспѣть своевременно.

А въ лагерѣ между тѣмъ уже близилась страшная катастрофа. Съ перваго удара егеря захватили цѣлый рядъ палатокъ, пять знаменъ и два орудія, — первые трофеи, добытые въ этотъ памятный день русскою кровью. Но есть предѣлъ и нравственной силѣ. Одинъ баталіонъ схватился теперь съ большею частью карсскаго гарнизона,—и бой оказался не равнымъ. Была тяжелая минута, когда пошатнувшіяся роты были опрокинуты, и турки погнали ихъ къ кладбищу. Но тутъ случилось нѣчто необычайное, показавшее, однако же, все ту же, ничѣмъ непреоборимую мощь человѣческаго духа. Передъ бѣгущими вдругъ выросла величавая фигура священника Крымскаго полка, отца Андрея Бѣлицкаго. Онъ высоко поднялъ надъ головою крестъ и крикнулъ: „Православные воины! Вамъ ли бояться смерти за родину? Неужели вы оставите меня и крестъ Распятаго? Если не можете умереть—бѣгите! Я пойду одинъ, — и одинъ умру за всѣхъ васъ“!...

Въ шумѣ битвы не всѣ, конечно, слышали слова священника, но всѣ видѣли его вдохновенную фигуру, — и остановились. Миклашевскій и Лабинцевъ, воспользовавшись этой минутой, быстро привели солдатъ въ порядокъ, и снова ворвались въ лагерь...

Въ это время на главную орта-кепинскую батарею прискакалъ графъ Паскевичъ, встревоженный битвой, начавшей-

ся безъ его приказанія. Съ высотъ, гдѣ онъ остановился, видно было все, что дѣлалось за рѣкою: и массы нападавшихъ турокъ, и гибнувшій въ неравной схваткѣ баталіонъ Миклашевскаго, и отчаянный, сомнительный бой на скалахъ у Реута. Вырвать войска изъ боя было уже невозможно. Гренадеры просились итти на выручку товарищей, — и графъ Паскевичъ послалъ баталіонъ Грузинскаго полка.

Но гренадеры были еще далеко, когда Вадбольскій, замѣтивъ, что сраженіе принимаетъ серьезный оборотъ, не колеблясь двинулся въ бой съ послѣдними резервами. Въ то же время Реутъ, пробившись наконецъ сквозь непріятеля, соединился съ Миклашевскимъ. Войска дружнымъ ударомъ овладѣли лагеремъ и отсюда бросились въ Армянское предмѣстье. Башня Темиръ-паша взята была штурмомъ, и пушки ея обращены на Армянскій кварталъ, въ улицахъ котораго кипѣлъ кровавый бой.

Въ эту минуту вдругъ появился полковникъ Бородинъ съ ширванскимъ баталіономъ. Онъ стоялъ передъ Чахмахскими высотами, видѣлъ все, что происходило у Армянскаго предмѣстья и не сталъ ожидать ничьихъ приказаній. Онъ кинулся самъ на Чахмахъ, взялъ непріятельскіе шанцы, и черезъ нихъ ворвался въ Армянское предмѣстье съ сѣвера; туда же были двинуты два баталіона Крымскаго полка, а съ юга вступили грузинцы, посланные графомъ Паскевичемъ. Такимъ образомъ, занятіе лѣвобережныхъ высотъ, то, чего надѣялись достигнуть только послѣ продолжительнаго бомбардированія, осуществилось въ два—три часа времени. Непріятель укрылся за крѣпостными стѣнами, но генералъ Гиленшмидтъ, начальникъ артиллеріи, быстро подвелъ сюда четыре батарейныя орудія и съ близкаго разстоянія принялся громить цитадель и городъ.

Внезапный оборотъ сраженія, блистательные успѣхи князя Вадбольскаго — все вызывало къ дальнѣйшимъ предпріяті-

ямъ противъ Карса, и Паскевичъ рѣшилъ продолжать уже начавшійся штурмъ. Баталіонъ Эриванскаго карабинернаго и двѣ роты Грузинскаго гренадерскаго полковъ, подъ командой начальника корпуснаго штаба барона Остенъ-Сакена, овладѣли орта-кепинскимъ форштадтомъ, а генералъ Муравьевъ, съ другимъ эриванскимъ баталіономъ и двумя ротами грузинцевъ, занялъ Байрамъ-пашу и поднялся на Карадагъ, встрѣченный градомъ непріятельскихъ пуль и картечью изъ редута; но то были уже замиравшіе отголоски карсскаго штурма. Смѣлое наступленіе колонны Муравьева поразило турокъ, и грозный Карадагъ оставленъ былъ ими безъ боя.

Теперь наступила рѣшительная минута.

Единодушно, какъ по данному сигналу, войска, не видѣвшія даже другъ друга за дальнимъ разстояніемъ, разомъ, со всѣхъ сторонъ, устремились на крѣпость,—и скоро всѣ ея бастіоны и башни были уже въ нашихъ рукахъ. Гарнизонъ заперся въ цитадели.

Карсскій комендантъ Эминъ-паша, видя невозможность дальнѣйшаго сопротивленія, вступилъ въ переговоры. „Пощада повиннымъ, смерть непокорнымъ, часъ времени на размышленіе“,—вотъ ультиматумъ, посланный ему Паскевичемъ. И Карсъ сдался въ то время, когда спѣшившій на выручку крѣпости, Кіосъ-Магометъ-паша находился отъ него лишь въ одномъ переходѣ. Узнавъ о взятіи крѣпости, турецкій корпусъ отступилъ къ Ардагану.

Изъ числа взятыхъ въ Карсѣ трофеевъ, повелительный жезлъ коменданта и одно изъ знаменъ хранятся нынѣ въ Кавказскомъ военно-историческомъ музеѣ, привлекая къ себѣ посѣтителей, какъ нѣмые свидѣтели славнаго штурма.

„Взгляните, храбрые товарищи,—говорилъ Паскевичъ въ своемъ приказѣ по корпусу,—на тотъ утесъ, гдѣ нынѣ раз-

вѣвается знамя Имперіи. Вспомните о числѣ своемъ и вознесите теплую молитву за дарованную вамъ Господомъ знаменитую побѣду".

Штурмомъ Карса началась блистательная кампанія 1828—1829 годовъ, когда малочисленный корпусъ графа Паскевича покорилъ Ардаганъ, Ахалцихъ, Мушъ, Баязетъ, Эрзерумъ, проникъ далеко вглубь Анатоліи, и заключеніе мира застало его уже на пути къ Трапезонду. Покойный графъ Лорисъ-Меликовъ говорилъ не разъ: «Кампанія Паскевича—кампанія эпическая».

Казалось бы, что послѣ такихъ блестящихъ успѣховъ мы имѣли полное право расчитывать на то, что Карсъ останется за нами; на этомъ особенно настаивалъ Паскевичъ и еще 3-го іюня 1829 года указывалъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде на необходимость присоединенія къ намъ Карсскаго пашалыка, что навсегда обезпечило бы Россіи прочную черту по протяженію Соганлугскаго хребта. „Сама природа,—писалъ онъ,—указываетъ гдѣ должны остановиться наши пріобрѣтенія, и рано или поздно, но непремѣнно придется подвинуть границы до тѣхъ мѣстъ, которыя мною обозначены".

Но голосъ Паскевича былъ поистинѣ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Нессельроде отвѣчалъ ему весьма уклончиво. „Какъ ни блестящи наши успѣхи въ настоящую войну,—писалъ онъ,—но при всемъ томъ дѣла наши съ Турціей составляютъ звено въ общей системѣ европейской политики, а потому нельзя сказать съ увѣренностью, какую черту позволятъ обстоятельства положить границей между нами и Турціей". Онъ даже не счелъ нужнымъ сообщить депешу Паскевича графу Дибичу, и бумага, написанная 3-го іюня, была отправлена въ главную квартиру, гдѣ производились мирные переговоры, только 20-го августа. Гдѣ странствовала или покоилась этотъ важный государственный доку-

Графъ Паскевичъ-Эриванскій.

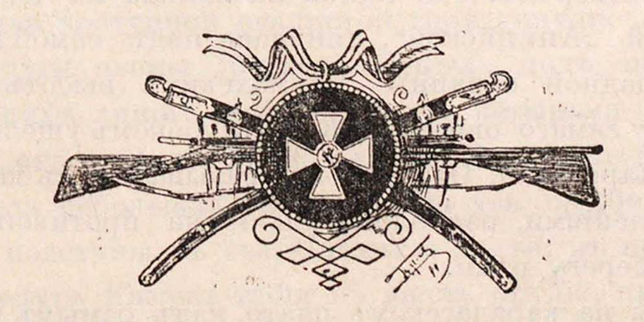
Подъ бронзовымъ барельефомъ надписи:

Пѣхота: полки: Эриванскій караб, Грузинскій грен., Крымскій и Ширванскій пѣхот.; Егерскіе: 39-й. 40-й и 42-й; 8-й піонер. бат. Артиллерія: Кавказская грен. артил бр.: батарейн. № 1-й и легк. № 2-й роты; 20-й артил. бр. батарейн. № 1-й и легк. № 2-й роты; 21-й артил. бриг. батарейн. № 1-й резервной № 5-й роты; Донскія казачьи: конная артиллерія № 3-й и конн. лин. № 5-й роты; осадный паркъ. Кавалерія: полки: Нижегородскій драг., Сводный Улан.; Донскіе казачьи: Карпова 2-го, Иловайскаго, Измайлова, Леонова, Сергѣева и Побѣднова; Сборный лин. казач., 4-й Черноморскій конн.; Татарское ополченіе.

Потери: офицеровъ убито 1, ран. 16; нижн. чин. убито 46, ранено 263. Трофеи: морт. и гаубицъ 22, пушекъ и единор. 129 и 33 знамени.

ментъ въ теченіе почти трехъ мѣсяцевъ, такъ и осталось невыясненнымъ. Дибичъ получилъ его, когда мирный трактатъ уже былъ подписанъ и ломать его не приходилось. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что европейскія державы, настаивая при заключеніи мира на цѣлости турецкихъ владѣній въ Европѣ, не препятствовали расширенію нашихъ границъ на ея азіятской территоріи. Императоръ Николай І-ый сдѣлалъ попытку склонить турецкое правительство къ тому, чтобы часть денежной контрибуціи замѣнить новыми территоріальными уступками въ Азіи. „Карсъ и Батумъ,—писалъ императоръ графу Дибичу,—стоятъ того, чтобы за нихъ пожертвовать нѣсколькими милліонами". Но турки благоразумно уклонились отъ подобной сдѣлки, и Карсъ остался за ними.

Паскевичъ съ замѣчательной проницательностью писалъ тогда графу Нессельроде: „Остается только пожелать, чтобы намъ въ будущемъ не пришлось раскаиваться въ сдачѣ сильнаго Карса". И слова его дѣйствительно оправдались, когда кровавыя событія 1855 и 1877 годовъ, стоившія русскимъ войскамъ столькихъ тысячъ человѣческихъ жизней, не разъ напоминали намъ о роковыхъ ошибкахъ нашей дипломатіи.

III.

Штурмъ Карса 17-го сентября 1855 года.

Минуло опять двадцать пять лѣтъ, и предвидѣнія графа Паскевича оправдались. Началась Восточная война, и въ 1855 году русскія войска, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Муравьева, въ третій разъ являются передъ Карсомъ. Но Карсъ былъ уже не тотъ, какимъ его видѣлъ Паскевичъ. Наученные уроками прошлаго, турки воспользовались услугами англійскихъ инженеровъ и сильно укрѣпили городъ, включивъ Шорахскія, Чахмахскія и Карадагскія высоты въ общую черту крѣпостной обороны. Такимъ образомъ, составилась почти сплошная цѣпь передовыхъ укрѣпленій, опоясавшихъ Карсъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

На сѣверѣ, на Чахмахскихъ высотахъ, вмѣсто каменныхъ шанцевъ, стояли: фортъ Вели-паша (Лекъ), довольно солидной постройки и командовавшій окружающей мѣстностью; далѣе три замкнутыя съ горжи люнета и нѣсколько батарей (Инглисъ-табія), соединенныя между собою непрерывнымъ брустверомъ. Эта линія, названная въ честь своихъ строителей „Англійской", тянулась надъ самой крѣпостью вдоль западной окраины Чахмахскихъ высотъ и оканчивалась у самаго оврага, гдѣ въ глубокомъ ущельѣ быстро несется Карсъ-чай. Отсюда она связывалась съ карадагскими укрѣпленіями, расположенными на противоположномъ правомъ берегу рѣки.

Здѣсь, на карадагскомъ плато, надъ самымъ ущельемъ, противъ праваго фланга „Англійской линіи" воздвигнутъ

былъ фортъ Арабъ-табія, а къ югу отъ него, на командующей высотѣ—сильный редутъ Карадагъ, прикрытый съ горжи башней Зіаретъ. Оба эти форта соединены были глубокою траншеею.

Карадагскія укрѣпленія въ свою очередь связывались съ укрѣпленіями, воздвигнутыми на равнинѣ, растилавшейся противъ южной части Карса, гдѣ находился главный турецкій лагерь.

Вся эта равнинная часть была прикрыта на лѣвомъ флангѣ значительнымъ сомкнутымъ фортомъ Хафисъ-паша, вооруженнымъ артиллеріею большого калибра. Далѣе, въ центрѣ, стояли Канлы и, наконецъ, почти у самаго Карсъ-чая—Сувари. Между тремя означенными укрѣпленіями тянулся непрерывный высокій земляной валъ, усиленный нѣсколькими небольшими редутами и батареями. Наконецъ, у самаго предмѣстья Орта-кепи возведены были четыре люнета, болѣе сильные чѣмъ при Паскевичѣ и соединенные между собою валомъ. На лѣвомъ берегу рѣки, у Армянскаго предмѣстья, возвышался фортъ Чимъ-табія, прикрывавшій переправу на эрзерумской дорогѣ.

Но самыя сильныя укрѣпленія находились на Шорахскихъ высотахъ, въ 1800 шагахъ отъ «Англійской линіи». Гребень ихъ тянется параллельно теченію р. Карсъ-чая и состоитъ изъ ряда высотъ, спускающихся къ западу крутыми каменистыми обрывами. На правомъ флангѣ ихъ, на едва доступной скалистой горѣ, тянулись, въ видѣ вогнутой дуги, окопы (ретраншементы), подъ названіемъ „Ренисонскихъ линій", вооруженныхъ четырьмя орудіями; къ сѣверу отъ этой линіи, на утесистой продолговатой вершинѣ, стояла небольшая батарейка на два орудія, обстрѣливавшая подступы къ сел. Чахмахъ; далѣе, въ центрѣ, находился редутъ Юксекъ-табія на шесть орудій, прикрытый еще двумя небольшими батарейками Ярымъ-ай и Гюрджи-

табія; наконецъ, въ 700 шагахъ отъ центральнаго редута на южной высотѣ эту линію замыкалъ сильный редутъ Тохмасъ, имѣвшій по обѣ стороны двѣ линіи ретраншементовъ; этотъ участокъ обороны имѣлъ на вооруженіи 11 орудій, изъ коихъ шесть находились въ самомъ Тохмасѣ. Нельзя не замѣтить, что оба послѣдніе редута, стоившіе намъ впослѣдствіи столько крови и жертвъ, возникли уже на нашихъ глазахъ въ то время, когда мы блокировали Карсъ. Надо добавить, что за Тохмасъ-табіей и за „Ренисонскими линіями" стояли турецкіе лагери.

Во всѣхъ этихъ укрѣпленіяхъ и за стѣнами Карса сосредоточенъ былъ 20-ти тысячный гарнизонъ, подъ начальствомъ мушира Вассифъ-паши. Но онъ былъ только номинальнымъ начальникомъ. Вся власть сосредоточивалась въ рукахъ англійскаго генерала Вильямса и его штаба, стараніями которыхъ крѣпость была обезпечена продовольственными запасами на четыре мѣсяца. Оборона Шорахскихъ высотъ была ввѣрена венгерскому генералу Кмети[1]), подъ начальствомъ котораго находилось 6000 человѣкъ изъ самыхъ отборныхъ частей всего карсскаго гарнизона.

Послѣ блестящихъ побѣдъ, одержанныхъ нами въ кампаніи 1853 и 1854 г.г. при Башкадыклярѣ, Кюрюкъ-дара и Чолокѣ, главнокомандующій генералъ-адъютантъ Муравьевъ полагалъ, что турки не рискнутъ уже выйти въ поле, и потому рѣшилъ нанести имъ послѣдній ударъ въ самомъ ихъ убѣжищѣ—въ Карсѣ. Военныя дѣйствія открылись въ концѣ мая 1855 года. Главныя силы дѣйствующаго корпуса ($24\frac{1}{2}$ тыс. и 76 орудій), подъ личнымъ начальствомъ генералъ-адъютанта Муравьева, выступивъ изъ Алексан-

[1]) Венгерскій эмигрантъ, находившійся въ турецкой службѣ, подъ именемъ Измаилъ-паша.

драполя, къ 3-му іюня заняли позицію у Заима, въ 18-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Карса. Муравьевъ не рѣшался однако штурмовать грозные форты и предпочелъ блокаду. Съ этою цѣлью онъ съ главными силами совершилъ фланговый маршъ и, перейдя на лѣвую сторону Карсъ-чая, сталъ на эрзерумской дорогѣ, у сел. Бол. Тикма. Этимъ передвиженіемъ отрѣзаны были всѣ главные пути изъ Карса въ Эрзерумъ.

Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ наши войска заняли на правомъ флангѣ—Ардаганъ, на лѣвомъ—Баязетъ и Алашкертъ; совершили двѣ экспедиціи за Соганлугскій хребетъ и истребили всѣ продовольственные запасы турокъ. Обезпечивъ, такимъ образомъ, свои фланги и тылъ, Муравьевъ 1-го августа перешелъ на новую стоянку къ сел. Чифтликъ-кею (въ 8-ми верстахъ отъ крѣпости) и предпринялъ строгую блокаду Карса.

Но блокада эта не приводила насъ однако ни къ какимъ ощутительнымъ результатамъ, а между тѣмъ наступила осень; 27-го августа палъ Севастополь; Омеръ-паша съ 50-ти тысячной арміей высадился въ Сухумъ-кале и угрожалъ Тифлису. Съ Карсомъ, привязывавшимъ насъ къ одному извѣстному пункту, надо было покончить во что бы то ни стало, и Муравьевъ рѣшился, наконецъ, на штурмъ.

Ключемъ всей турецкой позиціи онъ считалъ Шорахскія высоты и на нихъ направилъ три главныя штурмовыя колонны:

Первая,—генерала Ковалевскаго, три баталіона Виленскаго и два Бѣлевскаго полковъ должна была взять «Ренисонскія линіи».

Вторая,—князя Гагарина, три баталіона Тульскаго и баталіонъ Рязанскаго полковъ—Юксекъ-табію.

Третья,—генерала Майделя,—11 баталіоновъ отъ полковъ Эриванскаго, Грузинскаго, Мингрельскаго и Ряжска-

го, а вмѣстѣ съ ними кавказскіе стрѣлки и саперы шли на Тохмасъ-табію.

Четвертая и *пятая* колонны были вспомогательныя. Генералы Базинъ и Баклановъ должны были овладѣть Чах махскими высотами, а графъ Нироdъ—демонстрировать со стороны равнины противъ южныхъ укрѣпленій. Кавалерія и артиллерія распредѣлены были по всѣмъ колоннамъ.

Ровно въ три часа утра 17-го сентября 1855 года раздался первый пушечный выстрѣлъ съ Тохмаса, и Карсъ разомъ, отъ одного конца до другого, опоясался огненною линіею.

Штурмъ начала колонна генерала Ковалевскаго; въ первой линіи наступали виленскіе, во второй бѣлевскіе баталіоны. Взбираясь на крутую скалистую гору, они скоро вошли въ сферу сильнаго штуцернаго огня, и ряды быстро начали таять. Солдаты и офицеры валились, поражаемые непріятельскими пулями, но на убитыхъ и раненыхъ никто не обращалъ вниманія. Колонна дошла до самаго рва „Ренисонскихъ линій", и когда издали сквозь дымъ и сумракъ едва начинавшагося дня можно было различать уже брустверъ, увѣнчанный огненнымъ гребнемъ,—вдругъ грянулъ страшный пушечный залпъ. Картечь завизжала, запрыгала въ нашихъ рядахъ, и весь этотъ гулъ, свистъ и трескъ слились въ одинъ адскій концертъ, производившій на душу потрясающее дѣйствіе. Солдаты валились уже не по одиночкѣ, а цѣлыми кучами другъ на друга. Вторая линія смѣшалась съ первою; крики «ура» смолкли. Генералъ Ковалевскій и командиръ Виленскаго полка полковникъ Шлякевичъ, подъ которыми были убиты лошади, желая ободрить людей, пѣшкомъ, съ обнаженными шашками первыми кинулись въ ровъ,—и оба были убиты. Въ эти роковыя минуты бѣлевцы, находившіеся сзади, открыли стрѣльбу, и это окончательно погубило дѣло. Виленцы, попавъ между

двухъ огней, бросились на земь, залегли за камнями и открыли также частый огонь.

„Тогда,—говоритъ генералъ Кмети,—находившійся съ турецкими войсками на «Ренисонскихъ линіяхъ»,—я вздохнулъ свободно. Часть, открывшая стрѣльбу во время штурма, уже неспособна къ дѣйствіямъ. Долго еще русскіе, разстрѣливаемые почти въ упоръ, держались подъ нашимъ огнемъ, но, наконецъ, осыпаемые гранатами, картечью и пулями, не выдержали, смѣшались въ одну толпу и побѣжали съ горы, устилая весь скатъ ея своими тѣлами“.

Чтобы отвлечь огонь непріятеля отъ нашей пѣхоты и дать ей время снова устроиться, слѣдовавшая за этою колонной команда конныхъ охотниковъ изъ 80-ти нижегородскихъ драгунъ и 75-ти казаковъ, подъ командой есаула Кульгачева, смѣло кинулась въ интервалъ между укрѣпленіями, чтобы проникнуть въ турецкій лагерь, но тутъ оказался широкій ровъ, перескочить черезъ который было невозможно. Тогда охотники приняли вправо и очутились подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ двухъ промежуточныхъ флешей. Напрасно они пытались отсюда прорваться къ лагерю. Здѣсь былъ новый ровъ, а за нимъ стоялъ баталіонъ арабистанцевъ, встрѣтившій ихъ убійственнымъ залпомъ. Въ одну минуту часть офицеровъ и нижнихъ чиновъ была перебита, а остальные, лишившись въ большинствѣ своихъ лошадей, укрылись подъ скалою и стали выжидать, что предприметъ пѣхота. Но пѣхота предпринимать уже ничего не могла. Сдѣлать болѣе того, что сдѣлали въ этотъ день виленцы и бѣлевцы, было не въ человѣческихъ силахъ. Видя, что помощи нѣтъ, они прекратили безполезный огонь и, молча, подъ завѣсой густого дыма, начали отступать, буквально, какъ говоритъ Кмети, устилая своими тѣлами скаты горы. Охотники спустились послѣдними и вынесли съ собою знамя Бѣлевскаго полка,

найденное ими на полѣ сраженія. Оно лежало на грудѣ тѣлъ, очевидно брошенное, потому что защищать его уже было некому.

Та же участь постигла и колонну генерала Гагарина. Она ворвалась на батарею Ярымъ-ай; но едва кинулась на Юксекъ-табію, какъ картечь отбросила ее назадъ и заставила снова укрыться за батареей. Тогда турки сами перешли въ наступленіе. Въ это время князь Гагаринъ получилъ двѣ тяжелыя раны, большая часть офицеровъ выбыла изъ строя, и солдаты, оставшіеся безъ начальниковъ, не могли удержаться на батареѣ. Колонна Гагарина была сброшена внизъ съ огромною потерею.

Все дѣло продолжалось не болѣе получаса, но въ эти полчаса двѣ колонны Ковалевскаго и князя Гагарина, ($4^1/_2$ тыс. штыковъ) понесли такое пораженіе, что слабые остатки ихъ едва собрались наконецъ за чертою выстрѣловъ, гдѣ стояла наша кавалерія. Полковникъ Нижегородскаго драгунскаго полка Шульцъ, какъ старѣйшій, принялъ надъ ними начальство.

—„Господинъ штабсъ-капитанъ! Поставьте вашу роту въ порядокъ,“ —обратился онъ къ одному изъ офицеровъ, окруженному кучкой солдатъ.

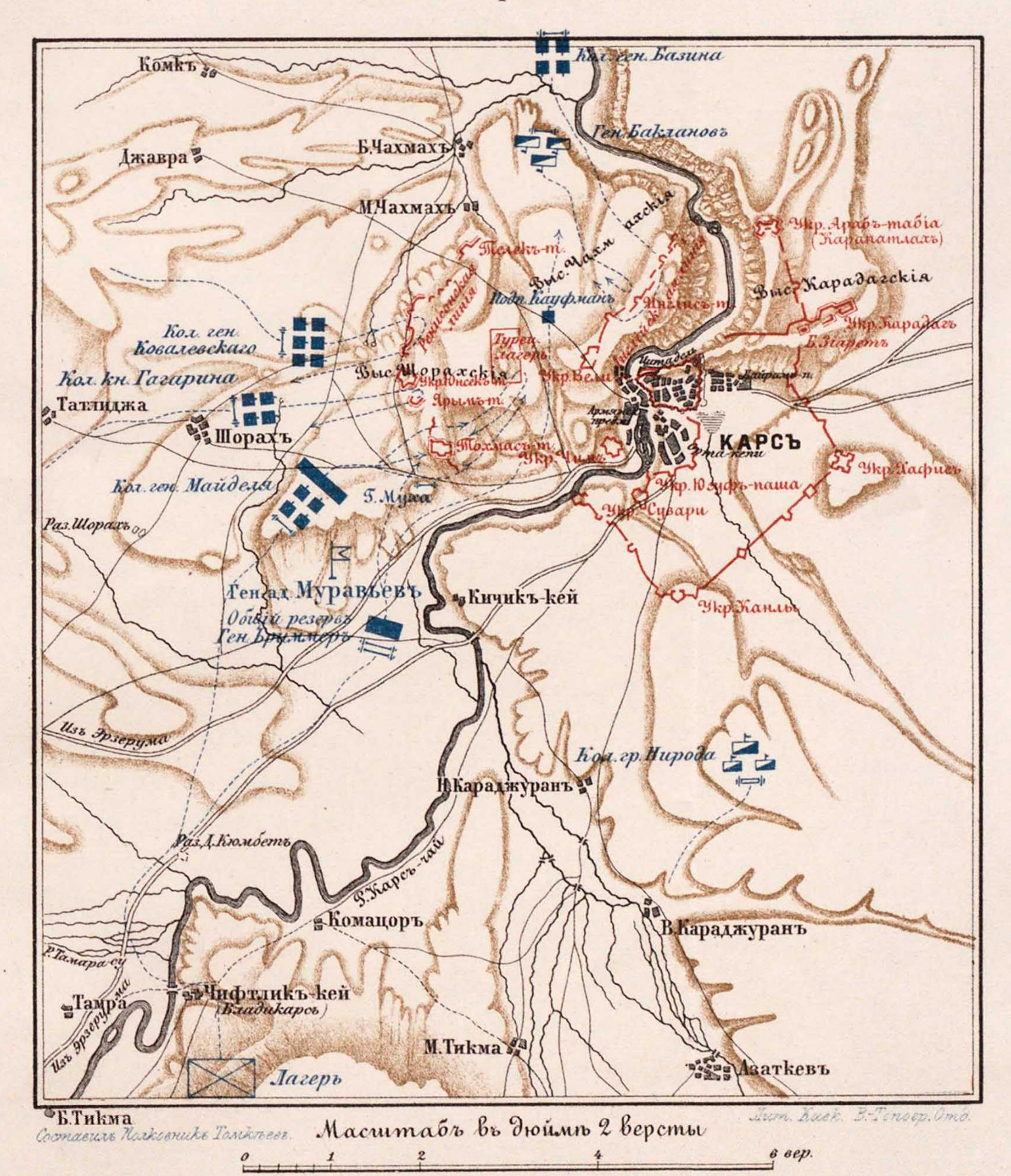
—„Развѣ, полковникъ, не видите знаменъ--отвѣтилъ офицеръ,—это не рота, а Виленскій полкъ“. Дѣйствительно изъ 9-ти баталіоновъ, участвовавшихъ въ штурмѣ, вернулось назадъ только около семисотъ человѣкъ[1]), съ которыми предпринять что нибудь было невозможно. Ихъ расчитали въ одинъ баталіонъ и отвели обратно въ лагерь. Теперь обратимся къ колоннѣ генерала Майделя.

Отборныя кавказскія войска были подъ начальствомъ этого генерала. Несмотря на страшный грохотъ крѣпостныхъ

---

1) 300 человѣкъ Бѣлевскаго, 250—Виленскаго и 150 Тульскаго полковъ.

ПЛАНЪ
ШТУРМА КАРСА
17го Сентября 1855 года.

орудій, три баталіона эриванцевъ и два Мингрельскаго полка, наступавшіе въ первой линіи, подошли къ Тохмасъ-табіи и безъ фашинъ и лѣстницъ, заваливая рвы тѣлами своихъ товарищей, ворвались въ ретраншементы, тянувшіеся по обѣ стороны редута. Отсюда эриванцы кинулись на укрѣпленный лагерь, находившійся въ тылу Тохмасъ-табіи. Кавалерія, сотня донскихъ и двѣ сотни линейныхъ казаковъ, имѣя во главѣ конную дворянскую дружину, пронеслась еще дальше и, опередивъ эриванцевъ, ворвалась въ другой турецкій лагерь. Уже казацкое знамя развѣвалось надъ палаткой генерала Кмети, уже турки дрогнули на валахъ Тохмаса,—какъ вдругъ первые лучи восходившаго солнца озарили передъ нами страшную картину гибели колоннъ Гагарина и Ковалевскаго. Нѣсколько тысячъ труповъ, наваленныхъ цѣлыми грудами по скату Шорахскихъ высотъ,—обозначали путь, по которому прошли эти колонны. Теперь передъ правымъ флангомъ и центромъ непріятельской линіи русскихъ уже не было—и всѣ силы турокъ устремились на колонну Майделя. Мы вынуждены были покинуть захваченный лагерь,—и бой сосредоточился у самого Тохмаса.

Начались жестокіе штурмы. Но всѣ усилія эриванскихъ и мингрельскихъ баталіоновъ проникнуть внутрь замкнутаго съ горжи укрѣпленія оставались тщетными. Командиръ Мингрельскаго полка полковникъ Серебряковъ былъ израненъ, генералъ Майдель, лично водившій эриванцевъ, получилъ рану пулею въ грудь на вылетъ и замертво былъ вынесенъ изъ боя. Тогда оставшійся старшимъ, командиръ Грузинскаго гренадерскаго полка полковникъ князь Тарханъ-Моуравовъ, выдвинулъ изъ резерва два баталіона своихъ гренадеръ, и самъ повелъ ихъ на приступъ. Сильный штуцерный огонь не остановилъ грузинцевъ. Пуля выбила изъ копья знамени геор-

гіевскій крестъ, другая—сбила самое копье, картечь перебила древко, но старый знаменщикъ связалъ его кое-какъ на ходу и снова понесъ передъ баталіономъ. Съ геройскимъ одушевленіемъ шли гренадеры за своимъ отважнымъ начальникомъ, но въ короткое время почти всѣ офицеры выбыли изъ строя, и двѣ атаки, повторенныя одна за другою, были отбиты. Тогда кн. Тарханъ-Моуравовъ выдвинулъ два остальные баталіона своего полка, вызвалъ впередъ всѣхъ четырехъ знаменщиковъ, самъ сталъ впереди ихъ и въ третій разъ пошелъ на Тохмасъ-табію. Всѣ четыре знаменщика были убиты, но изъ фронта выбѣгали новые люди, поднимали знамена и несли ихъ впередъ. На этотъ разъ баталіоны прорвались сквозь адскій огонь штуцеровъ, дошли до самаго рва, но, встрѣченные картечью, заколебались. Не теряя минуты, князь Тарханъ-Моуравовъ схватилъ знамя 3-го баталіона и, бросивъ его въ ровъ, крикнулъ: „Ребята, за мною!“ Весь полкъ устремился за знаменемъ, взобрался наконецъ на валъ, и пошла штыковая работа. Но никакія усилія не могли вырвать побѣду у непріятеля: противъ каждаго гренадера сражалось по десяти турокъ—и баталіоны были отбиты. Брошенное знамя поднято на возвратномъ пути, но возлѣ него одинъ за другимъ были убиты четыре знаменщика, и только пятому суждено было вынести его изъ боя.

Гренадеры отошли отъ редута. Ихъ тотчасъ же смѣнили два баталіона ряжцевъ, къ которымъ примкнули Кавказскіе стрѣлки и саперы. Полковникъ Ганецкій, съ распущеннымъ знаменемъ въ рукахъ, кинулся на валъ, но упалъ, сраженный картечью,—и баталіоны его постигла та же участь, что и гренадеръ. Послѣдовательно принимали затѣмъ начальство командиръ Кавказскаго стрѣлковаго баталіона полковникъ Лузановъ и командиръ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады полковникъ Моска

левъ,—и оба были убиты. Такимъ образомъ, вся колонна Майделя была введена уже въ дѣло и разстроена огромными потерями.

Въ эту минуту подошли четыре свѣжіе баталіона, высланные изъ главнаго резерва, подъ начальствомъ генерала Броневскаго, которому приказано было принять начальство надъ всѣми войсками, находившимися на шорахскихъ горахъ. Но едва Броневскій вошелъ въ сферу огня, какъ штуцерная пуля раздробила ему плечо, и руку пришлось ампутировать.

Вскорѣ послѣ этого къ Тохмасу прибылъ самъ корпусный командиръ генералъ Бриммеръ и, убѣдившись лично въ безполезности дальнѣйшаго штурма, приказалъ отступать.

На одномъ только Чахмахѣ дѣла шли успѣшно. Генералы Базинъ и Баклановъ съ тремя баталіонами—два Бѣлостокскаго полка и одинъ Грузинскаго гренадерскаго (резервный)—взяли всѣ чахмахскіе люнеты съ батареями и прочно въ нихъ утвердились. Теперь передъ ними стоялъ только грозный фортъ Вели-паша, преграждавшій имъ дальнѣйшій путь на Шорахъ, но итти на него съ двумя баталіонами было бы безразсудно. Генералъ Баклановъ ждалъ подкрѣпленій.

Теперь скажу, какъ очевидецъ, что происходило въ колоннѣ графа Нирода. Колонна наша, состоявшая изъ трехъ баталіоновъ пѣхоты, два Тульскаго и одинъ Рязанскаго полковъ, изъ 8-ми эскадроновъ Новороссійскаго драгунскаго полка съ конной казачьей батареей и 12-ью орудіями пѣшей артиллеріи, двинулась къ нижнимъ фортамъ, когда было еще совершенно темно, и Карсъ, закутанный мракомъ, казался погруженнымъ въ глубокій сонъ; мы остановились недалеко отъ большой деревни Верхній Караджуранъ и стали ожидать разсвѣта. Пробило уже два часа, когда надъ

нашими головами раздался барабанный бой и звуки пѣхотныхъ рожковъ. Въ Карсѣ, по обыкновенію, играли утреннюю зорю, но никакого движенія замѣтно въ немъ не было.

Прошло еще съ полчаса, какъ вдругъ съ Тохмаса разомъ грянули три пушечные выстрѣла,—условный сигналъ тревоги—и страшная канонада, быстро распространяясь по Шорахскимъ и Чахмахскимъ высотамъ, охватила весь Карсъ широкимъ полукружіемъ. Штурмъ очевидно начался; пѣхота наша тотчасъ стала въ ружье, драгуны сѣли на коней, и графъ Households выдвинулъ впередъ артиллерію. Противъ насъ гремѣли батареи съ Карадага и съ укрѣпленій нижняго лагеря; 18-ть нашихъ орудій отвѣчали имъ. Кругомъ насъ рвались гранаты, падали ядра, и гулъ канонады слился въ одинъ оглушающій адскій концертъ. Было ясно, однако, что на этомъ пунктѣ все дѣло кончится одной канонадой, а потому мы опять сошли съ лошадей; графъ Нироде сѣлъ на камень и молча началъ смотрѣть на Шорахъ. А на Шорахѣ, закутанномъ багровымъ дымомъ, смѣшавшимся съ густымъ предразсвѣтнымъ туманомъ,—ничего не было видно; только страшная канонада гремитъ, не умолкая, унося съ собою сотни человѣческихъ жизней. Сильно бьется сердце за судьбу товарищей, кровь приливаетъ въ голову —и вдругъ пушечная пальба на всемъ правомъ флангѣ и центрѣ Шорахскихъ высотъ, точно по сигналу, оборвалась разомъ. Что это: побѣда или пораженіе? Всѣ взоры устремились въ ту сторону. Но вотъ къ намъ скачетъ казачій офицеръ и, спрыгнувъ съ коня, блѣдный какъ полотно, докладываетъ графу Нироду о смерти Ковалевскаго, о томъ, что колонны его и Гагарина буквально уничтожены, и что бой на Тохмасъ-табіи не обѣщаетъ успѣха. Какъ разъ въ эту минуту замолчали пушки и на Чахмахскихъ высотахъ. Неужели и тамъ неудача? Графъ Ниродъ приказалъ мнѣ тотчасъ ѣхать къ Бакланову и узнать, что у него про-

исходитъ. Перебравшись на лѣвый берегъ Карсъ-чая, я обогнулъ Шорахскія высоты, видѣлъ кровавую рѣзню у Тохмасъ-табіи и, проскакавъ на Чахмахъ, нашелъ Бакланова во взятыхъ имъ люнетахъ.

„Передай Нироду,—сказалъ онъ,—что видишь. Я взялъ все, что было назначено мнѣ по диспозиціи. Теперь надо бы взять Вели-табію, но съ двумя баталіонами сдѣлать этого нельзя. Я послалъ просить подкрѣпленія. Подожди отвѣта“. Помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

—„Скажи также Нироду, что я передъ самымъ штурмомъ опять былъ у Муравьева. Я убѣждалъ его отказаться отъ взятія Шораха, гдѣ намъ не удастся занять ни одного уголка. Я сказалъ ему, что знаю Шорахъ не по его картамъ и планамъ, а по личнымъ своимъ наблюденіямъ. Ни одинъ разъ въ темныя ночи я подъѣзжалъ къ турецкимъ укрѣпленіямъ, видѣлъ, что всѣ онѣ замкнуты съ горжи, видѣлъ глубину рвовъ и непреоборимую силу ихъ съ фронта. Если штурмъ необходимъ, то его нужно вести со стороны Чахмахскихъ высотъ; онѣ болѣе доступны и могутъ быть взяты съ меньшею потерею. Овладѣвъ затѣмъ Вели табіею, мы охватимъ сильныя шорахскія укрѣпленія съ тыла и гарнизоны ихъ, лишенные сообщенія съ крѣпостью, сами покинутъ редуты. На это я получилъ отвѣтъ, что „яйца курицу не учатъ“. Тогда я счелъ дальнѣйшую бесѣду излишней, сѣлъ на коня и возвратился въ лагерь. Теперь мои слова оправдались. Гагаринъ и Ковалевскій уничтожены, Майдель бьется въ послѣдней агоніи... Но еще можно поправить дѣло. Если онъ пришлетъ четыре баталіона, я возьму Вели-табію, и мы вырвемъ побѣду у турокъ. Запиши то, что я сказалъ тебѣ.

— „Я передамъ слова вашего превосходительства въ точности“ отвѣтилъ я.

— „Нѣтъ, запиши“, повторилъ онъ. Я записалъ. И этотъ листокъ до сихъ поръ хранится въ моихъ старыхъ бумагахъ.

На сколько вѣрны были соображенія Бакланова, могутъ служить доказательствомъ публичная рѣчь, сказанная Вильямсомъ на торжественномъ обѣдѣ, данномъ въ Лондонѣ въ честь его, какъ защитника Карса.

„Лучшая пѣхота—сказалъ онъ,—какую я видѣлъ въ жизни—это пѣхота кавказская. И если штурмъ не удался, то только потому, что былъ поведенъ на Шорахъ. Когда я увидѣлъ, куда направляются русскія колонны, я снялъ шляпу и поздравилъ окружавшихъ меня генераловъ съ побѣдой: взять Шорахъ открытой силой—было дѣломъ болѣе чѣмъ невозможнымъ“.

Между тѣмъ возвратился и капитанъ Ермоловъ*), посланный Баклановымъ къ Муравьеву.

—„Главнокомандующій,—доложилъ онъ,—сказалъ: передай Базину и Бакланову, что никакихъ подкрѣпленій не будетъ; у меня на Шорахѣ огромная потеря, и я не могу взять его. Пусть бросятъ Чахмахъ и возвращаются въ лагерь“.

Съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ я поскакалъ обратно къ графу Нироду. На Шорахѣ еще продолжался бой, и я видѣлъ вдали какую то часть, которая очевидно шла изъ главнаго резерва на помощь сражавшимся.

Впослѣдствіе мы узнали, что это былъ 1-й баталіонъ Рязанскаго полка, подъ командою дежурнаго штабъ-офицера дѣйствующаго корпуса подполковника Михаила Кауфмана[1]).

---

*) Клавдій Ермоловъ, сынъ Алексѣя Петровича Ермолова, въ чинѣ капитана артиллеріи служилъ на Кавказѣ адъютантомъ главнокомандующаго. Во время штурма онъ находился въ колоннѣ Бакланова и при взятіи чахмахскихъ укрѣпленій заслужилъ георгіевскій крестъ.

[1]) Впослѣдствіи былъ генералъ-адъютантомъ и главнымъ интендантомъ.

Разсказывали, потомъ, что при этомъ не обошлось безъ маленькаго курьеза. Муравьевъ сказалъ: „Послать баталіонъ съ надежнымъ штабъ-офицеромъ“, а ординарцу послышалось: съ дежурнымъ штабъ офицеромъ,—и Кауфманъ такимъ образомъ, неожиданно для себя, очутился въ бою, доставившемъ ему, впрочемъ, георгіевскій крестъ.

Когда онъ подходилъ къ Тохмасъ-табіи, турки въ значительныхъ силахъ отрѣзали его отъ колонны Майделя и въ тоже время преградили путь къ отступленію. Баталіонъ былъ окруженъ, но Кауфманъ не потерялъ присутствія духа· онъ быстро двинулся впередъ по шорахскому плато, прошелъ вдоль всей линіи непріятельскихъ укрѣпленій подъ страшнымъ огнемъ ихъ и штыками пробился къ Чахмаху. Пѣхота Базина въ это время уже отступила, а за нею сталъ отходить эшелонами и Баклановъ со своею конницей. Турки, высыпавшіе изъ своихъ укрѣпленій, стали на нее насѣдать. Въ одну минуту сборный казачій полкъ князя Витгенштейна повернулъ назадъ и гикнулъ „въ шашки“. Линейцы врубились въ пѣхоту и буквально втоптали ее въ самый редутъ. Въ то же время Баклановъ съ удивленіемъ замѣтилъ какую то часть, пробиравшуюся съ Шораха въ нашу сторону. Это былъ Кауфманъ съ рязанскимъ баталіономъ. Видя, что ему придется переходить оврагъ, раздѣлявшій Шорахскія и Чахмахскія высоты, подъ сильнымъ огнемъ съ Вели-Табіи, и потомъ пробиваться еще сквозь штуцерную цѣпь, Баклановъ повелъ маршъ-маршемъ донскую батарею съ тверскимъ драгунскимъ полкомъ. Орудіе и четыре эскадрона спѣшенныхъ драгунъ быстро открыли огонь, и подъ ихъ прикрытіемъ Кауфманъ благополучно соединился съ Баклановымъ. Замѣчательно, что баталіонъ при этомъ трудномъ движеніи, когда на каждомъ шагу приходилось отбиваться отъ насѣдавшихъ турокъ, вынесъ всѣхъ своихъ раненыхъ и не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни

одного солдата. Кауфманъ получилъ георгіевскій крестъ, а 1-й баталіонъ Рязанскаго полка—Георгіевское знамя.

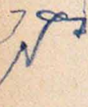
Это былъ послѣдній эпизодъ карсскаго штурма.

Отрядъ графа Нирода я засталъ уже на коняхъ. Онъ получилъ приказаніе отступить, и мы, убравъ свою артиллерію, потянулись въ лагерь.

Общая наша потеря въ этотъ роковой для насъ день состояла изъ 4-хъ генераловъ, 250 офицеровъ и свыше семи тысячъ нижнихъ чиновъ,—почти половина нашей пѣхоты.

Угрюмое молчаніе царило въ этотъ день на нашихъ бивакахъ. Трофеи, окружавшіе палатку главнокомандующаго,—14 изодранныхъ въ клочья турецкихъ знаменъ и четыре орудія, взятыя въ карсскихъ укрѣпленіяхъ, краснорѣчиво оправдывали войска,—и тѣмъ не менѣе тяжелымъ свинцомъ ложилась на душу наша кровавая неудача.

Турки ликовали, полагая, что мы снимемъ блокаду; но малочисленные остатки нашего корпуса, усиленные вскорѣ новыми подошедшими къ намъ подкрѣпленіями, еще тѣснѣе обложили Карсъ, и ровно черезъ два мѣсяца, 16-го ноября 1855 года, доблестный гарнизонъ его, изнуренный голодомъ, положилъ оружіе.

„Трудами вашими и кровью,—писалъ главнокомандующій въ приказѣ своемъ по корпусу,—повержена къ стопамъ Государя Императора твердыня Малой Азіи. Русскій флагъ развѣвается на стѣнахъ Карса. Исчезла, какъ прахъ, вся 30-ти тысячная анатолійская армія. Въ плѣну главнокомандующій ея со всѣми пашами, офицерами и англійскимъ генераломъ Вильямсомъ, управлявшимъ обороною,

вмѣстѣ съ его штабомъ. Тысячи плѣнныхъ турокъ отправляются на родину нашу свидѣтельствовать о подвигахъ вашихъ. 130 пушекъ обогатятъ арсеналы наши; множество знаменъ украсятъ святые соборы Россіи на память посто-

Генералъ-Адъютантъ Н. П. Муравьевъ.

Подъ бронзовымъ барельефомъ надписи:

Пѣхота: полки: Л. карабин. Эриванскій и Грузинскій, грен. егерскіе: Мингрельскій, Виленскій, Бѣлевскій, Тульскій; пѣхотные: Рязанскій, Ряжскій, Бѣлостокскій: Кавк. стрѣлк. бат., Кавказ. сапер. бат., Горійская и Греческая пѣшая друж. Артиллерія: Кавказ. гренад. бр. №№ 1-й и 2-й батарейн., резервная и легк. № 1-й; 13-й артил. бриг. батарейн. №№ 1-й и 2-й и легк. № 2-й; 18-й артил. бр батарейн. № 4-й и легк. №№ 6-й, 7-й и 8-й; Донскія казач. конныя №№ 6-й и 7-й; линейн. конныя казач. № 13-й; Конн. ракет. команды №№ 1-й и 2-й; Подвижные зап. парк. артил. бр. 19-й и 21-й, Горный дивиз., сфор. изъ отбит. у турокъ оруд. Кавалерія: драгун. полки: Нижегородскій, Новороссійскій и Тверской; Донскіе каз.: №№ 4-й, 21-й и 35-й; Сборные лин. каз. №№ 1-й и 2-й; конн. Мусульманскіе: №№ 1-й и 2-й; Грузинская двор. друж.; Куртинскій № 2-й полкъ; Милиція: 8-я сот. охот. Лорисъ-Меликова, 2-я сотня Горской, Осетинская, Карапапахская и Шурагельская; Конвойн.: ком. Главноком., Почет. мусульманская команда.

Потери: офицеровъ убито 77, ранено 171; нижн. чин. убито 2278 ранено 4784. Трофеи: 136 оруд., 19000 руж., 20/тыс. пуд. пороху, 60 знам. и 8/тыс. плѣнныхъ.

янныхъ доблестей вашихъ. Возблагодаримъ Господа Силъ, въ неисповѣдимыхъ судьбахъ своихъ даровавшаго намъ торжество въ самомъ испытанiи, черезъ которое мы прошли еще въ недавнее время“.

По взятiи Карса первымъ священнымъ долгомъ было отдать послѣднiя бранныя почести нашимъ товарищамъ, павшимъ на штурмѣ 17-го сентября. Прошло со времени его уже два мѣсяца, а тѣла ихъ, разбросанныя по всему Шораху, оставались безъ погребенiя; онѣ даже не были прикрыты землею, и на ночное пиршество сбѣгались сюда цѣлыя стаи турецкихъ собакъ. Для уборки тѣлъ наряженъ былъ Тульскiй пѣхотный полкъ, а для отданiя послѣднихъ боевыхъ почестей высланы были сборныя части отъ всѣхъ полковъ, участвовавшихъ въ штурмѣ. Это были необычайныя похороны, способныя потрясти самые сильные нервы. Со всѣхъ сторонъ сносили сюда разрозненныя, разбитыя кости, сносили полуистлѣвшiе останки и бережно складывали ихъ въ огромныя, приготовленныя заранѣе братскiя могилы; затѣмъ насыпали надъ ними высокiе курганы и водрузили большiе деревянные кресты. Я былъ очевидцемъ этого погребенiя; но съ тѣхъ поръ прошло болѣе 50-ти лѣтъ. Мусульманское изувѣрство давно повалило и уничтожило всѣ кресты, какъ символы христiанства, сгладило самые курганы, и трудно было бы узнать и указать то мѣсто, гдѣ они когда то были насыпаны нашими руками.

Паденiе Карса имѣло огромное значенiе въ ходѣ крымской войны: оно изгладило изъ памяти нашихъ враговъ паденiе Севастополя и не могло не оказать влiянiя на вѣсахъ конгреса, усчитывавшаго наши крымскiя потери. По заключенiи мира союзники возвратили намъ Севастополь, а мы взамѣнъ его передали Карсъ обратно турецкому правительству. Карсъ, какъ волшебный кладъ, не давался намъ въ руки.

Въ заключеніе необходимо сказать, что въ числѣ знаменъ, взятыхъ при сдачѣ Карса, находилось знамя Польскаго легіона, о сформированіи котораго такъ много хлопотали эмигранты находившіеся въКарсѣ. Формированіе его не состоялось, но знамя было заготовлено и увеличило собою число нашихъ трофеевъ. Огромное полотнище его, съ нашитымъ на немъ бѣлымъ одноглавымъ орломъ, прикрѣплено къ длинному древку съ мѣднымъ копьемъ,—и нынѣ, какъ памятникъ взятія Карса въ 1855 году, хранится въ Тифлисѣ, въ Кавказскомъ военно-историческомъ музеѣ.

IV

Штурмъ Карса въ ночь съ 5-го на 6-ое ноября 1877 года.

Шли годы; впечатлѣнія Крымской войны постепенно изглаживались, какъ вдругъ нашъ политическій горизонтъ снова сталъ заволакиваться мрачными тучами: въ 1876 году маленькая православная Сербія объявила войну могущественной Турціи и вызвала къ себѣ небывалое сочувствіе во всѣхъ слояхъ русскаго общества; тысячи русскихъ добровольцевъ, покидая родину, отправлялись на театръ военныхъ дѣйствій умирать подъ сербскими знаменами,—и война за освобожденіе балканскихъ христіанъ отъ турецкаго ига являлась неизбѣжною.

Близость кровавой войны заставила насъ уже съ осени 1877 года двинуть войска Кавказской арміи на кавказско-турецкую границу. Главныя силы дѣйствующаго корпуса, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, сосредоточились у Александраполя; фланговые отряды Эриванскій—у Игдыря и Ахалцихскій—у Ахалкалакъ; всего около 47 тыс. и 160 орудій. Общее направленіе военныхъ дѣйствій принялъ на себя главнокомандующій Кавказской арміей Великій Князь Михаилъ Николаевичъ.

12 апрѣля 1877 года, съ объявленіемъ войны, всѣ наши отряды перешли границу и двинулись въ непріятельскіе предѣлы. Турецкая армія Мухтаръ-паши не была еще готова къ войнѣ, и турки въ своихъ дѣйствіяхъ находили главную опору въ сильно укрѣпленныхъ пунктахъ: Ардагана, Эрзерума и въ особенности Карса. И русскіе въ четвертый разъ появляются передъ стѣнами Карсской крѣпости.

16-го апрѣля главныя силы дѣйствующаго корпуса подошли къ Карсу и заняли, какъ и въ 1855 году, позицію у Заима. 5-го мая взятъ былъ Ардаганъ, послѣ чего Великій Князь Михаилъ Николаевичъ приказалъ блокировать Карсъ, выдвинувъ осадныя батареи для бомбардированія крѣпости.

Дѣйствія эти не привели однако къ рѣшительнымъ результатамъ, такъ какъ угрожающее положеніе, принятое арміей Мухтаръ-паши у Зивина, заставило насъ предпринять походъ на Соганлугскій хребетъ. 13-го іюня войска наши атаковали турецкія войска, занимавшія сильную Зивинскую позицію, но успѣха не имѣли.

Неудачный исходъ зивинской операціи заставилъ насъ 28-го іюня снять начавшуюся осаду крѣпости и отойти обратно къ нашимъ границамъ. Въ тоже время турецкій главнокомандующій Мухтаръ-паша двинулся вслѣдъ за нами и расположился въ окрестностяхъ Карса на Аладжинскихъ высотахъ. Нѣсколько попытокъ въ іюлѣ и августѣ сбить его съ этой крѣпкой позиціи были безуспѣшны,—у насъ не хватало силъ,—и надо было выждать подкрѣпленій, которыя направлены были изъ внутреннихъ губерній Россіи. Это были: 1-я гренадерская и 40-я пѣхотныя дивизіи,—послѣдняя плоть отъ плоти и кость отъ костей нашей же старой кавказской арміи *). Полки подошли къ осени, и съ ихъ прибытіемъ мы тотчасъ перешли въ наступленіе. 3-го октября 1877 года, подъ личнымъ предводительствомъ главнокомандующаго Великаго Князя Михаила Николаевича, разыгрался бой на Аладжинскихъ высотахъ, и турецкая армія, разбитая на голову, бѣжала къ Эрзеруму.

*) Полки 40-й пѣхотной дивизіи были сформированы въ 1863 году изъ 5-хъ резервныхъ баталіоновъ Тенгинскаго, Навагинскаго, Куринскаго и Кабардинскаго полковъ съ добавленіемъ рекрутъ.

Для преслѣдованія ея часть дѣйствующаго корпуса подъ начальствомъ генерала Геймана, двинулась за Соганлугъ, а остальныя войска – Карсскій отрядъ генерала Лазарева, – остались передъ Карсомъ, который стоялъ теперь передъ нами одинъ, подъ защитой своего 18-ти тысячнаго гарнизона. Здѣсь же находилась и главная квартира Великаго Князя Михаила Николаевича.

Теперь естественно выдвигался на сцену вопросъ: что предпринять противъ Карса?

На военномъ совѣтѣ голоса раздѣлились. Огромное большинство высказалось за то, чтобы въ виду приближающейся зимы расположить войска на зимовыя квартиры, а осаду Карса отложить до весны. Но меньшинство, во главѣ съ генералъ-адъютантомъ княземъ Святополкъ-Мирскимъ и генералъ-лейтенантомъ Лазаревымъ, энергично возстали противъ общаго рѣшенія. Особенно горячо говорилъ Лазаревъ, указывая, что всякая проволочка только дастъ время туркамъ усилиться и забыть свои пораженія, что Карсъ можно и должно взять немедленно. „Что будетъ весною,—говорилъ онъ,–еще неизвѣстно, но другого, болѣе благопріятнаго момента намъ никогда не представится“. Великій Князь склонился на сторону этихъ голосовъ.

Но теперь возникъ новый вопросъ: какимъ путемъ овладѣть Карсомъ: блокадой, правильной осадой или штурмомъ? Надо припомнить, что французскій военный агентъ, состоявшій при главной квартирѣ, генералъ графъ де-Курси, заслужившій съ кавказскими войсками георгіевскій крестъ своею поистинѣ блестящею храбростью, покидая русскую армію послѣ разгрома ею турокъ на Аладжинскихъ высотахъ, сказалъ Великому Князю:

—„Ваше Высочество! Искренняя любовь моя и глубокое уваженіе къ вашимъ войскамъ, которыя свои-

ми подвигами изумляли меня, заставляютъ сказать: я видѣлъ карскіе форты, и одно, что я могу посовѣтовать,—это не штурмовать ихъ. На это нѣтъ никакихъ человѣческихъ силъ. Ваши войска такъ хороши, что они пойдутъ на эти неприступныя скалы, усиленныя современнымъ искусствомъ; но вы положите ихъ всѣхъ до послѣдняго солдата и не возьмете ни одного форта"....

Эти слова графа де-Курси были извѣстны всѣмъ и очень многіе склонны были имъ вѣрить. Но князь Святополкъ-Мирскій и генералъ Лазаревъ были убѣжденными сторонниками штурма. Они доказывали, что блокада и осада для насъ немыслимы; онѣ могутъ затянуться до той же весны съ ея неизвѣстнымъ будущимъ; блокада въ зимнее время можетъ поставить наши войска въ весьма трудное положеніе, и мы отъ болѣзней потеряемъ вдвое и втрое больше людей, чѣмъ на самомъ кровопролитномъ штурмѣ. Единственная уступка, которую они дѣлали, заключалась въ непродолжительномъ бомбардированіи крѣпости съ цѣлью ослабить нѣкоторые верки и тѣмъ облегчить дѣйствіе штурмовыхъ колоннъ.

Осада началась 15-го октября, и послѣ двухнедѣльнаго усиленнаго бомбардированія, не причинившаго, впрочемъ, крѣпости значительнаго вреда, штурмъ былъ назначенъ въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Начальство надъ штурмовыми колоннами поручено было генералу Лазареву.

Предшествовавшія рекогносцировки выяснили, что расположеніе карскихъ укрѣпленій было тоже, что и въ 1855 году при муравьевскомъ штурмѣ. Только профили были значительно усилены, рвы углублены, да нѣкоторыя полевыя укрѣпленія замѣнены фортами.

Такъ, на Шорахскихъ высотахъ, вмѣсто Ренисонскихъ окоповъ и Юксекъ-табіи, поставлены были два новыя ук-

рѣпленія: Тихъ-тепеси, съ передовою батареей Ярымъ-ай, и Лазъ-теписи или Чахмахъ, состоявшее изъ нѣсколькихъ люнетовъ, расположенныхъ въ три ряда на высокой, скалистой горѣ съ обрывистыми краями. На лѣвомъ флангѣ линію эту замыкалъ памятный намъ фортъ Тохмасъ.

Какъ и прежде соединительнымъ звеномъ между Шорахомъ и Чахмахомъ служила Вели-табія, а Чимъ прикрывалъ Армянское предмѣстье, эрзерумскую дорогу и переправу черезъ Карсъ-чай.

На Чахмахскихъ высотахъ, гдѣ были люнеты, взятые Баклановымъ въ 1855 году, теперь стояли сильныя укрѣпленія Мухлисъ, Блюмъ-паша и редутъ Инглисъ. Затѣмъ на Карадагскихъ высотахъ та же Арабъ-табія (Карапатлахъ), и тотъ же Карадагъ съ Зіаретскою башней, только еще болѣе усиленные земляными фортификаціонными постройками.

На югѣ, со стороны равнины, Карсъ защищали прежнія укрѣпленія: Хафисъ-паша, Канлы, съ промежуточнымъ между ними сильнымъ люнетомъ Фези-паша и, наконецъ, Сувари, расположенный уже надъ самымъ обрывомъ Карсъ-чая.

Главную атаку рѣшено было вести на нижнюю или городскую группу укрѣпленій, присоединивъ къ ней на лѣвомъ берегу только Чимъ, необходимый намъ для занятія Армянскаго предмѣстья и западной части города. Стратегическое значеніе этой группы было слабѣе другихъ, такъ какъ даже при успѣхѣ войска могли очутиться подъ сильнымъ перекрестнымъ огнемъ съ Шорахскихъ и Карадагскихъ высотъ; но за то группа эта была гораздо доступнѣе; отсюда мы легче проникали въ городъ и, овладѣвъ всѣми его запасами и самою цитаделью, ставили грозные форты Карадага и Шораха въ такое изолированное положеніе, при которомъ они не могли держаться.

Для штурма назначены были четыре колонны: первая, генерала Алхазова, направлена на Хафизъ, вторая,—генерала Граббе,—на Канлы, третья, подполковника князя Меликова—на Сувари. Послѣдняя, перейдя затѣмъ на лѣвый берегъ Карсъ-чая, соединяется съ четвертою колонною генерала Комарова и вмѣстѣ съ нею атакуетъ Чимъ. Остальныя войска, находящіяся на лѣвомъ берегу, подъ начальствомъ генерала Роопа, демонстрируютъ противъ Тохмаса, Лазъ-тепеси и Мухлиса, а на правомъ,—подъ командой генерала Шатилова—противъ Арабъ-табіи и Карадага. Главный резервъ, подъ личною командою корпуснаго командира генералъ-адъютанта Лорисъ-Меликова, расположился у с. Комацуръ. Боевая сила частей, назначенныхъ для атаки и демонстраціи Карсской крѣпости, состояла изъ 34½ тыс. штыковъ и сабель.

Наступило 5-е ноября. День былъ ясный и морозный. Къ 7-ми часамъ вечера, войска, назначенныя для штурма выстроились передъ своими палатками. Генералъ Лазаревъ въ послѣдній разъ объѣхалъ штурмовыя колонны и, снявъ фуражку, благоговѣйно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ. „Теперь—сказалъ онъ—съ Богомъ!“.

Было уже 8 часовъ вечера. Свѣтлая лунная ночь, озарявшая покрытыя серебристымъ инеемъ поля, рисовала вдали грозные силуэты фортовъ. Морозъ крѣпчалъ. Но скоро густой туманъ спустился на землю и закрылъ карсскія укрѣпленія, потонувшія въ непроницаемомъ мракѣ. Казалось, что крѣпость покоилась глубокимъ сномъ,—какъ вдругъ молнія пушечнаго выстрѣла прорѣзала ночную темноту, и высокій Шорахъ разомъ опоясался огненной линіей. Загремѣли батареи съ Карадага и изъ нижнихъ укрѣпленій, и все грознѣй и грознѣе становился концертъ начавшагося боя.

ПЛАНЪ
ШТУРМА КАРСА

въ ночь съ 5-го на 6-е Ноября 1877 года.

Кавал. кол. ген. Шереметева
Комкъ
Кол. полк. Черемисинова
Кол. ген. Шатилова
Джавра
Б. Чахмахъ
М. Чахмахъ
осадн. бат.
Ген. Рыдзевскій
Укр. Мухлисъ
Выс. Чахмахскія
Укр. Арабъ-т.
Укр. Блумъ-п.
Выс. Карадагскія
Укр. Лазъ-тепеси
Лагерь
Б. Зіаретъ
Укр. Карадагъ
Цитадель
Выс. Шорахскія
Укр. Вели
Ханъ-тепеси
Укр. Тихъ-тепеси
Фидеевъ
Татлиджа
Шорахъ
Укр. Чимъ
КАРСЪ
Укр. Тохмасъ
Орта-кепи
Козелковъ
Букіевъ
Укр. Хафисъ-паша
Кол. ген. Комарова
Юсуфъ-п.
Сувари
Раз. Шорахъ
Лагерь
Алхазовъ
Лагерь
Укр. Фейзи-паша
№ 12
Кичикъ-кей
Вождакинъ (Карасевъ)
Укр. Канлы
Кол. ген. Алхазова
Гр. Граббе
Охотники
Резервъ
Кав. кол. кн. Чавчавадзе
№ 6
Изъ Эрзерума
Н. Караджуранъ
№ 5 Осадныя батареи
Кав. кол. кн. Щербатова
№ 1
Раз. Д. Кюмбетъ
Кол. кн. Меликова
Кол. полк. Вождакина
Р. Карсъ-чай
Кол. гр. Граббе
Комацоръ
В. Караджуранъ
Р. Тахара-су
Общій резервъ
Главная квартира Вел. Кн. Михаила Николаевича
Тамра
Чифтликъ-кей (Владикарсъ)
Изъ Эрзерума
М. Тикма
Азаткевъ
Б. Тикма

Масштабъ въ дюймѣ 2 версты

0 1 2 4 6 вер.

Лит. Кавк. В.-Топогр. Отд.

Колонна князя Меликова,—4-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и два баталіона Кубанскаго полка,—первою ворвалась въ Сувари, представлявшій собою небольшой насыпной люнетъ, вооруженный четырьмя полевыми орудіями. Часть гарнизона была истреблена штыками, другая бѣжала черезъ орта-кепинское предмѣстье въ городъ; тогда князь Меликовъ, оставивъ баталіонъ кубанцевъ въ Сувари, съ остальными двумя баталіонами быстро перешелъ Карсъ-чай и устремился къ Чиму, гдѣ по расчету времени должна была уже находиться колонна генерала Комарова. Но Комарова подъ Чимомъ не оказалось. Два часа стрѣлки и кубанцы держалась подъ страшнымъ огнемъ непріятеля съ форта и окраинъ Армянскаго предмѣстья, но когда князь Меликовъ былъ смертельно раненъ, и отрядъ убѣдился, что о колоннѣ генерала Комарова нѣтъ никакихъ извѣстій, онъ штыками пробилъ себѣ обратный путь, бросилъ Сувари и отступилъ къ главному резерву. Сувари опять заняли турки.

Гдѣ же въ это время находилась колонна генерала Комарова?

Со сборнаго пункта Комаровъ выступилъ своевременно, но затѣмъ не попалъ на путь, указанный ему по диспозиціи, и вмѣсто Чима очутился подъ Тохмасъ-табіей. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Въ 7 часовъ вечера генералъ Комаровъ съ шестью баталіонами Ростовскаго гренадерскаго и Пятигорскаго пѣхотнаго полковъ подошелъ къ Кичикъ-кейскому мосту на Карсъ-чаѣ. Чтобы отвлечь вниманіе турокъ, генералъ Комаровъ выдвинулъ для демонстраціи противъ Тохмаса два баталіона ростовскихъ гренадеръ, а три баталіона пятигорцевъ двинулъ къ Чиму для атаки его съ фронта; въ резервѣ оставленъ былъ одинъ баталіонъ ростовцевъ.

Двигаясь къ Чиму, пятигорцы неожиданно встрѣчены были сильнымъ фланговымъ огнемъ съ нижнихъ террасъ

Шорахскихъ высотъ. Тогда генералъ Комаровъ направилъ одинъ баталіонъ пятигорцевъ отогнать непріятеля, но за головнымъ баталіономъ повернули остальные и, такимъ образомъ, мало по малу, вся колонна—три баталіона Пятигорскаго полка—была обращена на фортъ Тохмасъ. Пятигорцы смѣло кинулись на приступъ, во главѣ со своимъ командиромъ полка, полковникомъ Бучкіевымъ, спустились въ ровъ, но, встрѣченные сильнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ, а также ручными гранатами и камнями, были отбиты. Они повторили атаку, но не смотря на всѣ усилія не могли взобраться на крутой и высокій валъ; храбрый полковникъ Бучкіевъ былъ убитъ, люди падали десятками, но одолѣть эти грозные валы, оказалось невозможнымъ. Видя отчаянное положеніе колонны, генералъ Комаровъ выдвинулъ изъ резерва баталіонъ Ростовскаго гренадерскаго полка, и баталіоны пятигорцевъ, захвативъ своихъ раненыхъ, отступили съ огромною потерею.

Только тогда Комаровъ, убѣдившись въ невозможности взять Тохмасъ, устроилъ колонну и приказалъ продолжать движеніе на Чимъ; но времени прошло много и благопріятная минута для овладѣнія имъ была уже упущена: колонна князя Меликова ушла назадъ, а колонна генерала Комарова, ослабленная потерями, одна не могла справиться съ такимъ сильнымъ укрѣпленіемъ, – и атака не удалась. Войска отступили и болѣе не вступали въ дѣло.

Одновременно съ Комаровымъ колонна полковника Черемисинова, высланная для демонстраціи противъ Шорахскихъ высотъ, два баталіона несвижскихъ гренадеръ и баталіонъ Кубанскаго полка,—успѣла занять сел. Чахмахъ и овладѣть главнымъ валомъ Лазъ-тепеси. Колонна держалась здѣсь до разсвѣта, но затѣмъ вынуждена была отступить.

Такимъ образомъ, бой на лѣвомъ флангѣ за обладаніе Чимомъ и Сувари окончился для насъ полнѣйшею не-

удачею. Но вмѣстѣ съ тѣмъ смѣлыя и рѣшительныя дѣйствія колоннъ князя Меликова, Комарова и Черемисинова имѣли для насъ громадное значеніе, такъ какъ привлекли въ эту сторону все вниманіе карсскаго коменданта Гуссейнъ-Хами-паши, который сталъ стягивать всѣ свои резервы на Шорахскія и Чахмахскія высоты.

Между тѣмъ тревожныя извѣстія стали приходить и со стороны праваго фланга. Сосѣднія укрѣпленія Канлы и Хафисъ оборонялись весьма упорно. Грянувшее было „ура“ давно уже замолкло, и въ той сторонѣ слышалась только горячая лихорадочная перестрѣлка. Ружейный огонь достигъ тамъ высокаго напряженія. Ясно, что войска встрѣтили серьезный отпоръ и не могли сломить сопротивленія. Между тѣмъ наступилъ уже первый часъ ночи, а бой все еще былъ въ началѣ и нельзя было предвидѣть чѣмъ онъ окончится. Генералъ Лазаревъ давно уже разослалъ всѣхъ ординарцевъ, чтобы сколько нибудь оріентироваться въ сумятицѣ ночного штурма, но извѣстія, получаемыя имъ, были одно другого печальнѣе.

Войска графа Граббе двинулись на Канлы двумя колоннами, чтобы атаковать фортъ съ двухъ сторонъ. Лѣвую —1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ и по баталіону отъ Перновскаго гренадерскаго и Севастопольскаго пѣхотнаго полковъ, съ ротою саперъ 3-го Кавказскаго баталіона— велъ лично графъ Граббе. Правая—три баталіона Севастопольскаго и два Имеретинскаго пѣхотныхъ полковъ, также съ полуротою саперъ,—слѣдовала подъ командою полковника Вождакина. Послѣдній сбился съ пути и не пришелъ своевременно, а между тѣмъ графъ Граббе овладѣлъ правымъ передовымъ редутомъ къ сторонѣ Сувари, взялъ правую сторону главнаго укрѣпленія, но дальше колонна его не могла двинуться ни шагу. Сильный двухъярусный огонь изъ оборонительной казармы, замыкавшей горжу и

обстрѣливавшій всю внутреннюю площадку укрѣпленія, парализовалъ всѣ наши усилія. Попытка взять казарму открытой силой повела лишь къ новымъ тяжелымъ потерямъ. Графъ Граббе, кинувшійся впередъ верхомъ на конѣ, и потомъ смѣнившій его, командиръ Перновскаго гренадерскаго полка полковникъ Бѣлинскій, во главѣ своего баталіона, пали геройскою смертью почти у самыхъ воротъ казармы; разстроенные баталіоны отступили и залегли за брустверомъ, а правая колонна все еще не показывалась.

Выславъ впередъ охотничьи команды, полковникъ Вождакинъ двигался сначала слѣдомъ за ними, но въ въ темнотѣ потерялъ ихъ изъ виду, взялъ слишкомъ вправо, и вмѣсто Канловъ очутился подъ батареями Фези-паши. Между тѣмъ охотники, которые правильно вели колонну, подошли къ Канламъ, смѣло овладѣли лѣвымъ передовымъ редутомъ и, преслѣдуя турокъ, ворвались въ главное укрѣпленіе; но здѣсь они не могли удержаться и, отступивъ, укрѣпились за брустверомъ главнаго вала, тщетно ожидая появленія своей колонны.

Но колонна въ это время была далеко. Попавъ подъ огонь Фези-паши, Вождакинъ скоро былъ контуженъ и сдалъ командованіе командиру Имеретинскаго полка полковнику Карасеву, который кинулся впередъ и взялъ Фези-пашу вмѣстѣ съ расположеннымъ за нимъ лагеремъ. Здѣсь рядовой Имеретинскаго полка Василій Зоновъ, замѣтивъ въ одной палаткѣ свѣтъ, бросился туда и увидѣлъ трехъ турокъ, торопливо свертывавшихъ большое зеленое знамя, одного изъ нихъ онъ убилъ выстрѣломъ изъ ружья, а другого, выскочившаго изъ палатки со знаменемъ, закололъ штыкомъ; третій успѣлъ скрыться, но знамя, какъ побѣдный трофей, осталось въ рукахъ храбраго Зонова. Это было единственное знамя, взятое нами при штурмѣ Карса въ 1877 году. Какъ не былъ бле-

стящъ этотъ успѣхъ, онъ тѣмъ не менѣе отвлекъ Карасева отъ главной цѣли атаки—отъ форта Канлы, и только тогда, когда охотники дали знать ему, наконецъ, о своемъ отчаянномъ положеніи, онъ съ батальономъ Имеретинскаго полка двинулся къ нимъ на помощь, приказавъ слѣдовать туда же и остальнымъ войскамъ. Но батальоны его были разстроены, роты перемѣшались, люди разбрелись по окрестнымъ траншеямъ, а часть, собравшись вокругъ своихъ офицеровъ, двинулась въ городъ и, поминутно натыкаясь на турокъ, вступала съ ними въ рукопашныя схватки. Между тѣмъ полковникъ Карасевъ скоро убѣдился, что ему съ разстроенными войсками не одолѣть укрѣпленія и далъ знать генералу Лазареву, что безъ скораго прибытія резервовъ ему и остаткамъ колонны Граббе трудно будетъ удержаться на своихъ позиціяхъ.

Дѣла въ Хафисѣ шли нѣсколько лучше, но и туда требовали подкрѣпленія.

Подобныя извѣстія могли смутить каждаго. Но не таковъ былъ генералъ Лазаревъ, твердость котораго казалось росла по мѣрѣ встававшихъ передъ нимъ затрудненій. Онъ рѣшилъ не расходовать главнаго резерва до послѣдней крайности и, пославъ войскамъ суровое приказаніе обходиться собственными силами, самъ поѣхалъ въ Канлы.

На пути догналъ его ординарецъ корпуснаго командира и, сообщивъ о потерѣ Сувари и неудачахъ подъ Тохмасомъ и Чимомъ, добавилъ,что корпусный командиръ, въ виду упорной защиты Канлы и Хафиса, разрѣшаетъ ему начать отступленіе.

Лазаревъ взлянулъ на него съ недоумѣніемъ. „Передайте пославшему васъ,—отвѣтилъ онъ,—что Лазаревъ штурмуетъ безповоротно. Не возьму Карса ночью—возьму его днемъ; не возьму днемъ—буду драться до слѣдующей ночи“.

Едва ординарецъ ускакалъ назадъ, какъ снопъ ракетъ, озарившій ночное небо, возвѣстилъ, что Хафисъ уже взятъ генераломъ Алхазовымъ. Это была первая радостная вѣсть въ эту тяжелую ночь.

Канлы уже были близко, когда къ Лазареву прискакалъ новый сіяющій вѣстникъ: „Полковникъ Фаддеевъ взялъ Карадагъ". Вѣсть изумила Лазарева своей неожиданностью, такъ какъ Карадагъ по своей недоступности не входилъ даже въ число тѣхъ пунктовъ, которые намѣчены были для нашей атаки. Какъ это могло случиться, — никто не зналъ. Но Лазаревъ понялъ, что со взятіемъ Карадага, — паденіе Карса, какъ бы не защищались Канлы, уже неизбѣжно. И онъ быстро повернулъ къ Хафису, чтобы сдѣлать прежде всего распоряженіе объ отправкѣ подкрѣпленій къ полковнику Фаддееву. Въ Хафисѣ онъ узналъ слѣдующее:

Войска направлены были на это укрѣпленіе съ двухъ сторонъ: слѣва — два баталіона Владикавказскаго полка, подъ командой маіора Урбанскаго, справа — два баталіона Кутаисскаго полка съ полковникомъ Фаддеевымъ. Остальные два баталіона владикавказцевъ и кутаисцевъ велъ самъ Алхазовъ, въ видѣ резерва, чтобы поддержать ту или другую колонну.

Заключивъ по выстрѣламъ, что полковникъ Фаддеевъ уклонился слишкомъ вправо и, опасаясь, чтобы непріятель не обрушился на одну лѣвую колонну, генералъ Алхазовъ выдвинулъ изъ резерва баталіонъ Владикавказскаго полка, приказавъ командиру его, полковнику Козелкову, занять мѣсто Фаддеева. Съ этой минуты на валахъ Хафиса завязалось горячее дѣло. Нѣсколько разъ укрѣпленіе переходило изъ рукъ въ руки, но, наконецъ, турки дрогнули — и Хафисъ былъ взятъ. О колоннѣ Фаддеева, между тѣмъ, не было никакихъ извѣстій, и никто не зналъ, гдѣ она находится. Вотъ что сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи.

Подходя къ Хафису съ двумя баталіонами своего полка, полковникъ Фаддеевъ внезапно попалъ подъ фланговый огонь траншеи, которой прежде здѣсь не было. Кутаисцы выбили изъ нея турокъ и, преслѣдуя ихъ, очутились у самой подошвы Карадага. Тогда у Фаддеева внезапно явилась мысль, что на плечахъ бѣгущихъ можно ворваться въ самое укрѣпленіе, и онъ моментально рѣшилъ принять все предпріятіе на личную свою отвѣтственность. Быстро, безъ выстрѣла, двигались кутаисцы въ гору, вслѣдъ за своимъ отважнымъ начальникомъ. Ночная темнота скрывала слабость ихъ силъ, а бѣгущій впереди непріятель самъ указывалъ тропу, по которой только и можно было взобраться на утесы Карадага. Но вотъ и Зіаретская башня. Охотники берутъ ее штурмомъ, саперы взрываютъ на воздухъ ворота, а самъ Фаддеевъ уже штурмуетъ грозный Карадагскій редутъ. „Лихо, лихо кутаисцы! Въ штыки!“— раздается его спокойный, отчетливый, хорошо знакомый солдатамъ голосъ. Въ отвѣтъ ему гремитъ побѣдное „ура!“ и Карадагъ палъ.

Такъ совершилось одно изъ славнѣйшихъ дѣлъ въ русской исторіи.

Но удержаться въ Карадагѣ съ горстью людей было трудно. Изъ Арабъ-табіи выступили значительныя силы, чтобы отнять назадъ Карадагъ. Бой, на время замолкшій, возобновился съ новою силою. Туркамъ приходилось вырывать изъ рукъ Фаддеева собственное свое укрѣпленіе. Два штурма были отбиты, но положеніе кутаисцевъ часъ отъ часу становится опаснѣе. Къ счастію, въ это время къ Фаддееву подходилъ уже третій баталіонъ кутаисцевъ, высланный изъ Хафисъ-паши, а въ то же время пять баталіоновъ Абхазскаго и Гурійскаго полковъ изъ колонны генералъ-лейтенанта Шатилова начали штурмъ Арабъ-табіи. Какъ только генералъ Шатиловъ

получилъ извѣстіе, что Карадагъ взятъ, его демонстрація тотчасъ перешла въ общее наступленіе, и генералъ Рыдзевскій, съ баталіонами Абхазскаго и Гурійскаго полковъ взобравшись подъ сильнымъ огнемъ на карадагское плато, овладѣли Арабъ-табіею. Когда стало свѣтать—первое что бросилось въ глаза войскамъ, сражавшимся внизу, были развернутыя знамена всѣхъ трехъ полковъ 40-й пѣхотной дивизіи, вѣявшія надъ Карадагомъ и Арабъ-табіей.

Теперь всѣ укрѣпленія праваго берега находились въ нашихъ рукахъ, и только одни Канлы продолжали еще упорную оборону. Полковникъ Буьмерлингъ, присланный изъ главной квартиры принять начальство надъ колонной Граббе, пытался вступить въ переговоры, но турки на всѣ предложенія отвѣчали отказомъ. Въ это время въ Канлы прибылъ генералъ Лазаревъ, и за нимъ стали подходить подкрѣпленія—сначала двѣ роты Имеретинскаго полка, потомъ баталіонъ екатеринославскихъ гренадеръ и, наконецъ, часть конницы съ генералъ-лейтенантомъ княземъ Чавчавадзе, принявшимъ начальство надъ всѣми войсками, собранными у Канловъ. Атака возобновилась. Сотня Волгскаго казачьяго полка, спѣшившись, первая ворвалась внутрь укрѣпленія, а остальная конница—сотня ейскихъ казаковъ и сотня Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка—охватила съ тыла. Дальнѣйшее сопротивленіе становилось уже невозможнымъ. Тогда полковникъ Бульмерингъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ потребовалъ, чтобы турки впустили его въ казарму. Онъ вошелъ одинъ, въ сопровожденіи только своего адъютанта князя Абамелика, и послѣ недолгихъ переговоровъ храбрый гарнизонъ во главѣ съ Давутъ-пашею положилъ оружіе.

Тѣмъ временемъ войска уже ворвались въ городъ съ разныхъ сторонъ. Нѣсколько домовъ было подожжено и разрушено, такъ какъ изъ нихъ стрѣляли турки, но грабежа

не было. Лазаревъ, встрѣчаемый и провожаемый войсками громкимъ „ура", самъ объѣзжалъ улицы, уговаривая солдатъ беречь городъ, такъ какъ это наши будущія зимовыя квартиры. Онъ видѣлъ массу убитыхъ, но замѣчательно, что среди нихъ не было ни одной женщины, ни одного ребенка, хотя въ домахъ, подвергшихся кровавой расправѣ, ихъ было не мало. Эту сторону штурма Лазаревъ ставилъ особенно высоко и говорилъ откровенно, что за всю свою продолжительную службу на Кавказѣ не помнитъ ничего подобнаго. Карсъ доживалъ уже послѣднія минуты: комендантъ бѣжалъ, цитадель отворила ворота, и гарнизонъ сдался военноплѣннымъ.

Былъ уже день, и съ высокаго утеса, на которомъ стояла цитадель, можно было слѣдить за послѣднимъ актомъ кровавой драмы, разыгравашейся на Шорахскихъ высотахъ. Тамъ столпились всѣ остатки турецкаго гарнизона, которые, видя паденіе крѣпости, бросились напроломъ, чтобы пробиться къ Эрзеруму. Со всѣхъ сторонъ понеслась наша кавалерія и перерадила имъ путь. Въ то же время вся пѣхота генерала Роопа надвигалась на нихъ съ тыла. При такихъ условіяхъ бой не могъ продолжаться долго: спаслось только нѣсколько всадниковъ, и въ томъ числѣ самъ комендантъ крѣпости, а вся масса турецкихъ войскъ взята была въ плѣнъ. Во всѣ нагорные форты съ музыкой и распущенными знаменами вступала наша пѣхота.

Трофеями побѣды было одно знамя, 17-ть тысячъ плѣнныхъ (въ томъ числѣ пять пашей и до 800 офицеровъ), 300 орудій, множество запасовъ, но замѣчательно, что другихъ знаменъ, кромѣ взятаго Зоновымъ, нигдѣ не было найдено. Наша потеря состояла изъ одного генерала (графа Граббе), 76-ть офицеровъ и болѣе 2200 нижнихъ чиновъ убитыхъ и раненыхъ.

Паденіемъ Карса закончилась одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ нашей Кавказской арміи,—задача, имѣвшая безспорно рѣшающее значеніе въ судьбахъ нашей турецкой кампаніи. Во-первыхъ, мы пріобрѣли сильную крѣпость, служившую оплотомъ Анатоліи, и вмѣстѣ съ нею огромную территорію, населенную по преимуществу христіанами; а во-вторыхъ, съ уничтоженіемъ карсскаго гарнизона мы совершенно обезпечили свой тылъ при наступленіи къ Эрзеруму и въ то же время могли свободно располагать значительною частью нашихъ войскъ, прикованныхъ до тѣхъ поръ къ одному только пункту.

Въ чисто боевомъ отношеніи паденіе Карса заслуживаетъ еще большаго вниманія, какъ фактъ безпримѣрный въ новѣйшей военной исторіи. Первоклассная крѣпость, огражденная сильными фортами, вооруженная тремя стами орудій, снабженная всѣми запасами, защищаемая многочисленнымъ и храбрымъ гарнизономъ,—пала въ одну ночь, и пала только подъ ударомъ штыковъ, даже безъ помощи артиллеріи, которая оставалась позади штурмовыхъ колоннъ, готовая къ дѣйствіямъ. Событіе это остается единственнымъ въ военныхъ лѣтописяхъ всѣхъ европейскихъ народовъ.

Разсказываютъ, что послѣ взятія Карса генералъ Лазаревъ приказалъ обезоружить все населеніе и потомъ спросилъ военнаго губернатора – благополучно ли совершилась эта процедура?—„Горожане спокойно подчинились вашему распоряженію, отвѣчалъ губернаторъ, но, собирая оружіе, я объявилъ хозяевамъ его, что когда Карсъ будетъ сдаваться обратно турецкому правительству, то возвратится имъ и оружіе“.

—Какъ бы не такъ! воскликнулъ Лазаревъ:—да вы князь Горчаковъ что ли? Отдать туркамъ Карсъ, который стоилъ намъ столько крови... Да откуда вы это взяли?... Прежде, чѣмъ сдать его туркамъ, я разрушу городъ и крѣ-

Генералъ-адъютантъ графъ Лорисъ-Меликовъ

Подъ бронзовымъ барельефомъ надписи:

Пѣхота: Гренадер. полки: 1-й Л.-Екатеринославскій, 2-й Ростовскій, 3-й Перновскій, 4-й Несвижскій, 13-й Л.-Эриванскій, 14-й Грузинскій, 15-й Тифлисскій, 16-й Мингрельскій; пѣхот. 75-й Севастопольскій 76-й Кубанскій, 151-й Пятигорскій, 152-й Владикавказскій, 156-й Елисаветпольскій, 157-й Имеретинскій, 158-й Кутаисскій, 159-й Гурійскій и 160-й Абхазскій; стрѣл. бат: 1-й и 4-й Кавказскіе; саперн. бат.: 1-й и 3-й Кавказскіе; 1-е и 2-е отдѣл. Кавказскаго воен.-телеграф парка. Артиллерія: батареи: 1-й Грен. артил. бр. 1, 2, 3, 5 и 6; Кавк. гренад. артилл. бр.; 1, 2, 3, 4, 5 и 6-я, 19-я артил бр.; 2-я 21-й артил. бр; 3-я и 5-я 38-й артил. бр.; 1-я, 2-я, 3-я, 4-я 5-я и 6-я 39-й артил. бр; 1-я, 2-я, 3-я, 4-я, 5-я и 6-я 40-й артил. бр.; конн. казач. Кубанскія: 2-я и 5-я, 1-я Терская, 13-я и 14-я Донскій, Ракетная сотня Кубан. казач. войска. Кавалерія: полки: драгун: 15-й Тверской, 16-й Нижегородскій и 17-й Сѣверскій: Казачьи: Кубанскій, 1-й Ейскій, Полтавскій, 6-й Оренбургскій, 2-й Астраханскій, 1-й и 2-й Волгскіе, 2-й Кизляро-Гребенской, 2-й Владикавказскій; Иррегул.: Александропольскій, Ахалцихскій, 2-й и 3-й Дагестанскій; сотни: Тіонетская, Борчалинская и Елисаветпольская, Тифлисскій дворян. дивизіонъ; 5-й полев. жандарм. эскадронъ.

Потери: офиц. убито 19, ранено 62; нижн. чин. убито 496, ран 1767
Трофеи: 303 орудія и 17/тыс. плѣнныхъ.

пость и не оставлю камня на камнѣ, такъ что жители не отыщутъ даже мѣста, гдѣ они когда то жили"... То же самое онъ повторилъ потомъ въ Эрзерумѣ передъ войсками. „Карсъ мы взяли,—сказалъ онъ,—и не отдадимъ его назадъ, чтобы не толковала тамъ берлинская конференція. А поупрямятся—такъ имъ же хуже будетъ... Васъ мало, но ваша сила не въ числѣ, а въ вашей преданности Государю. Прикажетъ онъ, и мы остановимся только тамъ, гдѣ остановитъ насъ смерть: она одна сильнѣе вашего духа»!...

Со времени послѣдняго штурма Карсъ становится уже русскою крѣпостью. Турецкія названія его фортовъ изглаживаются изъ памяти народа и замѣняются новыми названіями,—именами тѣхъ русскихъ вождей, которые ознаменовали себя доблестными подвигами при взятіи азіятской твердыни *).

Карсскія торжества окончились, но впечатлѣнія ихъ никогда не изгладятся. И лучшимъ выразителемъ высокаго духовнаго значенія этихъ дней остается слѣдующій приказъ нашего маститаго главнокомандующаго генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, отданный 8-го ноября 1910 года:

> «6-го сего Ноября мѣсяца въ кр. Карсѣ въ моемъ присутствіи открытъ и освященъ памятникъ во славу нашихъ героевъ-воиновъ, сложившихъ свои головы при разновременныхъ осадахъ и штурмахъ этой крѣпости.
>
> «Объ этомъ объявляя войскамъ Высочайше ввѣреннаго мнѣ Кавказскаго военнаго округа, считаю долгомъ обра-

*) *Примѣчаніе*: „Матеріалами служили „Утвержденіе русскаго владычества на Кавказѣ", „Матеріалы по описанію русско-турецкой войны на Малоазіатскомъ театрѣ 1877—78 г."; „Записки Муравьева" „Кавказскій Сборникъ", „Воспоминаніе о Закавказскомъ походѣ" и „Акты Кавказской археографической комиссіи".

тить вниманіе всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, начиная отъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій, на достославные подвиги Кавказскихъ войскъ, давшіе блестящія страницы боевой лѣтописи нашей доблестной Русской Арміи. Такія геройскія дѣла, каковыми были четырежды повторяемые осады и штурмы Карса, не должны угаснуть въ памяти воина, ибо на этихъ подвигахъ прочно покоятся великія традиціи славы и доблести солдата и беззавѣтной его любви къ Царю и Родинѣ.

«На боевыхъ традиціяхъ растетъ и крѣпнетъ мужество молодого воина и, въ минуту призыва его для защиты отечества, онѣ вдохновятъ его душу той мощью, которая поможетъ ему совершить на ратномъ полѣ подвиги, достойные славы доблестныхъ нашихъ предшественниковъ.

«Предлагаю въ теченіи настоящей зимы во всѣхъ гарнизонахъ – въ офицерскихъ сообщеніяхъ и въ ротныхъ бесѣдахъ — вполнѣ и систематически ознакомить какъ г.г. офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ съ боевыми дѣйствіями и геройскими подвигами нашихъ войскъ во всѣ осады и штурмы кр. Карса».

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ приказѣ по Карсскому гарнизону отъ 31-го декабря 1910 года за № 139 объявлены слѣдующія полученныя привѣтственныя телеграммы и письма:

„Искренно радуемся осуществленію благой мысли почтить память воиновъ, павшихъ при штурмахъ и осадахъ Карса возведеніемъ памятника. Вмѣстѣ съ Вами горячо молимся о положившихъ душу свою за огражденіе карсскихъ твердынь“.

Генералы: *Роопъ*, *Комаровъ*, *Рербергъ*, *Дукмасовъ*, *Гончаровъ*, *Яцкевичъ*, *Бѣлявскій*, *Малама*, *Палицынъ Бергартъ*, *Князь Тумановъ*, *Вѣстманъ*, *Никитинъ*, *Колюбакинъ*, *Васильевъ*, *Князь Багратіонъ-Мухранскій* и *Николай Хомяковъ*.

„Памятуя славную годину взятія Карса и свою тѣсную связь съ побѣдоносной Кавказской арміей, Московское дворянство проситъ Ваше Сіятельство передать доблестнымъ Кавказскимъ войскамъ свой горячій привѣтъ и твердую увѣренность, что навѣки въ нихъ будутъ живы геройскіе завѣты предковъ. Вѣчная память почившимъ богатырямъ“.

Исполняющій обязанности Московскаго Губернскаго Предводителя дворянства *Базилевскій*.

„Бывшій Комендантъ счастливъ, что дѣло, имъ начатое, нынѣ завершено и памятникъ воинамъ, павшимъ при разно-

временныхъ штурмахъ Карсской крѣпости, будетъ освященъ и открытъ. Мысленно среди собравшихся на это Кавказское торжество".

Генералъ-отъ-Артиллеріи *Яцкевичъ.*

„Императорское Русское Военно-Историческое общество привѣтствуетъ славную Кавказскую армію въ годовщину безпримѣрнаго штурма Карса и въ день постановки памятника героямъ—Кавказцамъ, павшимъ смертью храбрыхъ, ревнителямъ славы своихъ Государей, дорогого Отечества и родной Арміи.

Да здравствуетъ побѣдоносная Кавказская армія на радость и гордость Великимъ Государямъ Великой Россіи.

Генералъ-отъ-Кавалеріи *Дмитрій Скалонъ.*

Милостивый Государь, Владиміръ Петровичъ.

„Съ наступающимъ днемъ открытія памятника павшимъ при осадахъ и штурмахъ Карса привѣтствую Васъ и современныхъ защитниковъ крѣпости.

Привѣтъ этотъ прошу принять отъ меня лично и отъ моихъ сослуживцевъ 3-го Кавказскаго корпуса, отъ составной и нераздѣльной части славной Кавказской арміи.

Предъ памятью бывшаго Августѣйшаго Главнокомандующаго и памятью погибшихъ героевъ смиренно склоняемъ голову съ молитвой и крестнымъ знаменіемъ.

А нынѣшнему Главнокомандующему и славному гарнизону крѣпости шлемъ русское могучее „ура", на счастье и величіе Великому Самодержцу Всероссійскому и русскому воинству.

Съ чувствомъ искренняго уваженія къ Вамъ и къ карсскому гарнизону жму Вашу, господинъ Комендантъ, руку.

Вашъ покорный слуга *К. Алексѣевъ.*

„Преклонясь передъ подвигами трехъ поколѣній славной Кавказской арміи, при троекратномъ взятіи крѣпости Карса неизмѣнно сохраняющей и нынѣ вполнѣ стратегическое значеніе главнаго мѣстнаго укрѣпленнаго оплота Закавказья, прошу ваше превосходительство съ предстоящимъ увѣковѣченіемъ памятникомъ въ крѣпости Карсѣ этихъ подвиговъ принять мои поздравленія и пожеланія встрѣтить въ будущемъ для охраны желаемаго мира вѣрный залогъ успѣха побѣдъ въ развитіи научныхъ знаній въ уровень вѣка, совмѣстно съ унаслѣдованнымъ уже отъ предковъ боевымъ самоотверженнымъ духомъ полевой арміи и гарнизона крѣпости Карса — доблестныхъ войскъ Кавказскаго военнаго округа“.

Состоящій при войскахъ Кавказскаго военнаго округа Генералъ-отъ-Инфантеріи *Зеленой*.

„Кубанское казачье войско, части котораго участвовали въ штурмѣ Карса, сегодня, въ знаменательный день торжественнаго открытія памятника, шлетъ сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія Вамъ и доблестному гарнизону крѣпости“.

Наказный атаманъ Генералъ-Лейтенантъ *Бабичъ*.

„Въ день торжества открытія памятника воинамъ, павшимъ при покореніи Карса, сердечно привѣтствую Карсскій гарнизонъ и ваше превосходительство, коменданта крѣпости. Занятый службою, не могу воспользоваться Вашимъ любезнымъ приглашеніемъ на торжество“.

Участникъ осады 1877 года Инженеръ-Генералъ *Рербергъ*.

„Примите отъ участника штурма поздравленіе съ освященіемъ воздвигнутаго памятника надъ братскою могилою павшимъ сослуживцамъ. Живо вспоминаю то время и родныя Кавказскія войска“.

Начальникъ 6-й Кавалерійской дивизіи

Генералъ-Лейтенантъ *Девель*.

„Какъ одинъ изъ участниковъ славнаго штурма 1877 года крѣпости, привѣтствую открытіе памятника героямъ, павшимъ при штурмахъ. Прошу принять мою скромную лепту на усиленіе средствъ Кавказскаго военнаго общества помощи инвалидамъ; деньги переводомъ“.

Генералъ-Маіоръ *Скворцовъ*.

„Въ достопамятный день открытія памятника доблестнымъ воинамъ, положившимъ животъ при штурмахъ Карса, переношусь душою въ среду наличныхъ участниковъ послѣдняго штурма, для совмѣстнаго задушевнаго провозглашенія вѣчной памяти“.

Генералъ-Маіоръ въ отставкѣ *Бейнаръ-Бейнаровичъ*.

„Начальники частей 21 дивизіи и ея артиллеріи, въ день достопамятнаго третьяго овладѣнія Карсомъ, отъ своего и своихъ частей имени поздравляютъ Васъ и участниковъ торжества постановки памятника славнымъ участникамъ трехъ штурмовъ и взятія Карса. Да будетъ въ нашихъ рядахъ навсегда духъ старыхъ героевъ Карса“.

Генералъ-Лейтенантъ *Ясенскій*.

„Сегодня, въ знаменательный день тридцать третьей годовщины взятія Карса, при торжествѣ открытія памятника павшимъ подъ стѣнами этой твердыни, сороковая пѣхотная дивизія съ ея артиллеріей, отдѣленная нынѣ огромнымъ пространствомъ необъятой Россіи, мысленно переносится къ Вамъ, выражая непреклонную готовность и впредь, по первому зову своего Верховнаго Вождя, стать на защиту Царя и Родины“.

Временно командующій дивизіей

Генералъ-Маіоръ *фонъ-Геннигсъ*.

„Я и чины Михайловской крѣпости, въ день увѣковѣченія подвиговъ героевъ доблестно павшихъ при штурмахъ и

осадахъ Карса, вознося горячія молитвы за нихъ Всевышнему, поздравляемъ ваше превосходительство и чиновъ Карскаго гарнизона торжествомъ открытія памятника".

Генералъ-Маіоръ *Бауеръ*.

,,Грузинскаго генерала Котляревскаго полка гренадеры, почтивъ молитвою память своихъ предковъ и кунаковъ, павшихъ подъ стѣнами крѣпости, пьютъ за здоровье славныхъ ветерановъ и поздравляютъ ихъ со славной годовщиной".

Полковникъ *Ранцевъ*.

,,Сегодня, шестого ноября, Рязанскій полкъ всей душой русскаго солдата присутствуетъ на торжествѣ открытія памятника героямъ, павшимъ на троекратныхъ штурмахъ Карса. Тамъ, на Шорахѣ, среди многихъ, горитъ и частица Рязанской славы, кровью завоеванной. Да дастъ же она намъ силу и мощь въ годину испытанія доблестно поддержать честь русскаго оружія".

Полковникъ *Дитерихсъ*.

,,Въ нынѣшній знаменательный день Бѣлевцы вмѣстѣ съ вами и гарнизономъ вамъ ввѣреннымъ молятся о душахъ героевъ, положившихъ животъ свой при штурмахъ Карса въ 1828, 1855 и 1877 годахъ. Честь и слава оставшимся въ живыхъ участникамъ, честь и слава доблестному коменданту и гарнизону нынѣ русской крѣпости, еще болѣе грозной для нашихъ враговъ, чѣмъ была для насъ во время приснопамятныхъ штурмовъ".

Полковникъ *Бѣляевъ*.

,,Тульскій полкъ сердцемъ и мыслью присоединяется къ чествованію памяти героевъ-предковъ, участниковъ славнаго штурма Карскихъ твердынь".

Командиръ полка, Полковникъ *Сухомлинъ*.

„Крымцы, памятуя славныя традиція боевой Кавказской жизни, преданіе о которой никогда не угаснетъ въ ихъ сердцахъ, возносятеплыя молитвы къ Престолу Всевышняго за упокой героевъ доблестныхъ подвиговъ подъ стѣнами Карса, привѣтствуютъ нынѣ славныя войска ввѣреннаго вашему превосходительству гарнизона. Да послужитъ сегодня памятникъ чудо-богатырямъ, павшимъ въ бояхъ при штурмахъ нашей восточной твердыни, на радость намъ и на вѣчную неувядаемую славу героямъ".

Командиръ полка, Полковникъ *Карлстендтъ*.

„Въ день открытія памятника, совпадающаго съ 33 лѣтней годовщиной штурма Карса, 75-й Севастопольскій полкъ, благоговѣйно преклоняясь передъ священной памятью героевъ, запечатлѣвшихъ своею кровью подъ стѣнами твердыни вѣрность, преданность Царю и Россіи, и возносягорячія молитвы Всевышнему объ упокоеніи души усопшихъ, привѣтствуетъ въ лицѣ вашемъ гарнизонъ, всѣхъ участниковъ торжества съ радостнымъ событіемъ увѣковѣченія памяти павшихъ героевъ, шлетъ сердечныя пожеланія славы, процвѣтанія частямъ гарнизона. Слава живымъ участникамъ штурма, за ихъ храбрость, стойкость, беззавѣтное мужество. Да пребудетъ вѣчно открываемый памятникъ напоминаніемъ нынѣшнимъ и грядущимъ поколѣніямъ о великихъ подвигахъ нашей доблестной арміи".

Командиръ Севастопольскаго полка *Койчевъ*.

„Я и чины ввѣреннаго мнѣ полка, вознеся горячія молитвы Господу Богу объ упокоеніи павшихъ при взятіи Карса воинахъ и своихъ товарищахъ Кубанцахъ, всѣми мыслями участвуемъ въ торжествѣ въ знаменательный день открытія памятника въ честь павшихъ за Царя и Родину чудо-богатырей. Пусть этотъ монументъ послужитъ связующимъ звеномъ

нас съ Кавказской арміей и назиданіемъ потомству о великихъ дѣлахъ нашихъ предковъ".

Командиръ 76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка, Полковникъ *Былимъ-Колосовскій.*

„Навагинцы поздравляютъ славныхъ стражниковъ знаменитыхъ „воротъ" съ открытіемъ памятника доблестнымъ воинамъ, цѣною жизни давшимъ намъ возможность владѣть этой древнѣйшей твердыней, служившей въ теченіи многихъ вѣковъ вратами различныхъ царствъ и за обладаніе которой многіе народы сложили свои кости".

Подполковникъ *Дагировъ.*

„Пятигорцы искренно сожалѣютъ, что, за дальностью разстоянія и позднимъ полученіемъ извѣщенія, лишены возможности командировать представителя отъ полка, но всей душой присоединяются къ торжеству открытія священнаго для нихъ памятника въ день годовщины славнаго штурма крѣпости Карса и доблестнымъ соратникамъ и сослуживцамъ, погибшимъ съ оружіемъ на полѣ брани, храня завѣты старыхъ кавказцевъ, вѣря въ силу русскаго оружія и величія Россіи, прославляя могущество Русскаго Царя. Вѣчная память этимъ героямъ трехъ штурмовъ Карса, и да здравствуетъ Великій Государь, Его Армія, участники побѣдъ, создатели побѣды и величественнаго памятника надъ священной могилой доблестныхъ русскихъ богатырей".

Полковникъ *Илинскій.*

„Абхазцы, празднуя сегодня взятіе штурма крѣпости Карса въ 1877 году, поздравляютъ ваше превосходительство и гарнизонъ крѣпости и искренно благодарятъ васъ и всѣхъ участвовавшихъ въ сооруженіи памятника".

Полковникъ *Кусаковъ.*

„Стрѣлки Гомборцы, памятуя своихъ славныхъ предковъ, дважды штурмовавшихъ твердыни Карса, возносятъ горячія молитвы за упокой душъ ихъ доблестныхъ стрѣлковъ и ихъ боевыхъ товарищей, положившихъ свою жизнь подъ стѣнами вражьей крѣпости на пользу Царя и Отечества и во славу русскаго оружія. Вмѣстѣ съ тѣмъ шлютъ дружескій привѣтъ всѣмъ собравшимся на торжество открытія памятника—памятъ беззавѣтныхъ храбрецовъ, кровью своей добывшихъ для Отечества грозную твердыню, ставшую нынѣ оплотомъ русскаго могущества на Дальнемъ Югѣ".

Командиръ полка, Полковникъ *Чаплинъ*.

„4-й Кавказскій Стрѣлковый полкъ, какъ активно принимавшій участіе въ штурмѣ Карса 1877 года, съ радостью поздравляетъ васъ днемъ увѣковѣченія памяти многократныхъ блестящихъ дѣйствій русскихъ войскъ подъ крѣпостью, приведшихъ къ паденію неприступной твердыни къ стопамъ Государя. Отъ лица всѣхъ чиновъ полка завѣряю, что въ юныхъ душахъ современныхъ стрѣлковъ горитъ тотъ же святой огонь жажды подвига, по примѣру предковъ, на славу обожаемаго Государя и дорогой Родины".

Командиръ 4-го Кавказскаго стрѣлковаго полка,
Полковникъ *Пудянскій*.

„2-й Кавказскій саперный баталіонъ, чтя заслуги своихъ предковъ, участвовавшихъ въ водруженіи русскаго знамени на неприступныхъ твердыняхъ Карса и цѣною своихъ жизней удостоившихся полученія Георгіевскаго знамени, душою присоединяется къ чествованію памяти героевъ, павшихъ при штурмахъ Карса и своей беззавѣтной доблестью сломившихъ упорство врага.

Командиръ баталіона, Полковникъ *Григорьевъ*.

„1-я батарея второго Кавказскаго стрѣлковаго дивизіона, бывшая пятая—тридцать восьмой бригады, имѣющая Георгіевскія трубы, въ день открытія памятника павшимъ героямъ за Карсъ шлетъ привѣтъ частямъ участвовавшихъ въ штурмѣ.

Командиръ батареи, Подполковникъ *Бушинскій*.

„Пятая батарея 21-й бригады, бывшая четвертая батарея 39 бригады, отслуживъ панихиду по павшимъ воинамъ при штурмѣ 6 ноября 1877 года, шлетъ привѣтъ славному гарнизону.

Полковникъ *Ласовскій*.

„Командиръ, офицеры и команда канонерки „Карсъ", вновь построенной въ память славнаго взятія крѣпости, въ высокоторжественный день открытія памятника, сооруженнаго благодарнымъ русскимъ народомъ доблестнымъ покорителямъ крѣпости, шлютъ братскій привѣтъ и поздравленія гарнизону, администраціи, жителямъ крѣпости и города.

Командиръ, капитанъ 2-го ранга *Сировяткинъ*.

„Служба лишила меня возможности воспользоваться вашимъ любезнымъ приглашеніемъ. Позвольте и мнѣ поздравить, во главѣ съ вашимъ превосходительствомъ, доблестный Карсскій гарнизонъ съ торжествомъ открытія памятника. Страницы исторіи славныхъ дней дорогой Родины заставятъ много разъ Русское сердце радостно забиться, а мысль подскажетъ, что герои предки найдутъ отраженіе въ ихъ потомствѣ".

Управляющій Эриванскою Казенною Палатою *Лѣснякъ*.

„Какъ сыновья героя штурма 1855 года, умершаго генералъ-маіора Павла Николаевича Броневскаго, почтительнѣйше поздравляемъ ваше превосходительство и доблестныхъ защитниковъ нашей твердыни открытіемъ памятника героямъ. Сы-

новья съ радостью вспоминаютъ, какъ отецъ воодушевилъ войска, повелъ штурмовую колонну верхомъ, не надѣвши, вопреки приказу, солдатской шинели, отчего раненъ въ лѣвую руку, которая отнята. Просимъ помянуть героя дядю Ивана Николаевича, который артиллерійскимъ капитаномъ получилъ тогда же Георгія.

За всѣхъ Броневскихъ—Капитанъ въ отставкѣ *Броневскій*.

СПИСОКЪ

офицерскимъ чинамъ, убитымъ при штурмѣ кр. Карса въ 1807, 1828, 1855 и 1877 годахъ.

1807 годъ.

При штурмѣ кр. Карса 25-го марта 1807 года.

15-го Егерскаго полка *Юденковъ 1-й*, Саратовскаго мушкетерскаго полка маіоръ *Бурцевъ* и 20-й артиллерійской бригады поручикъ *Поповъ*.

1828 годъ.

Во время штурма 23-го іюня 1828 года.

Прикомандированный къ 42-му Егерскому полку Апшеронскаго пѣхотнаго полка поручикъ *Штоквичъ**).

1855 годъ.

При штурмѣ кр. Карса 17-го сентября 1855 года.

Грузинскаго гренадерскаго полка: маіоры *Герсевановъ*, *Вальховскій* и *Теръ-Гукасовъ*, капитанъ *Теръ-Степановъ*, штабсъ-капитанъ *Колмогородскій*, поручикъ *Петровъ*, подпоручики *Юдинъ* и *Пожидаевъ*, прапорщики *Гедевановъ*, *Быковъ* и *Кополадзе*.

Эриванскаго карабинернаго полка: капитанъ *Соколовскій*, поручики *Беръ* и *Денферъ*, прапорщикъ *Саванеловъ*.

Мингрельскаго егерскаго полка: поручики *Терпеловскій*, *Долухановъ* и *Поповъ*, подпоручикъ *Бѣлевъ*, прапорщики *Баратовъ* и *Литебрантъ*.

Куринскаго егерскаго полка поручикъ *Ивенсонъ*.

Бѣлостокскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ *Сохацкій*.

Виленскаго егерскаго полка: командиръ полка полковникъ *Шликевичъ*, подполковникъ *Одинцовъ*, маіоръ *де Жерве*, штабсъ-капитанъ *Фромандіеръ*, по-

---

*) Отецъ извѣстнаго защитника Баязета въ 1877 году.

ручикъ *Ванинъ*, подпоручики *Сухинъ* и *Ковальскій*, прапорщики *Сульчинскій 2-й* и *Хартулярій*.

Ряжскаго пѣхотнаго полка: полковникъ *Брещинскій*, капитанъ *Хлюстинъ*, подпоручикъ *Яцынъ 1-й*, прапорщики *Эринсъ*, *Радкевичъ* и *Пузыревскій*.

Бѣлевскаго егерскаго полка: подполковникъ *Жефаридзевъ*, маіоръ *Скородумовъ*, шт.-капитаны *Ковалевскій*, *Пятницкій* и *Зелепинъ*, поручики *Судовскій*, *Дышлевскій*, *Браслинскій*, *Брякилевъ* и *Ильинскій 1-й*, подпоручики *Масальскій-Кащура*, *Лашкевичъ*, *Чулковъ 1-й*, *Сашальскій*, *Ильинскій 2-й* и *Больскій*.

Тульскаго егерскаго полка: штабсъ-капитанъ *Дударь*, поручики *Апухтинъ*, *Емельяновъ*, *Бобровъ* и *Чернопятовъ*, подпоручики *Любимовъ*, *Соболевскій*, *Борисовъ*, *Голицынскій* 1-й и *Зарецкій* 1-й, прапорщики *Роппъ*, *Богоявленскій*, *Саранчевъ* и *Шамаринъ*.

Кавказскаго стрѣлковаго баталіона: командиръ баталіона полковникъ *Лузановъ*.

Кавказскаго саперпаго баталіона: штабсъ-капитаны *Кокаревъ* и *Аксеновъ 2-й*, поручикъ *Аксеновъ* 1-й.

Командиръ Кавказской гренадерской артиллерійской бригады полковникъ *Москалевъ*.

Батарейной № 1-й батареи Кавказской гренадерской артиллерійской бригады штабсъ-капитанъ *Дударовъ*.

Нижегородскаго драгунскаго полка прапорщикъ князь *Грузинскій*.

Старшій адъютантъ штаба 13-й пѣхотной дивизіи шт.-капитанъ *Трикоза*.

Начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи генералъ-лейтенантъ *Ковалевскій* (смертельно раненъ и умеръ 21-го числа).

Число убитыхъ не полно, такъ какъ многіе показанные ранеными умерли отъ ранъ.

1877 годъ.

При штурмѣ кр. Карса съ 5-го на 6-е ноября 1877 года.

Командиръ 1-й бригады 1-й гренадерской дивизіи генерлъ-маіоръ графъ *Граббе*.

3-го гренадерскаго Перновскаго полка: командиръ полка полковникъ *Бѣлинскій* и капитанъ *Бейеръ*.

4-го гренадерскаго Несвижскаго полка капитанъ *Гулецкій*.

75-го пѣхотнаго Севастопольскаго полка: маіоръ баронъ *фонъ-Дистерло 1-й*, поручики *Невѣровскій* и *Аристотелевъ*.

76-го пѣхотнаго Кубанскаго полка поручикъ *Довгелло*.

151-го пѣхотнаго Пятигорскаго полка: командиръ полка полковникъ *Бучкіевъ*.

152-го пѣхотнаго Владикавказскаго полка капитанъ *Чаплыгинъ*, подпоручикъ *Федоровъ* и прапорщикъ *Ухотскій*.

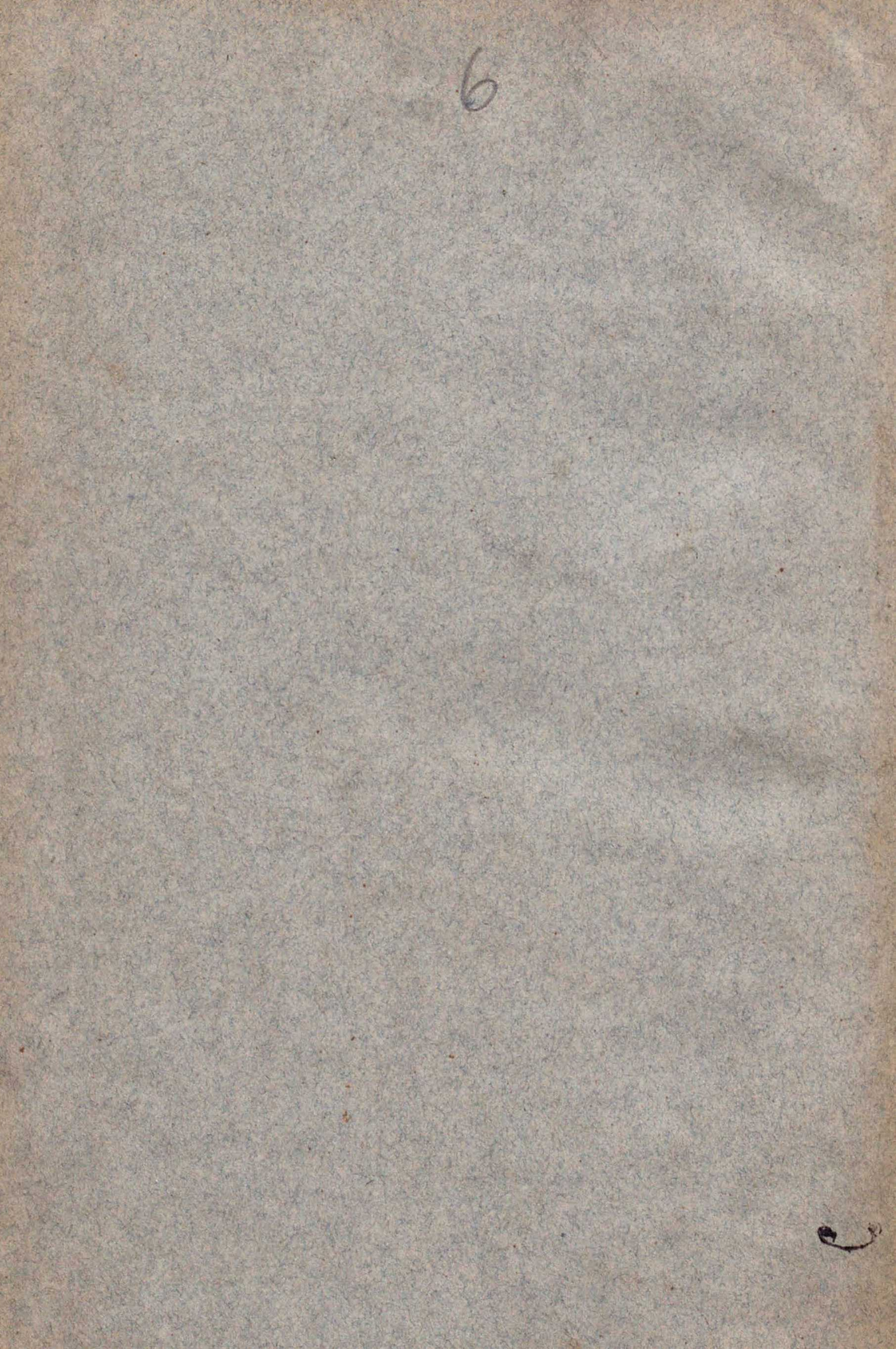
158-го пѣхотнаго Кутаисскаго полка подпоручикъ *Палисадовъ*.

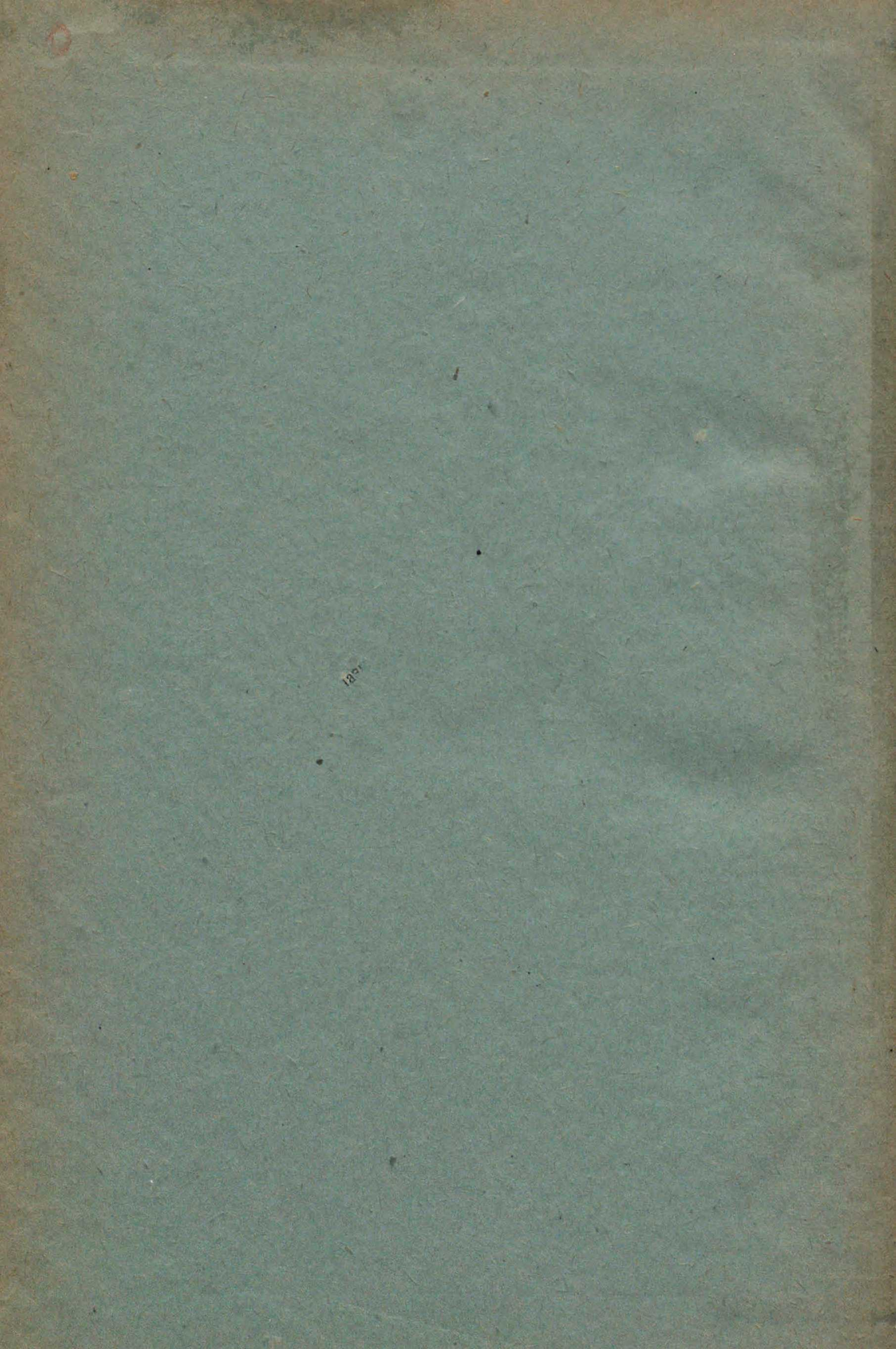
1-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона: командиръ баталіона маіоръ *Геричъ* и штабсъ-капитанъ *Клименко*.

4-го Кавказскаго стрѣлковаго баталіона: командиръ баталіона полковникъ князь *Меликовъ*.

3-го Кавказскаго сапернаго баталіона поручикъ *Некрасовъ*.

21-й артиллерійской бригады подпоручикъ *Лазаревъ*.

6

2015082237